

B.O. ИЛИ RUSSIA'S STRANGE PROBLEMS ON THE SCREEN

(Документальная повесть)

Книга издавалась под псевдонимом ЮРИЙ СИМОНЬЯН

Глава 1.

Моя мечта

У человека в жизни должна быть мечта. Большинство людей, мечтает стать богатыми или побывать в Париже. Еще много мужчин (в том числе и я) мечтает о Джуллии Робертс, или о том, чтобы стать чемпионом мира. Всё равно, по какому виду спорта, но именно быть чемпионом! Они думают, что если все эти желания совместить, то прямиком оказываешься в раю. Как бы ни так!

Я представляю себе, как Джуллию Робертс будет тошнить от Парижа, в котором, куда ни плюнь, всюду одни дремучие арабы. Кроме, peut-être, Лувра, в который она и сама не потащится. С Джуллией в Париже намучаешься однозначно!

Инна Чурикова когда-то мечтала, чтобы на всей земле наступил коммунизм. А мне хватило бы того, чтобы на всей земле не наступал капитализм. Но пока это всё не главная мечта. А вот если бы я просил, чтобы выполнили мою мечту, ну, как Соломон просил у Всевышнего мудрости, то я хотел бы описать на одной страничке половой акт, чтобы он был содержательным, но не пошлым.

Возможно ли такое? Я боюсь, что единственный способ — это описывать половой акт так, чтобы была эротическая встряска, но вообще не затрагивался секс. Чтобы не было оскорбительной дешёвки ! Эдакого лимоновского мазка: « я водил своим x@... по её п@... ». Не надо никаких x@.. и п@..! Вот в чем суть моей мечты! Другими, совсем другими, должны быть краски! Например, самый пронзительный сексуальный момент в моей жизни был именно с иностранкой, и, как ни странно, с немкой. Я давно ничего о ней не слышал, но попробуйте представить себе состояние человека в весеннем Берлине. Когда ты, с поезда, влюблённый, очарованный, возбуждённый, не успев поменять деревянные деньги, прыгаешь в её WW, и еще через пятнадцать минут оказываешься на каком-то марсианском двуспальном диване! Пусть несколько широковатом, даже для одинокой и раскованной девушки, но зато на таком удобном, что это ложе до сих пор ровно раз в неделю мне снится. Потом, погружаешься в

громадную, пустую, прохладную ванну! Такого размера, что в ней легко могла бы состояться помывка всего экипажа нашего тральщика, кроме, может быть, нашего замполита капитана Тындюка, с которым я и так в одной ванне никогда в жизни мыться бы не стал! И вдруг такая чудовищная близость с близким тебе по духу существом, с Frau с большой немецкой буквы! Когда становишься с этой Frau из Scharlottenburg одним человеком, и это поднимает вас над языками, над культурой, и ты уже не понимаешь, ни чья это нога, ни чья рука, а остается только взаимное проникновение душ! Души российского мужчины армянского разлива и простой немецкой девушки, по профессии русского филолога, очарованной Достоевским и Толстым, А.А.Блоком и, особенно, Пушкиным. Иностранные обычно любят Лермонтова, но если иностранец любит А.С.Пушкина, и, особенно, если этот иностранец — женщина, то нужно сразу жениться, нечего медлить. Потому что выше состояния на Земле нет!

Единственное, что в какой-то момент мне очень захотелось пить, потому, что я весь день в поезде ел острое и пил только сладкий кофе. Но она сказала, что сырую воду пить нельзя, потому что гигиенисты Западной Германии, после слияния двух немецких государств, считают питьё сырой восточногерманской воды самоубийственно вредным. «Потому что, видимо, эти восточные свиньи, совершенно не привыкли мыться!» — шутливо добавила она. И я засмеялся и сказал, что выбегу купить Колу в соседнюю лавку. Но она ответила, что лавка не работает, потому что выходной день, и все лавки на Kaiserstrasse не работают по закону! Так что можно иссохнуть от жажды, как Клинт Иствуд, когда он бредёт по пустыне, но сегодня Клинту Иствуду никто из берлинских лавочников Кока-Колы, хоть удавись, не продаст. Но я сказал, что тогда я сбегаю в метро и ещё через пять минут снова буду в постели! Только сейчас мне, наверное, нигде не разменять деньги! Разве что она даст мне какую-нибудь купюру или разменяет мои рубли. Но она ответила, что в метро сейчас продаются только маленькие Колы по 0,5 литра — за две марки и 60 пфеннигов, а если перетерпеть до утра, то можно в супермаркете купить за эти же деньги двухлитровую бутылку, которая очень экономична, и стоит всего 2 марки и 40 пфеннигов. То есть получается, что если она даст мне сейчас пять марок, потому что свои деньги я разменять не могу, то на эти деньги завтра в девять утра (всего через каких-то семь часов!) мы не только сможем сэкономить 20 пфеннигов, но и купить ещё 1500 лишних, а фактически 1600 лишних, граммов колы, и пить её до посинения всю неделю. А пока можно попить оставшую воду из чайника, потому что пить сырую воду, она вынуждена еще раз повторить, для моего же блага, она пить не рекомендует! Но уже где-то посередине этого объяснения, я понял, что её

интерес к Пушкину и даже к А.А.Блоку, разумеется, очень ценен, но не на Александре же Блоке я хочу жениться! И лучше действительно перетерпеть 7 часов до утра, а потом под каким-нибудь предлогом смыться отсюда, сесть в скорый Берлин — С.Петербург, сколько бы мне это ни стоило пфеннигов, и поискать дома какую-нибудь нормальную питерскую девочку, пусть и с менее широкой тахтой, но, что главное, менее рассудительную! X@r с ним, с Блоком! И о сексе пока всё! Теперь я перехожу к любви. Я начинаю писать о ней, когда я прячусь в заброшенном садоводстве, пишу дневник, жду отмашки от одной прибандиченной особы и проклинаю всё на свете.

Глава 2.

Время, в котором я очутился, относится к прекрасной бандитской эпохе, чуть ближе к её закату. Для меня эти годы — это и счастье, и восторженный ужас! И общее чувство незащищённости! Меня оно тоже касалось. Да и все люди, которых я знал, тоже были в очень тревожном состоянии. Даже самым жизнерадостным идиотам было не по себе! Но если в начале девяностых этот ужас проявлялся в самой вульгарной форме — элементарно на улицах было полно бандитов, то уже к концу девяностых ты был полностью беззащитен и перед лицом криминала, и перед лицом родной криминальной власти. Когда и те, и другие могли сделать с тобой всё, что хотели, а ты не мог ничего! Были у тебя деньги, не было денег, всё равно было страшно. Обстановка в городах была настолько зловещей, что году в девяносто третьем центр Петербурга уже больше смахивал на Чикаго столетней давности. Только ещё более задрипанный! Закона не было, и смерть всё время прогуливалаась очень близко! Потом, потихонечку, жизнь устаканилась. Но выбираться из тех лет было так же трудно, как карабкаться из керченских катакомб. Не знаю, с чем ещё можно сравнивать. И на свет из этих развалин вылезли далеко не все. Особенно это касается мужчин. Сегодня почти все мои ровесники живы, даже спортсменки живы. А вот со спортсменами дело обстоит намного хуже: многие попросту убиты, исчезли, куда-то сгинули.

Кто-то ещё уехал в Америку, кто-то в Израиль. Вовку Киреевца, из параллельного класса, кончили, правда, вот он-то был сиженый уркаган, он не спортсмен. Своей смертью, как по заказу, не умирал никто!

«Умер-шумер, лишь бы был здоров!» Если бы мне сказали, что и я умер, я бы тоже не удивился! Особенно сегодня! Но я много лет отсутствовал, мотался по заграницам! А вот Витёк Шалин (10-ый класс «б») при Ельцине был одним из

главарей большой аферы, связаной с торговлей танками, я читал о них в прессе. Володя Булавинов (тоже из параллельного класса) возил Amoretto di Amore в Киров и зарабатывал за поездку по 500 баксов. Сейчас такие деньги кажутся смешными. А ехать приходилось по просёлочным дорогам, по которым без тягача проехать нельзя! Я увязался за ним один разок и встречал там деревни, которые бывают только в сказках! Там телевизора еще никто и в глаза не видел, светят кое-где лампочки по двадцать пять свечей, и Олимпиада в Сочи доберётся туда ещё не очень скоро! Была в нашем классе, конечно, ещё и пара депутатов, это самое г@... из тех, кто с нами учился, даже юрист был из Госдумы. Но до таких высот мне никогда не добраться. Эти деятели делают вид, что прошлого не помнят. А мне трудно представить, чтобы кто-то из них не помнил каждую страшную секунду своей жизни. Сам я когда-то я помнил всё! Но я не думаю, что мне когда-нибудь удастся забыть одну неделю, о которой несколько лет назад я написал не то повесть, не то рассказ. От этой недели мне до сего дня не освободиться, из-за неё всё и случилось. Толстой любил повторять, что ему, для того, чтобы ответить, о чём роман «Анна Каренина», нужно заново пересказать или написать ещё одну «Анну Каренину»! И короче, «в двух словах», у него, у графа, к сожалению, не получится. А я пытаюсь передать суть моей истории именно в двух словах, чтобы вообще можно было её не читать, если вас эта тема не интересует. Хоть я сейчас думаю, что и «Анну Каренину» тоже можно пересказать в двух словах. При том, разумеется, что пересказ сильно зависит от пола рассказчика. С позиции мужчины, «Анна Каренина» — это роман о том, как лошадь Вронского Фру-Фру на скачках сломала ногу. На точку зрения женщины мне вставать не очень легко. Но, скорее всего, это роман о том, что все мужчины жуткие трусы. Ещё короче мне не сказать. А, например, «Гамлет» в основном о том, как тяжело поэту жить в мире, состоящем поголовно из одних козлов. Хоть это понятно и безо всякого «Гамлета». Так вот, если держаться самой голой сути, то я писал свой рассказ о зарождающейся любви, и о разных физиологических подробностях, которые беспокоят влюблённого человека, когда господа чеченцы за руки и за ноги приковывают его к горячей трубе отопления. Вот что-то такое. В той истории с чеченцами были ещё какие-то другие события, но все намного менее значимые. Что-то ещё помнят мой однокашники Саня Соколов и его жена Н., которые правды ни мне, ни вам никогда не скажут, тем более, что для них история ещё не закончена. Мой текст, как проклятая купюра, переходит из рук в руки и ломает людям судьбы. Что помнят другие герои моей будущей картины, сказать трудно. Чужая душа потёмки. Помнят всё, что не удалось забыть. Дело даже не в самой

истории, а в её не очень удачной временной рамке.

Но пока я уверен, что о любом времени нужно писать предельно точно. Только то, что знаю, и что нужно сказать, и ни одного слова больше. Чтобы устраниТЬ любую манерность. И чтобы никакого мармелада, зефира и патоки, но так получается не всегда. Особенно, когда полупрофессиональный шут пытается писать о человеческих чувствах.

Глава 3. ПОГОВОРКИ

Я живу какими-то совершенно разными и непересекающимися жизнями. Не понимаю, какая из них главная. Все не главные!

По утрам, даже здесь на дачном матрасе, мне лезет в голову всякая дребедень. Разные матерные частушки, детский и уличный фольклор — набор питерского семиклассника! «Люди женятся, т@-та-та-та, а нам не во что обуться!» Вот такого типа! Я же предупреждаю, что я рыжий и шут! Рыжий шут! А шутки у шутов бродят ниже пояса. Как говорят в Одессе, «погляди на Дюка со второго люка». А в Питере Барклай говорит Кутузову, «Илларионыч, где тут можно п@мочиться?», а Кутузов показывает — вон там, «за Невским, Барклаушка, прямо за Домом книги!» С утра в мозгу вот такая чепуха. С чем по утрам просыпаются в Питере более интеллигентные люди, я право не знаю!

Если я когда-нибудь буду свободным в своём выборе, (хоть до этого мне нужно ещё дожить!), то я и рассказы свои постараюсь начинать именно с поговорок. Это и дань культуре, и просто более жесткая организация текста. Попробуйте сами! У меня такие куски обычно оказываются самыми лучшими в рассказах. Во всяком случае, самыми запоминающимися. И уж точно совереннее, чем мой собственный текст! Но беда в том, что поговорки должны не только отражать суть повествования, но быть еще при этом не банальными и приличными. И сразу выясняется, что приличных поговорок и пословиц в живом языке исчезающе мало. Для стартовых фраз они не годятся совсем. А вот не очень приличных (и ёмких) пословиц — целая пропасть. Последняя такая поговорка, которая потрясла меня своей точностью, звучит так: «И сиську, и письку в одну ладонь не взять!» Высший класс! Я писал сценарий для документального ролика о гандболистках, и этим наблюдением со мной поделилась моя подружка, вполне культурная женщина, спортивный педагог, в прошлом кандидат в мастера спорта по гандболу. И всё оно так, но если ты не прижизненный классик, то начинать рассказ с подобных гандбольных выражений всё-таки страшновато. Хотя само выражение, на мой вкус, довольно

милое. А если бы вы еще видели эту лебёдушку, спортивного педагога Наташу, со всей её гандбольной статью, то вы бы поняли меня еще лучше. У этой Наташи высокая нежная шея, которую, нормальному человеку удобно целовать, стоя на деревянной скамеечке. Ещё у неё две большие мягкие ладони и очень доверчивый краснодарский выговор. В следующей жизни я окончательно решил сойтись с гандболисткой, лучше всего с полусредней или с линейной, а в этой жизни мне честно не до гандбола.

Глава 4.

Но, в конечном счёте, почти всё равно, с чего начинается текст.

Можно начинать с девичьих ладошек, или с рваного матраса, а можно с берёзовых скамеечек. Это как образец почерка или отпечаток пальца — никуда от них не спрятаться и не деться. И любой самой приличной пословицы или любых пяти фраз из рассказа будет более чем достаточно, чтобы понять, нужен вам этот писатель, или его творчество вам до того самого места, о котором, как подсчитали в Гарварде, любой нормальный мужчина вспоминает каждые 12 минут! И дело совершенно не в м@те, без которого, простите меня, писать сложно. Стерильный текст не соответствует моей сегодняшней жизни: получается не слишком убедительно.

Кстати, от себя лично, я пользуюсь этой лексикой довольно редко. Хоть в мозгу м@т вертится у меня невероятно близко к поверхности. Так сказать, «мы м@том не ругаемся, мы на нём разговариваем». И на нём думаем!

В юности я много лет носился с теориями, что ничего дурного в м@те нет, и даже главный глагол, от которого нервно вздрагивают литературные барышни, это не больше чем личная форма латинского глагола *avere*, что-то ещё ля-ля-ля про заложенную в этих словах энергию. Но все эти подростковые рассуждения уже давно никому не нужны. Сегодня любая городская отличница обложит вас м@тком так, что только держись. И давно уже пора защищать м@т от детей, а не детей от м@та. Сам я тоже в основном ругался м@том лет в двенадцать, но девчонки моем детстве так не м@терились. В дальнейшем у меня были разные, часто довольно приличные периоды, и сейчас я вижу, что м@т скорее связан не с человеком, а именно с родом его занятий. Потому что, когда ты прёшь вверх по лестнице чугунную та-та-та-та, мешаешь та-та-та-та застывающий бетон, или в твою жизнь влезают питерские бандиты, то это требует специального языка, который в академических кругах покажется неуместным. А на дальних станциях, где я сейчас отсиживаюсь, он как раз уместен!

«На дальней станции сойду — запахнет медом, живой воды попью у журавля!

Тут все мое, и мы, и мы отсюда родом: и васильки, и я, и тополя»!

В этой песне много преувеличений: мёдом не пахнет, пахнет мочёй, я валяюсь на чужой холодной даче и жду, когда Н., жена одного моего не очень хорошего знакомого и, по совместительству, моя подруга детства, меня отсюда вызовлит. Дача тоже принадлежит ей, или её родителям, я не до конца в этом разобрался, и Н. — случайный человек в этой повести. Но она появится на сцене в самый нужный момент, вызовлит меня из беды, и потом навсегда исчезнет. Из моей жизни самые главные люди исчезают только навсегда.

Плохо, когда люди исчезают из твоей жизни навсегда. И если о ком-то рассказываешь, то приходится долго ломать голову: не сказать ли заранее о смерти. Самому мне о смерти героев лучше знать с самых первых страниц, чтобы не так страшно было читать, и можно было перечитывать. Я ненавижу, когда смерти случаются в самом конце, там, где книга уже кончается и ничегошеньки невозможно исправить. Плохо ещё, что к смерти не успеваешь подготовиться, но я сейчас пишу не о смерти, это всё только к слову.

Глава 5.

Так вот, если в повести, который вы собирались экранизировать, между собой разговаривают два вооруженных чеченца, то разговор их настолько пропитан м@том, что даже нам он не всегда понятен. А на английский язык перевести просто невозможно. И более того, Боже вас упаси, это делать! Потому что Россия и Америка являются такими абсолютными антиподами, что понять перевод всё равно нельзя. Господи, они такие бараны! Зачем Тебе вообще нужно было открывать Америку и производить на свет столько американцев?! Зачем столько?! Шуток американцы не понимают никаких! Самоирония отсутствует как класс. И перевод любого текста для американцев, по определению, идиотская затея, суть которой обычно заключается в том, что ты хочешь заработать деньги и при этом сохранить свою прозу в целости. Знакомая позиция главной девственницы Союза эСэСэР, которая готова отаться, но «на пол-шишмана», как любит говорить мой дружок Колька Ларин. А так не получается. И гандболистка Наташа одной искренней девичьей фразой схватила именно суть наших проблем. Мне кажется, что выбор известной киностудии из Лос-Анжелеса, был фатальной ошибкой моего киевского продюсера, за которую мы оба продолжаем расплачиваться, и конца этому пока не видно.

Я должен был чувствовать с самого начала, что всё идёт не гладко. С того момента, когда моя повесть была переведёна и разжёвана, и уже поджимали договорные сроки, а время шло, но готовым сценарием даже не пахло. Это был

явный знак, который я не услышал.

А ведь можно было делать совершенно нормальное кино. Как будто бы для того, чтобы написать хороший сценарий, у нас своих голубых кинодеятелей мало! Я говорю не в гомофобном, а именно в чисто производственном смысле, просто объясняю положение вещей. Само занятие, а именно написание сценариев из готовой прозы, требует очень, как бы это поинтеллигентнее выразиться, первертного сознания. Голубее, чем утреннее небо над Монровией. Хоть я совершенно не помню, где находится эта идиотская Монровия. Моя бывшая тёща считает, что опасность мировой голубизны я сильно преувеличиваю, и уж меня-то точно ловить и насиливать никто не собирается, есть объекты и поинтереснее! На это остаётся надеяться.

В общем, особенной нужды ехать в Голливуд за тульским самоваром не было.

Всю первую зиму самоуверенные американцы писали сценарий сами. Получалась редчайшая блевотина. Ничего глупее в своей жизни я просто не видел, даже сами американские сценаристы это, кажется, начали понимать. Настоящий отстой!

Моя бывшая тёща, Дамира Феттаховна, рассказала мне про одного американца жутко неприличную частушку, но цитировать её я не буду! Я к тому времени написал уже целых два рабочих варианта сценария. И чёрный дикий вариант с горой трупов, и лирический вариант «зачем вы, девушки, красивых любите» в стиле Ольги Воронец! Юный романтичный продюсер решился и тоже к весне написал свой и, между прочим, вполне приличный сценарий!

Действительно приличный! Чуть-чуть наивный и трогательный! Но всё, что исходило от меня и продюсера, американской киногруппе решительно не подошло, ну а потом в творческий процесс вмешались некоторые очень уж творческие силы, о которых я расскажу позже. Творческие силы бандитского толка. Кино, конечно, принадлежит народу, а бандитское кино принадлежит бандитскому народу.

И, в каком там состоянии их творческие дела сию секунду, я просто не знаю.

Глава 6.

Но тогда, два года назад, в Лос-Анджелес ушел большой вступительный взнос, продюсер оптимистично рассчитывал на солидное финансирование, и мне казалось, что и мой коготок тоже основательно увяз. Я день и ночь переписывался с бойкой американской идиоткой, которая объясняла мне, как профессионалы должны писать сценарии. Её письма совершенно сводили меня с

ума. Продолжалось это тоскливоое умирание довольно долго. Я зарывался головой в подушку, я клялся что, «убей меня, но смотреть это коллективное г@.. я никогда не стану», но решиться и самому мужественно исключить себя из титров я слишком долго заставить себя не мог. Нет, не из тщеславия, и не из-за денег. Мне было элементарно неловко — вот и всё! А прецеденты авторских отказов были, даже в Америке были! Вам вряд ли попадался фильм с Кэтрин Хёпборн, про русскую летчицу капитана Винку Коваленко, которая перелетает на Запад из Восточного Берлина! Но автор рассказа “Not for money” своё имя из титров вычеркнул и принес извинение актерам и зрителям. Фильм, конечно, получился на загляденье! Бред сивой кобылы! Шедевр типа «Свинарки и пастуха». Называется «Iron Petticoat», железная нижняя юбка.

Вот и мне от своей железной юбки давно стоило бы отреститься. Вообще от любых юбок правильнее всего откращиваться. Но жизнь делает свои поправки, и обычно получается так, как должно было получиться, а не так, как ты планируешь. Если ты не можешь вписаться в свою настоящую жизнь сам, то тебе настоятельно помогут. Кто? Если б знать кто!

Глава 7.

То, что мой вариант сценария для Голливуда не подошёл, меня совершенно не расстраивает. Меньше будет позора. Если вам не приходилось писать сценарий по своей собственной прозе, считайте, что вам ещё крупно повезло. Причины тут разные. Теперь я честно не помню, чего такого я в своей повести навалял. А целый ряд душевных потрясений усугубили эту забывчивость. У меня программа: написать текст и, как можно скорее, его забыть! Свои вещи я перечитывать ненавижу! Лучше я почитаю судью Филдинга. Моя комната до потолка забита совершенно разными книгами, которыми я горжусь. Но на русском языке современную прозу я читаю неохотно. Все писатели надуваются и выдают «на гора», востребованное обществом искусство, от которого меня воротит! Может быть, конечно, столичные авторы боятся, что рано или поздно их всех возьмут за ж@ ... У нас без этого невозможно! И это нормально для нашей постсоветской культуры. Я лично такую заботу нашей власти только приветствую! Мне самому партийное руководство необходимо как воздух! Без него я абсолютно теряюсь. Шутов во все времена тяготила свобода, впрочем, для компенсации, им нужна царская крыша. А у меня нет никакой крыши: ни царской, ни нецарской. Я — как Ярошенко, как художник-передвижник, которому, как выяснилось, некуда передвигаться. И он пишет свой автопортрет в виде пылающего кочегара.

Ярошенко — это мой любимый художник. Я тоже чувствую себя кочегаром, у меня даже трудовая книжка до сих пор живёт в кочегарке при Литфонде. Но, по правде сказать, меня очень давно оттуда попёрли. Такова проза российской жизни.

На чужих языках эта отвратительность прозы жизни, конечно, скрадывается, но новому поколению деятелей международной культуры я, как читатель (да и как зритель), тоже не очень доверяю. Можно сказать, что я, как динозавр, перестал включаться в европейские реалии. Тошнит от режиссёров, тошнит от прозаиков, чьи толстые морды уже примелькались на всех экранах телевизоров. О таких мордах мой БЧ-4 говорил, что их «за три дня не обс@ришь». Я обещал своему капитан-лейтенанту обязательно упомянуть о нем в печати. Но печатаюсь я очень мало, и всё время забываю, упоминал я его уже или нет. Но его прибаутку про морды я не цитировал ещё никогда: как-то не получалось. А выражение народное и точное. Так наш БЧ-4 говорил вслух в кубрике про секретарей ЦК. Настоящий декабрист! Посадить его не посадили, но демобилизовали довольно скоро. А матросы слушали его с открытыми ртами. Чего с них взять: «салажня», деревня! На корабле только я один был с третьего курса вуза. Впрочем, вспоминать свой корабль я не люблю. Да и вообще память становится избирательно дырявой. Людей и события я, разумеется, помню, но только не свою прозу! И если к ней не возвращаться, то свой собственный текст за два-три года основательно из блока памяти стирается. И ты к нему начинаешь относиться как к вполне постороннему объекту. Поэтому меня дико удивляет, когда серьёзные писатели носятся по эстрадам со старой прозой или начинают объяснять, что они такого хотели сказать, задумывая своего какого-нибудь очередного лубочного Чонкина. И, представляете, они наизусть помнят, что говорил этот идиотский Чонкин-Печёнкин! А что, например, «хотел сказать» Толстой, вытаскивая на свет Наташу Ростову? Да, ничего он не хотел сказать! Записывал, чего в голову придет, но это были сплошные графские фантазии.

Глава 8.

В этом месте я могу процитировать сразу двух известных писателей. Маяковский где-то писал, что если поэт не помнит наизусть свои стихи, то это «или очень плохие стихи или очень плохой поэт!» Но, во-первых, сам В.В.Маяковский, фигура кавказская и для меня достаточно спорная. Это касается и его поэм и всего его хамского голоса. Вообще меня в любые эпохи тошнит от всей писательской своры, которая сотрудничает с властью. С другой стороны, я множество раз слышал, как Иосиф Бродский своим заунывшим и на

редкость бесцветным голосом читает собственные гениальные стихи по книжке. Фантастика! Такие прекрасные стихи, а наизусть он их не помнил! А я считаю Бродского действительно великим поэтом, правда, кроме «любовной песни Иванова» (за которую он и получил Нобеля), не очень мне близким. И стихи это, всё-таки не проза. А другие строки принадлежат Джеку, не помню его второго имени, Лондону. Серый его восьмитомник разместился у меня на холодильнике. Настоящий, (та-та-та-та) героический американец и глянцевее до сих пор не придумали. У него в повести собака-волк Кичи, которая, если выпомните, отдала своё сердце одноглазому самцу элитной породы (меня, кстати, как мужчину всю жизнь удивляла эта непредсказуемость женского выбора)! Так вот она от этого изуродованного мачо родила себе Белого Клыка. Но уже через год Кичи не только не узнала своего родного волчонка, но еще и основательно порвала ему плечо. (Матерный комментарий вычёркиваю.) И это всего через один год! А у меня с момента написания рассказа прошло целых два, а, фактически, три года. Потому что в первый год, после окончательной моей редакции, я еще несколько раз был вынужден к рассказу возвращаться. Возвращаться из-за того, что я сболтнул там чего-то оскорбительное о чеченцах, и моя сверхмнительная редакторша заставила меня всё это чистить. Кстати, один из бандитов-чеченцев в моем рассказе был действительно одноглазым, и поэтому цитирование Джека Лондона я считаю абсолютно уместным. Я не понимаю, как же они там жили на своём Клондайке? Вокруг меня тоже был типичный Клондайк: свалявшийся полосатый матрас, вязанные кофты-размахайки, пара вонючих ватников и завались советских консервов, но имелась некоторая проблема с водой, и не было ни крошки хлеба. А печку мне разрешили топить только ночью, чтобы не привлекать внимания соседей. Офигенная романтика! Вы спросите, при чём тут чеченцы? Ещё как при чём! Хоть меня искали совсем не они.

Глава 9.

Кроме неуважения к чеченцам, моя редакторша, одна из тех немногих, кто соглашался вычитывать мою прозу, с отвращением обнаружила в моей повести слишком много м@та. Хоть если бы я тогда только знал, выслушивая все её прочтания, куда дальше поплыёт наша чеченская барка, в какую американскую даль! Так что никакого м@та не останется и в помине, а сами чеченцы, если и будут в каком-то смысле целы, то это будут такие гламурные чеченцы, что Божий страх! Даже у самого моего завалящего чеченца (у которого, на тот момент, было уже три ходки), такой облик в зеркале мог

вызвать только оскорбительный плевок.

Когда, после публикации повести, наступит этот *jour noir*, и я останусь казанской сироткой без редактора, я буду вычитывать себя только сам, и от этого моя проза не выиграет ни на копейку. Хоть, с другой стороны, я сам себе, наконец, стану полновластным хозяином. Пиши, чего хочешь! Потому, что никакие волшебные «сиськи и письки» у моей комиссарши Фурмановой всё равно бы никогда не прошли, во всяком случае, в авторском объеме. Печально! Хоть что такое в сущности появляющийся на страницах м@т? Не возрождение ли это интимных сфер, упразднённых ещё большевиками и царской цензурой?! И, как любое возрождение, его можно только приветствовать, тем более что для акта любви всё-таки рано или поздно придётся изобретать подходящий этому акту глагол.

Да что там акт любви, когда у половины частей тела и без всякого акта любви в нашем языке нет названия! Если эти названия не придумали даже маститые советские литераторы, наши, так сказать, соцреалистические мастодонты, то нужно дать шанс и простым, бл@.. чеченским соотечественникам! Потому что по конституции права пользоваться русским языком их фактически никто не лишал. К некоторому обоюдному сожалению.

Нобелевский лауреат, о котором я тут упоминал, и который остаётся идолом всех прибалтийских редакторш, тоже, кстати, любил в своих стихах пройтись, или даже фиксироваться, на половых органах. Да еще в самой вульгарной подростковой форме! В виде «корольков и ...сиповок», а это вам отнюдь не безобидные набоковские мотыльки и бабочки, а совершенной иной предмет. Не потому, что я не люблю саму тему, как раз наоборот. Но мне нравится, когда пишут по-доброму и по-народному. Мои любимые стихи о любви — это «не ходите девки замуж, ничего хорошего, утром встанешь, сиськи вбок и вся т@-т@ взъерошена». Вот это по-доброму, а Бродский пишет как-то обиженно на женские половые органы и описывает их зло. А чего на них обижаться?! И уж сама его нобелевская терминология просто ужасна: в стихах я бы всё-таки предпочёл видеть продукт в чистом звучании, пусть даже с некоторым кавказским акцентом! С другой стороны, подумайте, а на чем еще, в нашу эпоху позднего бандитского капитализма, может фиксироваться честный работник пера!? Когда уже все маски сброшены, генсекам можно временно не поклоняться, и для поклонения остались вот только такие самые дорогие объекты! А что ещё делать?! «Я мечтал о коралловых островах и далеких странах, но привязан к этому месту как раковина к утёсу!» — жаловался Тартарен из Таракона. Это обо мне! Есть только одна веская причина, которая

может ещё раз сдвинуть меня с насиженного места! Знаете анекдот: «старый еврей обращается в ОВИР, хочет эмигрировать в Израиль. Ему говорят, Завель Асиорович, зачем вам это нужно, особенного антисемитизма нет, жизнь наладилась, в 70-ые вы не ехали, в 90-ые не ехали, ...

А еврей говорит — хочу уехать из-за проблем с гомосексуализмом!

В ОВИРе снова удивляются — Вы же известный женолюб, три жены, пять детей...

Старый еврей отвечает: вы меня не так поняли — при С. за это расстреливали, при Б. сажали, сейчас, наконец, разрешили, а я хочу уехать, пока это не станет обязательным!»

Обязательно станет, одни пид@ры вокруг.

Глава 10.

Нельзя сказать, чтобы в конфликте со своей хрупкой редакторшей я не шел на компромиссы. Например, я сразу выкинул вот этот технический разговор чеченских боевиков про самсу. Один из моих бандитов говорил другому: «что кладут, на х@й, в самсу слишком много лука, а второй отвечает, что самса, бл@дь, х@ёвая и совершенно, на х@й, сухая», но тут упоминаются совершенно не те половые органы, на которых чаще всего фиксировался Бродский, что меня, кстати, в своё время просто поражало. Потому, что сам наш Нобель долгое время казался мне существом идеально бесполым. Что же касается тандырной самсы, то хоть я и не самый откровенный душман, но всё-таки в некотором смысле восточный человек. И я ответственно заявляю, что про эту хрустящую лепешку с мясом и луком, которую неизвестно из чего, из явной собачатины, и неизвестно на чём, готовят в Питере, другими словами высказаться просто невозможно. Настоящий отстой!

Мои права на собственную повесть наполовину проданы, наполовину отняты, так что я не могу её даже цитировать, потому что мой продюсер за тридцать иудиных шекелей продал повесть американцам. В точности, как царь Александр II продал мою родную Аляску проклятым куклусклановцам. Хорошо ещё, что ему не пришло в голову продать Васильевский остров! С него бысталось! Историки его действия оправдывают, но меня такая монаршая коммерция травмирует как личность, и серьёзно ущемляет мои права. По его царскому велению я теперь, вместо этой паршивой дачи, не могу поехать на родину предков, приложиться, так сказать, к мощам. И это царь-либерал! Хорошо ещё, что царь не продал наш Крым, и русская литература успела там культурно попастись, пока эти нынешние козлы не отдали его в дурные руки. И в Крыму я

совершал свои подростковые открытия, ценность которых, конечно, весьма относительна, но для меня они по-своему важны. Например, только в Крыму, в Коктебеле, где до сих пор пасётся всякая соцреалистическая знать, я понял, что на свете невероятное количество голых людей! Другими словами, сколько ни надувайся, а король-то голый! И ни твои ворованные миллиарды, ни государственные границы, ни холуи в погонах, ни телевизионные идолы в глазах Бога большого значения не имеют! Платить тебе, сынок, придётся по счёту! Аминь!

Глава 11.

Но в тот момент договор с американской киностудией значение всё-таки имел, и вот по нему у меня ещё оставалась крохотная щёлочка, которой я мог воспользоваться. Для своих личных нужд я мог использовать выброшенные строки и все рассуждения, не вошедшие в основной текст повести. Этого у меня мои американские друзья почему-то не отобрали! И ссылаться на повесть и объяснять, как она была написана, я тоже мог. Сейчас и этой части я, практически говоря, лишился. То есть, публиковать нельзя, но пиши, чего хочешь! Всё-таки за дневники пока не сажают, помягче, чем при Сталине, хоть на мой вкус, ещё гаже. Я стараюсь не касаться политики, потому что она сушит прозу, но она меня сама достаёт. Совершаю нелепые поступки, а потом рву на себе волосы.

Едешь как со скользкой горочки — сначала это позорный договор с американцами, потом я выполняю их глупые советы, потом уже нет никакого «потом», потом сразу становится поздно. Потом ты уже лежишь на этом прописанном матрасе, который неизвестно чем пахнет. Хоть мыслей на таком матрасике в голову для книги приходит много. Книга должна быть с запахами, от которых мутит: пепельниц, спермы, спёртым ароматом девственниц и болотным запахом старух. Думаю, что через один-два дня все мои проблемы решатся. Или я вернусь в обычную жизнь, или мне придётся ждать пока весь «питерский филиал тальянской группировки» перебьют. Или посадят. Надёжнее, конечно, чтобы перебили. Спасибо американским юристам за толково составленный договор!

Винить некого: этот договор с ними подписал я сам. Чёрт его знает, что было тогда у меня в башке? Вот во лбу у меня в тот момент точно была трещина! И с проломленной башкой я поплыл.

Вообще я на редкость, болезненно не тщеславен. Но, может быть, в самой глубинке, и у меня где-то бродит потаенная надежда поскорее стать как все.

Стать достойным членом любого писательского союза, хоть угро-финского. Но меня, как подозрительного инородца, никудашеньки, совершенно обосновано, не приглашают. Именно об этом мне всё время твердит моя бывшая тёща. «Ну, слабо тебе подняться вверх, всего на одну крохотную ступеньку!»

Хоть на один чин стать повыше в табеле о рангах любимой холуйской культуры. Чтобы, как все ребята, один разочек посидеть в фестивальном зале на биенале, или на триенале, и пройти с братками по ковровой дорожке. Придти на церемонию во фраке, как говорили мальчишки в моём дворе, «с пуговицами до самой сп@...зу видно интеллигентный человек». Конечно, не судьба, но размягчение ума и потеря классовой бдительности со мной в очередной раз случилась. Как слабое оправдание, можно сказать, я был занят чем-то посторонним, и мне было даже не до контрактов с Голливудом. По времени, мне кажется, у меня тогда горел сценарий к документальному фильму о подводниках, и меня уже сильно, до печёнок, достала эта подводная тема.

Глава 12.

Подплав — это вообще не тема, а конфетка. Лучше бы вам о ней никогда не слышать: про подводный Чернобыль. Такая документальная развлекуха, что обхохочешься! (Матерный комментарий вычёркиваю.) О том, как облученные старшины закрывали где-то в Атлантике текущие реакторы своими телами, а потом у этого бл@дского государства они не могли получить пенсию, чтобы её хватало на хлеб и лекарства. Я уже не помню всех подробностей, а надо, и про то, что помню, тоже поскорее забыть. Но такие ленты про моряков снимать очень трудно, потому что правду в заказных фильмах о нашем флоте всё равно не рассказать, а от слашавого тона самого себя воротит. Но что делать? Это была моя документальная ниша, в которой я окопался и там постепенно окаменел. Зато годами я общался только с самыми обычными людьми, которых мы снимали. Да ещё с парочкой работяг-режиссёров, которые давали мне работу. В титры я старался не лезть. Да и кто когда читает титры документальных фильмов? Меня лично на это никогда не хватает. Но была еще и вторая причина, по которой меня не угнетала некоторая безликость моей работы. Писать я начал поздно, поменяв три разных советских вуза. Всюду учился — не доучился. И для таких как я, если ты не слишком гениальный и не слишком смелый, но тебе нравится придумывать, документальное кино — это самое подходящее поприще. Во всеобщем ликовании участвовать не надо, темы можно выбирать самые будничные, но работать не противно и ночью спиши очень спокойно. Моя «бывшая» жена Офелия, в те несколько лет, которые мы жили вместе, вообще не

интересовалась моими занятиями. Понимала, что я занимаюсь чем-то сереньким, и в тексты мои никогда не заглядывала. Да и в душу тоже особенно не лезла. Отношения у нас были, я бы сказал, достаточно вежливыми, В губы мы много лет не целовались. Как-то так вышло. Сердцу, понимаете ли, не прикажешь. Всё остальное она делала достаточно увлечённо и грамотно.

Глава 13.

Должен ли художник ограничивать свой опыт? Я о наркотиках, но и не только. Судья Филдинг пишет, что если под пивом пишешь, то под пивом же и надо читать. Знаете, пиво в 18-ом веке было серьезным напитком! Это не та моча, которую пьют на у нас на Васильевском.

Чего говорить, без стимуляторов не только Филдингу писать сложно. А пичкать себя всяким разбодяженным дерымом страшновато. «It's a heavy-duty joint, man»: как уйдёшь, так и не вернёшься. И о своих путешествиях в том направлении лучше писать, как о странствиях Онегина, сплошными точками. Но беда в том, что даже без банальной конопли ничего интересного не придумать. Не секрет, что когда ты пишешь, марихуана прекрасно концентрирует твоё сознание. И писатель может прекрасно сфокусироваться на самом процессе! (Я говорю о сексе!) То есть, не о писательском сексе! При чём тут вообще секс?! Но писатель должен чётко понимать, что он хочет сказать, вот для этого и существуют наркотики! А если ещё нажраться галлюциногенных поганок, которые растут в Лен. области, то тебе обеспечены прекрасные куски современной прозы! Грамм гашиша на Васильевском сегодня стоит 500 рублей. Не так уж обременительно! И хоть таким количеством можно убить взрослого бенгальского слона, но, когда я практиковал эти опыты, одного грамма мне с лихвой хватало на неделю! Я прочитал эти данные о бенгальском слоне в отчётах Всемирной организации здравоохранения, хоть совершенно не ясно, зачем этого слона кормили коноплей! На каком процессе хотели его сконцентрировать! Может быть там в ВОЗ'е не знали, что кормить нужно обоих сексуальных партнеров! Кормить, потому что не заставите же вы слона курить из пластиковой бутылки! Так вот у Пушкина в Михайловском коноплён засевали целые поля! Чуть какое-то поле загорится, и все колхозники бродят прибалдевшие! Упражняются в фольклоре и пророчествуют! В том числе и его Арина Родионовна! Откуда иначе эти «друг вымыслов, игривых и печальных, наперсница волшебной старины»?

Вообще из конопли, кроме гашиша, делают ещё морские канаты, потому, что

конопля не портится от морской соли. Недаром конопля — это центральный злак в фонтане Дружба народов на ВДНХ! Но умные большевики поняли, что неприхотливую коноплю каждый подросток может сажать у себя на балконе, и государству это грозит не только морем фольклора, но и невероятными материальными потерями! Экономически выгоднее травить народ табаком. И этому невинному злаку, а вместе с ним и пеньковой культуре в стране пришёл конец! «Вот жизнь была, — поёт Высоцкий, — и вверх и вниз идёшь без конвоира, покуришь план, пойдёшь на бан, пощиплешь пассажиров!» И даже «пай-мальчик» Левин в «Анне Карениной» полромана проводит в конопле! Можете проверить! Но в какой-то момент я решил, что точка! Что никакого больше допинга, и «щипать пассажиров» Левину придётся дальше без творческих стимуляторов! И я долго учился писать «чистым». Чему-то я после этого смог научиться, а чему-то нет. Красок маловато, но зато ни от кого не нужно прятаться, да и вены целы. Да и какие там, в Питере, могут быть яркие краски! Поэтому, испытывая зуд творца, я населяю свой мир самыми бледными созданиями.

Ещё я твёрдо отдаю себе отчёт в том, что без настоящего прототипа, «из ничего» — я мало чего могу придумать. Но я учусь воссоздавать человека если не по черепу, то по улыбке, по голосу. Хоть «слушач» я тоже, надо признаться, весьма неважный! Не прирождённый, а именно наученный.

И наученный позже, чем следует. Конечно, у меня тоже есть свои козыри, которыми я неплохо владею. Например, тон. Мне удается правильно выбрать тон. Для документального кино это очень важно. Есть ещё какие-то профессиональные достоинства, которые лень перечислять: я — сентиментальный, я — достаточно любопытный. Женщины мне интереснее, чем мужчины, и я тепло отношусь к своим героиням. Печататься я не очень люблю и, откровенно говоря, стесняюсь. Для меня это как вылезти обнажённым на Пушкинскую площадь. Типичный портрет городского графомана из нашего армянского анекдота про слона. «Берёт толстым хвостом батон и засовывает себе в ж@пу...». Это про другого слона, не про бенгальского! Много пишет и всё засовывает в стол. Письменный стол забит рукописями. Но пишу я таким мелким почерком, что потом хрен разберёшь, что я такое навалял, и я откладываю эти тетрадки на будущее. Но, откровенно говоря, прочитать их даже сейчас зачастую невозможно. Может быть, прочитает какой-то отдалённый внук, и то вряд ли. Потому, что мысли приходят ко мне лёжа. То есть, лёжа нахожусь я. А мысли, я не знаю, в какой позе, но писать лёжа поразительно неудобно. Получаются одни закорючки. Ещё я люблю писать на темном экране,

вот уж тогда твои тексты прямиком отправляются в космос! Когда вообще не понимаешь, что ты пишешь, и пишешь ли ты вообще! Или просто тюкаешь по клавишам. Это в слабой степени напоминает мне работу на моей старой пишущей машинке, которую у меня взорвали в одном «кейптаунском порту»: я забыл её под скамейкой, и придурики-полицейские вызвали взрывотехника. С тех пор были и другие машинки, но я больше всего любил ту, взорванную. Не знаю, как у других, потому что я стараюсь не общаться с писателями, а у меня получается, что обманчивая лёгкость работы на экране приводит к тому, что перестаёшь писать совсем. И даже перестаёшь читать. И мыться! (это шутка!) Сейчас появляются романы про глубокие чувства в "сети", и нужно срочно прочитать хоть один такой опус, чтобы случайно не повторяться! Но в сети присутствует всё, чего мне недостаёт в живом общении с женщинами: с ходу достигаешь полной откровенности, не грозят венерические болезни и тебя не заставляют пользоваться презервативом! Меня, правда, и без сети давно никто не заставляет ими пользоваться,

Глава 14.

.....будущие тексты, если это настоящие тексты, (другими словами, откровения), планировать невозможно. А особенно их трудно планировать, когда сидишь перед зажженным экраном. Это как половой акт перед зеркалом, которое, конечно, для развлечения можно время от времени вешать, как можно в шутку использовать молодежный вьетнамский гандон, но если постоянно проводить половые акты перед зеркалом, то это уже какой-то другой вид деятельности. Потому что углубиться и сосредоточиться при ярком свете, большинству не очень обдолбанных девчонок, в постели достаточно тяжело. Половой акт, пишет О.Б., требует сосредоточенной полутьмы, времени, когда миром правит Vagus nerve. И вот в такой же полутиме нужно научиться ждать прозу и терпеть. Но никогда не знаешь, сколько времени должно пройти, чтобы снова началось. Стендаль писал, что иногда ждёшь 10 лет, но бывает и все тридцать, а столько времени уже крепко замучаешься ждать! Стендаль ещё не знал, что такое состояние точно не наступит, если тридцать лет просидеть перед зажжённым экраном. А если ты всё- таки снова начинаешь писать прозу, то лучше начинать писать карандашом или ручкой. Или металлическим пёрышком! До гусиного пера меня, конечно, назад не относит, но я бы без напряжения мог сейчас писать «уточкой»! Вы даже не представляете, что это за уродливое перо! Я это пёрышко всегда недолюбливал, а любил я только 96- е золотистое перо! Но где его сейчас найдёшь! И ещё любил белые «непроливайки» наполненные фиолетовыми чернилами. Они всё равно,

конечно, переворачивались в портфеле, если мама наливала туда слишком много чернил, и еще, если портфелем сильно врезать по чугунной мусульманской башке.

В городах такие раритеты давно исчезли, но в моей начальной поселковой школе я их ещё застал. Кстати, писать перед тёмным экраном — это моё собственное изобретение, и я решил бесплатно подарить его человечеству!

Моя бывшая тёща говорит, что никаких «уточек и непроливаек» я и в глаза видеть не мог, потому что они исчезли в конце пятидесятых годов. Но Дамира Феттаховна заблуждается, и она человек не деревенский, а городской, да ещё ко всему и татарка. Дамира -означает «даёшь мировую революцию», не хухры-мухры!

Тёща считает меня тряпкой, из-за того, что я не удержал её дочь. Но я никого не хочу удерживать. Если нужно женщину удерживать, то пусть она отправляется в свою настоящую жизнь! «Как вас угораздило назвать дочь таким идиотским именем? А как бы вы назвали сынишку, Гамлетом или Лаэртом?», спрашиваю я тёщу. И, вы не поверите, она каждый раз отвечает мне по-разному!

Меня тёща называет «армянский христосик», или «маргинал хренов»! Она к тому же считает, что я говорю по-русски с акцентом! Я бы и говорил с акцентом. Но никак не могу выбрать, с каким. Поэтому меня можно запросто принять за коренного питерца! Конечно, у меня в речи проскакивают провинциализмы. В словах «красивее» и «творог» я делаю неверное ударение, и я говорю «дайте полстаканчика кофе»! Литвиненко от этого взвивается до потолка. «Кофе не пьют стаканами!»- кричит он.

Он говорит, что никаких «полстаканчиков» кофе не существует уже 60 лет. Но мне никак не переучиться.

Так, на «полстаканчик», меня можно будет выделить, когда начнут выделять. А как не начать, обязательно начнут! Именно так нашего резидента майора Пронина арестовали в Лондоне, когда он выходил из платного туалета и на ходу на улице застегивал ширинку. Больше ни на чем советский майор проколоться не мог!

И я не «христосик». К 36 праведникам, на которых стоит мир, я не отношусь, потому что вроде бы они все должны быть евреями! Хоть я и думаю, что армяне — это одно из 10 потерянных колен, скорее всего, из колена Симеона. Но, кроме меня, моё мнение разделяют только азербайджанцы, турки, журнал "Православный Набат" и газета « Чёрная сотня», а это совсем не те единомышленники, которых я ищу! И уж, тем более, я не маргинал! Тёща

неправильно меня понимает. Может быть, я действительно чересчур осторожен с женщинами, но она считает, что я трусоват.

Вот уж совершенная неправда! Просто у армян всегда проблемы с коренной национальностью. Но у Христа тоже были проблемы с коренной национальностью, так что ничего удивительного!

Глава 15.

А вот что касается литературы, то мне действительно написать важнее, чем напечататься. Гордыня, разумеется, но и не только.

И Гоголь, и Пушкин ориентировались на наших василеостровских читателей, обращались к ним и делали на них поправку. Даже когда они ещё не знали, что они «Гоголь и Пушкин»! У Гоголя у нас на Ваське тогда даже был свой кабинет, и в нём он поселил своего Чарткова! Вообще-то я не верю, что «Уединенный домик на Васильевском» продиктован А.С.Пушкиным, но, в любом случае, Пушкин ездил на В.О. к Зизи Вревской всего за пару дней до смерти! Дом Степана Вревского виден из моего окошка! Но сейчас наступило какое-то странное время, когда оба наших классика предпочли бы не видеть и не слышать своих читателей. А уж мне так точно не нужно, чтобы мои тексты кто-нибудь регулярно открывал. Но беда в том, что мне физически необходимо, чтобы новый рассказ увидели хотя бы два человека. И, кстати, бывшая тёща! Но она не в счёт. Только тогда я считаю рассказ вышедшим в свет. После долгой торговли с собой я пришел к выводу, что одним из этих двух читателей могу быть я сам. И это никакая не поблажка. Иногда мне нравится то, что я пишу. Потом проходит несколько лет, и этот же текст может вызывать у меня отвращение, особенно самоповторы. А большую часть своих текстов я вообще не перечитываю никогда. Но и со вторым читателем, конечно, бывают сложности. Дело в том, что я ненавижу, когда меня ругают или хвалят. Разница здесь небольшая, потому что обе крайности одинаково бессмысленны и неинтересны. А платок на чужой роток не набросить. И иногда всякую чепуху терпеливо приходится выслушивать. (M@терный комментарий вычёркиваю.)

Но потом вдруг оказывается, что не всё в этой жизни поддаётся сухому расчёту: повесть, о которой я рассказываю, вышла в Интернете, где-то висела, и никакого интереса ни у кого не вызывала. А потом вдруг «второй читатель» всплыл сам из ниоткуда. «Второй читатель» набрал в Рамблере сочетание бессмысленных слов, открыл мой текст и неведомым образом отыскал в Питере меня.

Ко мне приехал худенький вежливый юноша со своей невестой, и это

создание очень долго говорило мне какие-то складные и высокие слова. Я в этот момент ещё не понимал, насколько серьёзно я должен его слушать. Скорее, в этот момент я думал, что у него ещё молоко на губах не обсохло, и без справки от родителей он жениться не может! Но оказалось, что молоко уже обсохло! Потом этот юноша переведет на моё имя деньги — громадные для меня деньги, несколько тысяч долларов аванса, и я окажусь проданным с потрохами. Но есть такие люди, к которым деньги не прилипают: как нелепо придут, так и уйдут без всякой славы. В следующий раз переведу их бездомным детям Анголы! Если раздобуду адрес раньше, чем бандитские киноведы оставят меня в покое.

Глава 16.

НА МУСУЛЬМАНСКОМ ГОРШКЕ

С какого-то непонятного беса этому недоучившемуся студенту и наследнику нефтяных миллионов стало казаться, что у него в руках готовый фильм, а ему очень хотелось снять своё авторское кино. А мне уже не хотелось и не казалось решительно ничего! В голове моей была устойчивая путаница. Знаете, я ненавижу, когда мои вкусовые пристрастия совпадают со вкусом партийных бонз, а здесь попадание было точнейшим. Точнее, чем в десятку! Такого никогда раньше со мной не случалось! И было, отчего призадуматься. Мой отец всю свою жизнь мотался по стране. Из Баку он зачем-то уезжал в Ростов, потом во Владимир, в Нальчик, в Грозный. Мы с матерью вынуждены были кататься за ним следом, и я с самого детства недолюбливал Кавказ. А в последние годы и для самой высокой власти Кавказ стал тоже не особенно модным. По теннисной терминологии, «эйс». А чеченцев, если ты не чеченец, вообще любить довольно трудно. Я в этом смысле, как номинальный армянин, абсолютно чист. Даже еще чище. Тоже «эйс»! Между прочим, я вырос среди чеченцев и сидел с ними в детском садике на одном горшке. Я хорошо знаю правила игры. При мне не нужно разводить интеллигентские сопли, мне они просто смешны. (M@терный комментарий вычёркиваю.) А правила следующие: если ты чужой, то можешь относиться к чеченцам враждебно, и тогда тебя все станут уважать. В любом другом случае, они отнесутся к тебе с презрением. Волк всегда смотрит в лес, приручить его нельзя.

Я и сам хотел бы быть волком, да не всем дано. И надо же было такому случиться, что по независимым, я подчеркиваю, по независимым, от меня обстоятельствам, действующими лицами в моём рассказе были именно чеченцы! То есть они были и пейзажем, и декорацией, среди которых происходило действие. Более того, еда, питьё, естественные отправления и даже некоторая

сексуальная активность двух главных героев происходили всего в 2-3-х метрах от группы вооруженных чеченцев. И единственным нечеченским компонентом в этом бульоне были начинающаяся нескладная любовь и парализующий страх.

Глава 17.

НЕ СОВСЕМ УЕДИНЕННЫЙ «ДОМИК НА ВАСИЛЬЕВСКОМ»

Я свободен, я свободен как птица для полёта, могу уже перелетать через вторую половину радиоактивного Днепра! За мной пришёл сторож садоводства дядя Дима Слободинский и позвал меня к телефону! Звонила одна особа, которую лучше лишний раз не называть, и сказала, что она клянётся, что меня решили оставить в покое и не растворять в соляной кислоте. Этой особе есть, чем клясться. И теперь спокойно без нервотрёпки, я выстраиваю события в линеечку и излагаю свою историю.

Всё началось с того, что мы разъехались с женой, и я поселился в коммуналке на Ваське, на двадцать третьей линии, прямо напротив юрфака! А жена решила, что жить в России с разными армянами (даже с бывшими химиками), она не в состоянии, и снова, теперь уже навсегда, отвалила на Запад. Там ей и место! Иногда Офелия появляется тут на недельку, как она говорит, «подышать православным воздухом», но я стараюсь на глаза ей не показываться. О нашем разводе нечего рассказывать. Потому что об этом именно ничего не рассказать. Это был зауряднейший развод в мире. Кроме меня, его, скорее всего, вообще никто не заметил. Не было скандалов, не было обид, не было любовников, не было детей и общего имущества, а главное, не было никаких пересечений интересов. И ещё я считаю, что у неё не существует какого-то сердечного клапана для любви, а вот что считает она, к развитию действия отношения имеет мало. Например, Офелия обижалась, что я обращался к ней на «Вы». Меня бы это тоже, конечно, раздражало. Но на «ты» как-то всё время было не перейти! Даже в постели!

Мы ведь познакомились с женой за границей. Я не знаю, называть ли это эмиграцией, ведь сейчас не времена Бунина, и можно сказать, что ты в эмиграции, а потом сказать «чурики, нет», я в творческом отпуске или просто слоняюсь по свету. Но суть от этого не меняется. А эмигрантские браки — это мыльный пузырь, При возвращении на родину пузырь лопается. И я остался, а она уехала. К слову сказать, никому не советую уезжать за границу: национальная душа у вас отомрёт, а новая восстанавливается только через сорок лет и четыре месяца. Поэтому Моисей и водил своих египетских молодцов сорок лет по синайской пустыне. А ты попробуй эти сорок лет еще прожить! И

питаться одной сухой манкой и саранчой! Я бы там не выдержал! А здесь мне досталась довольно приличная комната, 18 кв.м., с изразцовой печкой и двумя окнами во двор и трагическими бордовыми обоями. Обои я собирался переклеить и тогда бы я что-нибудь мог повесить на стенку. Раньше у всех на стене висели Эрнесты Хэмингуэй в свитере, потом стали появляться академики Сахаровы с очками и без очков, но я решил, что лучше повешу голую чёрную бабу из календаря, это и честнее, и безо всяких претензий.

Одним словом, из ценных вещей я чуть было не лишился очень ценной тёщи, с которой часто можно было посоветоваться, и даже время от времени вместе выпить. Но, когда моя жена уехала за границу, тёща снова признала меня близкой роднёй, более того, мою повесть в Интернете вывесила именно она: для меня самога эта задача была технически чересчур сложной.

Я смотрю сейчас в окно и про Васильевский остров, который простирается вокруг, ничего особенно хорошего написать не могу. Дождь со снегом, ветер, зябко, пропади всё пропадом! На юге такую погоду называют «мыгычка», вот тут вся наша жизнь — сплошная мыгычка! Наверное, я люблю «Ваську» предпраздничной весной, когда народ оживает, но ещё не очень понимает, куда себя деть! В часы пик толпами проходят родные женщины, которым предстоит ехать не в собственных иномарках, а в трамваях, автобусах и в побитых маршрутках. Это по будням! А в субботу у мужиков, у всех поголовно, в руках бутылка пива, «балтика-троечка», а на девках уже летние платья, откуда растут чудные кривые ноги! И я чувствую себя в окрестностях рая! В остальные моменты, не при Бродском сказано, Васильевский остров — это довольно неуютное местечко. И хоть я, может быть, не стану обещать, что приду сюда умирать, тем более, этого, в дальнейшем, так демонстративно, не выполнив, но сейчас Бродского только ленивый не тычет в случайно вырвавшуюся фразу, а человек имел полное право передумать! Или просто чего-то ляпнуть, для рифмы!

Глава 18.

Сам я ещё не решил, где я хочу умирать. Пока я лежал на матрасе в этом паршивом садоводстве, это главное, о чём мне удалось вдоволь поразмыслить. Хотелось бы, конечно, чтобы при этом событии было поменьше свидетелей. Отдельные квартиры только в этом смысле и лучше коммуналок. Но свою отдельную квартиру на Малой Подъяческой, которая досталась мне по наследству от армянской тётки, я отдал в жертву моему нежеланию идти в суд. Чтобы в третейском суде, скучно рассказывать, что оральный секс не заменяет

поцелуя в губы, что «три корнера — пендель», и спрашивать «ради чего, я должен отдавать ей половину своей площади». Своей благодетельницы и родственницы я так никогда и не увидел, она не смогла простить моему отцу женитьбу на моей русской маме, тем более из азербайджанской Ивановки! Тётка вообще не выносила молокан! Но, тем не менее, для неё я был единственным продолжателем нашей ветви бакинских Симонянов, поселившихся в Баку ещё до всяких «гядашей». Мы жили на 7-ой Завокзальной. Сегодня такой улицы больше не существует, и, вы поверите, но тётка это предвидела. Она считалась в нашей семье большим армянским авторитетом, потому что ещё лет тридцать назад она прочитала, что всех армян рано или поздно азербайджанцы из Баку погонят, но и в Армении их тоже никто ждать не будет! Вот такого видения будущего я начисто лишен, а у тётки, видимо, был явный талант пророчицы.

И её крохотную питерскую квартиру в центре города, в двух шагах от Садовой, лучше всего было бы еще долго не делить, но наша супружеская жизнь настолько потеряла всякий смысл, что мы дружно ухватились за первое же предложение, и благополучно расстались. Шесть холодных лет совместной жизни мы постарались поскорее выкинуть из головы. И так я очутился в дремучей василеостровской коммуналке. Комнатой с голландской печкой я был, кстати, очень доволен! Да и дом был двухсотлетний, потолки четыре метра, а коридорам вообще не было конца. Там было столько соседей, что такую квартиру никогда не расселить, и вот в ней-то мне и придётся жить до посинения! И неосторожное обещание И.Б., похоже, выполнять придётся не кому-нибудь, а мне. Ехать-то мне уже давно некуда, и бегство в дальние страны никакого смысла давно не имеет. А в другое историческое время, в котором питерские мильтоны уже не будут проверять мой паспорт, мне всё равно не телепортироваться. Хоть черножопым не называют — и то прекрасно! Видимо, потому что я — рыжий! Рыжий армянин средних лет! Ещё точнее, практически армянин и очень средних лет! В том зыбком возрасте, когда уже чувствуешь, что время безвозвратно уходит, но пятки этот факт мне ещё не жжёт.

Справедливости ради, скажу, что время, которое застали мы — оно интересное, грех жаловаться! Вокруг нас, ещё совсем недавно, случались самые неожиданные события! From the blue: ничего не предвещает бури, вдруг, бух! Всё в дыму. И вокруг одни воронки!

Вообще по моей классификации времена бывают страшными, гнусными, подлыми и пошлыми. Пятый вариант «нон датур», не даётся. Вот такого рода громы с воронками могут происходить в подлые периоды. В пошлых уже мало что случается. Всё скучно, плоско, предсказуемо, но самое ужасное, что очень

быстротечно! И если у вас есть выбор, то умирать лучше в пошлые времена. До страшных я вам доживать не советую.

ВСТАВНАЯ ГЛАВА Но и в пошлые времена дела мои в самых разнообразных смыслах шли неважно. Уже больше года длился процесс с Союзом театральных работников, в котором мы, вместе с моим режиссёром Литвиненко, были ответчиками. Денис Литвиненко — природный человек! Он называет себя кинохудожником! Говорит, что любит только собирать грибы и е...@ся! Просто какой-то негритос с Ямайки: «fishing and fucking!» Но он не с Ямайки, он родился в Ленинграде, и закончил физико-математическую школу! А потом институт киноинженеров, факультет экранных искусств, правда, вечерний. Дело, которое нам шили, по существу, не стоило выеденного яйца! Но тянулась ужасная тягомотина, которая отнимала много времени. Представительница истца на последнее заседание вовсе не явилась. Судья сказала, что она уехала в Польшу. На это наш адвокат рассказал анекдот про Ленина в Польше, и мы разошлись. Анекдот. «На конкурсе картина маслом «Ленин в Польше». Нарисовано две голые ж@пы, одна — это Феликс Эдмундович, а вторая — Надежда Константиновна. А где же Ленин? Ленин в Польше!» Тёща сказала, что этот анекдот она знала уже в третьем классе. Что бы я ни сказал, ей обязательно нужно это прокомментировать. Ненавижу эту манеру!

Глава 19.

От райской музыки и адской простоты,
от гари заводской, от жизни идиотской
к концу апреля вдруг переживаешь ты
припадок нежности и гордости сиротской —
Бог знает, чем гордясь, Бог знает что любя —
дурное, да свое. Для воронья, для вора,
для равноденствия, поймавшего тебя
и одолевшего..... Бахыт Кенжеев

Когда моя бывшая жена Офелия говорила, что не в состоянии жить в России больше трёх дней, я её, в общем-то, понимал. Тем более, что она — человек, помешанный на прекрасном, и несколько оторванный от реального мира! К тому же ещё пишет стихи. Это я в женщинах особенно ненавижу! Я вообще не слишком люблю прекрасное! Другими словами, нужен какой-то особенный талант, чтобы не вымирать в нашем питерском климате. Унижающая личность погода, которой никогда не бывает в Хельсинки или в Стокгольме. И, конечно,

окно в Европу рубить нужно было там, а не в этом проклятущем болоте.

Или это болото сразу же пытаться продать евреям, которые бы подсказали, что «зачем вам такое море, в котором ваш военный флот сразу оказывается в мышеловке»! Или уж обменять болото с тем же армянами на Севан, с видом на турецкий Аракат, чтобы попугать «турка»! Россия получила бы форпост на Кавказе, почище всякой Мальты. Дальше армяне уже сами решали бы, что им делать с этим забытым солнцем краем, вот их-то учить не надо. Как говорится, «где армянин прошел там еврею делать нечего...». Но что сделано, то сделано, царь заплатил за свой промах восходящей гонококковой инфекцией и восторженно умер. Зато нам тут предстояло ещё некоторое время пожить, если, конечно, пребывание здесь, в этом унылом, сером, безнадёжным, прокурённом чухонском kraю, можно называть жизнью. Но мне тут по-своему комфортно! Посреди этого гонококкового петровского мемориала, в самом его эпицентре находится В.О., а на нём наша коммуналка, по которой слоняются самые безынициативные люди на свете. Влажные тени! Герои выцветших шпалер. Общество анонимных алкоголиков! Они могли выжить только при самом гуманном строе в истории, который всё дальше уходил в прошлое, а мы были только серой пеной, которую не успели дотоптать поколения переходного периода. Жили учители бессмысленных предметов, старые врачи, которые стыдились брать деньги с пациентов, две энергичные партизанки из Минска, у которых были проблемы с военными пенсиями, пьяница-пожарник с деревенской женой, пенсионерка по зれнию с шестью кошками, от которых сильно несло кошачьей мочой, матери-одиночки с горшками, и всё в этом роде! Генрих Четвёртый сказал, что в кастрюле каждого француза раз в день должна быть курица. К нашей квартире это королевское высказывание отношения не имело. Обычные люди, которые при новом режиме не смогли научиться воровать, а при этом находились на не очень хлебной позиции. Курей на таких не напасёшься! Хоть народ был, по-своему, любопытный: партизанки у нас вообще какие-то уникальные! Я не знаю, чем их там пропитали, но они не стареют! Два года назад в парке младшую партизанку чуть не изнасиловал таджик, она еле отбилась. Не то, что им было по 18, но совершенно не видно, что им за 80. Но из-за этого обе бабки не могут пробить себе прибавку к пенсии. В собесе им говорят, что всех долгожителей объединяет только одно: отсутствие достоверных документов о возрасте!

Ещё, кроме них, у нас в квартире были прописаны семьи, которые уже лет двадцать стояли в городской очереди на жильё. Очередь давно перестала двигаться. Но они куда-то ездили отмечаться! Короче, жили представители

народонаселения и профессиональные неудачники. Да и что такое удача в жизни? Курица в кастрюле и клубника со сливками? И группа «Spice girls» в постеле. Вот так я представляю себе коммунизм. Пока так живут только в Кремле и на Рублёвке. Но у бандита в сознание ещё может быть понятие Бога, уексота его принципиально нет. Поэтому мне странно, что олигарх может представлять себя жертвой: нельзя же наворовать миллиарды и чувствовать себя в безопасности и правым. Но что бандиты, что гэбуха мне социально не близки. По мне так лучше прожить шутом, но это тоже не очень просто потому, что в жизни не слишком много смешного. Но...

Глава 20.

Но когда беседуют король и шут, то шут всегда понимает, что он шут. А король искренне думает про себя, что он «король»! В этом весь юмор. Обхохочешься. А люди-то смертны. Именно об этом говорит Воланд: «существует седьмое доказательство, и уж самое надежное! И вам оно сейчас будет предъявлено». Сегодня ты блестящий моложавый олигарх, но в какой-то момент ты лишился чувства реальности или полез в гпу'ушную политику, а гпу'шники тебя, как писал уже упомянутый мною Николай Васильевич Гоголь, прихватили «на горячем г@вне», и пошел ты через лихой Басманский трибунал в направлении северо-востока. «А судьи кто?»- презрительно спрашивал Юрский в спектакле Гоги Товстоногова! Ну чего нам говорить про судей? И вы понимаете, кто судьи, и мы понимаем, кто судьи, и вы понимаете, что мы понимаем, мы понимаем, что вы понимаете, и сами судьи всё понимают, и такая кругом «селяви». Ты хищник и сожран другими хищниками, позубастее, чем ты. Разумеется, всё это ваши дела и ваши игры. А у нас тут свои, простые вегетарианские заботы.

И трупы замёрзших или оклевавших от болезней бомжей как грузили в России по ночам у вокзалов, так и сейчас грузят. Как оклевавали сотни тысяч людей в России, лёжа в коридорах плохих больниц без ухода, так это и теперь благополучно происходит.

Одна надежда: в случае завоевания нашей Родины какой-нибудь другой великой страной, например, Эстонией или Финляндии, или даже Белоруссии, которая давно хочет нас под себя подмять, эти больнички в течение года или реконструируют, или просто сломают на дрова. Поэтому мы охраняем свои границы и никаким интервентам задаром не дадимся! Но главное, товарищ олигарх, жизнь у всех короткая, а на тот свет с ворованными деньгами не берут. Даже с миллиардом (с пятью миллиардами, может быть, и берут — всё-таки это

громадная куча денег!) И получается что в жизни может быть единственный счастливый расклад: ни к кому не примкнуть, ни к положительным олигархам, ни к отрицательным королям. Наше общество и люди даже за тысячу лет никак измениться не могут. Поэтому-то тысячу лет назад и пришлось звать варягов, а не своих мародёров. И опальный современный олигарх от опального члена ЦК и от опального Ярослава Святославича отличается только в самых негуманных мелочах. *No pasaran, Олигарх, patria o muerte!* В основном, конечно, муэрте.

Я сильно подозреваю, что сам я в роли миллионера никакого гуманизма тоже не проявлю: жадность — это неотъемлемая составная богатства! Наверное, питаешь себя иллюзией, что «вот я чуть-чуть ещё разбогатею, и потом уже буду всем помогать!» Но это чуть-чуть никогда не заканчивается. Вот поэтому я предпочитаю не рисковать, а проживать эту жизнь неудачником. Быть неудачником — это мой почти сознательный выбор: разочарований значительно меньше, а на встречи одноклассников я и так хожу крайне редко. Кичиться мне там решительно нечем! А другой референтной группы у меня, к счастью, нет!

Правда, неудачнику моего уровня, никогда не испытать такого духовного очищения как очередному пленённому олигарху. Вроде бы эти суки делают из тебя зека, но одновременно ты перестаёшь быть рабом своих миллиардов, и, как при рождении, становишься просто человеком. Как будто тебя только что слепили из грязи, и ты недоумённо озираешься и думаешь, «...что же это, бл@..., за хари вокруг? Мне и на небе было неплохо, может быть, не стоило рождаться на свет, чтобы оказаться за колючей проволокой в этом странном коллективе!»

«Возьму мыло

Пойду мыться

На широкую реку

Придет миленький проститься

Подам белую руку.....»

Частушка к олигархам прямого отношения не имеет, просто эта частушка мне очень нравится! У меня живая музыка совсем исчезла из жизни: не могу заставить себя пойти в филармонию. Всё время, кажется, что вот-вот начнётся жизнь, в которой будет музыка. А она не начинается. Прерываю главу, потому что побежал для соседки Берты Иосифовны за неотложкой. У неё опять приступ, а телефон поликлиники занят. По утрам не дозвониться, быстрее сбегать. Почему у пожилых евреек или нет никаких близких родственников-олигархов. Почти как у меня. Может быть, я постарею и тоже стану пожилой еврейкой? Её все зовут «тётя Бетя», но я не знаю, кому она приходится тёлей. У неё нет совершенно никаких племянников.

Глава 21.

Я перебираю главы и пытаюсь поставить их в правильной последовательности. Вот это я пишу уже дома, в своей коммуналке.

Напротив меня, тут живёт пожарник Мостовой из 451 по Фаренгейту, с пышной красавицей Зинкой. Я точно знаю, что он пожарник, потому что его часто подбрасывают до дома на пожарной машине. Сам он про пожары никогда ничего не рассказывает, днём долго спит, и от него всегда основательно несёт перегаром. Может быть, это специфический запах пожарников. Время от времени пожарник кодируется, но запах никуда не исчезает. Какой-то очень кондовый. От людей так пахло в казармах до революции. А Зинка — совершенно нормальная баба, но очень приставучая и несчастная. До кухни от нас ещё два раза по четыре двери, это метров семнадцать! Зинка жалуется, что пока несёшь к себе яичницу, она успевает остыть. Тех, кто живёт в трёх комнатах за кухней, я вижу довольно редко, потому что на кухне они готовят мало и пользуются чёрным ходом. Когда-то, при советской власти, в этой квартире на Васильевском, доживали свой век двоюродные сестры Александра Керенского. Помните, сам Керенский бежал из Зимнего дворца, переодевшись в женское платье, так это было именно платье одной из этих сестёр. Платье не сохранилось, но большевики этих старух почему-то не трогали. Дали им тут спокойно встретить нищую старость. Такая у меня знаменитая квартирка. Тут и самого Керенского можно было прятать до сегодняшнего дня. Никакое ГПУ его бы никогда не нашло! Моя бывшая тёща говорит, что российских олигархов так быстро отлавливают именно потому, что они не пытаются скрываться в коммуналках! И им вообще следует заранее создавать специальные коммуналки для олигархов. На чёрный день! Там где многолюдно и одиноко! «Двое в комнате: я и Ленин, фотографией на белой стене». Надо же написать такую х@рню!

Так вот, в таких ленинских коммунальных квартирах существует главное правило — не вляпываться ни с кем в близкие отношения, соблюдать дистанцию, и, по ошибке (или по пьянке) не залезть к кому-нибудь в постель. Типа к Зинке. К счастью, до прошлого года особенных соблазнов у меня и не было, да и общался я в основном с ближайшим соседом. И ещё с волосатым восьмиклассником Славкой Фроловым иногда занимался неорганической химией. А за стенкой у меня жил достаточно, как мне казалось, бесцветный типчик, Валера Топольницкий, приблизительно моего возраста. В первый год наше общение ограничивалось спичками и десятками на автобус. Потом в какой-то момент мы коснулись политики, но это был неправильный ход. Сосед

оказался каким-то на удивление отъявленным антисоветчиком. Хуже десяти Лимоновых! Такие хлопцы должны сидеть при всех режимах. Их вообще не следует выпускать! Уже и советская власть благополучно пала, а он всё продолжал ненавидеть всех власть имущих. Но зато за «власть неимущих» и за угнетённые народы СССР сердце его безумно страдало! В русском языке для этого страдания даже нет подходящего термина! То есть, существует термин «п@здострадатель», но это совершенно не относится к страдающим диссидентам! Мне даже казалось, что соседу абсолютно всё равно за кого переживать и мучиться! Только в 80ые годы это были бы афганцы, а в любые другие это были бы крымские татары, караимы, балкары, эстонцы, да ещё и вьетнамцы с палестинцами, евреи, старушки-блокадницы. Рядом с ним я чувствовал себя равнодушной свиньёй. Он обожал всех, кто пострадал от советской власти, кто страдал от Чубайса, от гэбухи, страдал от мародёров-врачей, страдал от военщины, страдал от Кр@мля и от всех его подневольных холуёв. И очень переживал за всех, кто сидит. Но если его переживания за старушек еще ждут своей платы, то боль за чеченский народ материализовалась для него очень ярко и предметно.

Глава 22.

Но до этого момента пройдёт еще несколько месяцев.

Мы жили каждый своей жизнью, встречались на кухне и небрежно кидали: «привет-пока!».знал я о нем мало. Да мне вообще на всё наплевать. Живу на свете как во временных бараках: чуть замешкаешься, а вся жизнь уже мимо и прошла. Ну и черт с ней! Со мной это регулярно происходит в театре: засыпаешь в начале первого действия, а просыпаешься уже к антракту! А коммуналка это ещё тот театр! Как-то зимой на подмостках была соседка «за туалетом», которая орала на своих племянников, приговаривая, что девочек надо рожать, а не таких отморозков. «Лучше по кустам, чем по тюрьмам!» Её племяннички шнырят по чужим машинам, уже было два привода и они обязательно скоро сядут, дело времени. «А ты чего думаешь? — спросил меня сосед. Кажется, это был первый раз, когда он ко мне обратился.

«Ты про что?»- ответил я. У меня много своих идей и про кусты и про тюрьмы, но когда меня спрашивают в лоб, я немедленно теряюсь и выгляжу косноязычным идиотом. Поэтому сосед с самого начала говорил мне «ты», а я с ним чаще всего говорил на «вы». Но особенного напряжения это не создавало.

Дверь между нашими комнатами чаще всего была заперта на щеколду. Время от времени её открывали, то, чтобы через мою комнату протащить к нему

холодильники, то, большое кожаное кресло. А ещё я изредка заходил к нему выпить и закусить арбузом, или чтобы посидеть в интернете. За это я должен был часами пересматривать бесконечные сайты о каких-то зверствах, зачистках и стараться при этом не выглядеть равнодушным. Я совсем не за мародёрства и не за зверства, но у меня есть порог восприятия, после которого моё сознание и сочувствие отключаются. И дальше я могу только мычать. В молодости ты ещё подумываешь, не выйти ли, скажем, на Пушкинскую площадь! Или мечтаешь об акциях протеста, о самосожжениях и вахтах у Белого Дома, но проходят годы и всё на свете кажется бессмысленным.

Да и время, действительно, с каждым днём становится всё противнее. А деваться некуда. И уж на Кавказ я сознательно никогда не возвращался, и он меня не слишком интересовал. Кавказ — как Югославия, там никогда не будет спокойно. Сталин всё-таки тупой, ему не хватало выдумки. Я бы решал национальный вопрос более вдохновенно: нельзя все провинившиеся народы бездумно переселять в Казахстан! Это просто нерационально! Вот как раз для этой эпохи, у меня хватало абсолютно самостоятельных идей! На месте Сталина я бы переселил на Кавказ финнов. Классная была бы потеха! И очень интересный общественный эксперимент. Финны были бы в восторге. Заодно они чуть-чуть бы прогрелись. Потому что весь Кавказ к нам рано или поздно всё равно переберётся, займёт, так сказать, «приют убогого чухонца», а вот финнов вывозить уже сейчас поздно, время безвозвратно утеряно. Но моего соседа, к сожалению, чухонцы не интересовали. Хоть сам он был очень похож именно на подгулявшего финика. У него до сих пор бабушка живёт в Приозерске, я представляю, как она ходит там по огороду в китайских кедах. Сейчас, задним числом, я хватаюсь за любую деталь из жизни моего соседа, но, честно говоря, я не очень к нему присматривался, и вспомнить могу не так уж много. Главные события начались во второй год как раз, когда он попросил меня поставить в моей комнате большой шведский холодильный шкаф: пропихнуть этот шкаф к нему из коридора было невозможно.

Я ему предложил: «Да клади ты в мой, он почти пуст ...».

Но он ответил с базарным акцентом: «Моя не может, Хачикян, в холодильник ЗИЛ палажыть сто килограммов свиного мяса!»

И по этому поводу мы с ним сразу выпили. Я сбежал на помойку за ящиками, разломал их на доски, зажёг печку, и жизнь на несколько минут замерла. Я был занят своими мыслями и печкой, и не очень вслушивался в то, о чём он там болтал, и это впоследствии оказалось ошибкой.

Зато холодильник, который он ко мне впихнул, оказался вовсе не

холодильником! Это была большущая морозильная камера из мясного магазина! Камера и сейчас ещё жива — это моё почти единственное «приданное», но на него как-то никто не клюёт... . А тогда сосед рассказывал мне, что ввязался в торговлю свиным мясом — завтра едет на свиноферму закупаться свининой. «Хочешь, вместе поедем! Вот так псевдоинтеллигенты выживают, — бормотал он, — могу взять тебя в долю... скажем, есть у тебя мороженая свинина, продать, например, пока некому, а я ее разрубил топором и ножом дорезал — это легко, разделил и держу в трех холодильниках. Но! Если она мороженая, то ее держать надо в морозильном отделении, вот это запомни, а оно должно быть все-таки, большим! Если держать в обычном отделении, свинина начнет таять, и через 4-5 дней начнет портиться, и ты с ней, Хачикян, намучаешься! Но тогда ее надо поместить в раствор уксуса с водой, соды и кое-что добавить ещё. Вот в чём фокус! А вот что добавить, ты можешь узнать точнее на рынке у мясника-армянина! Он из одного с тобой аула!»

На ферму за мясом я не поехал, но с мясником из моего аула обещал ему обязательно связаться. Сосед меня уже задолбал с этой свининой. В какой-то вечер, за рюмкой, я, через пень колоду, рассказал соседу о своих проблемах с судом.

ВСТАВНАЯ ГЛАВА «ДОМ СТАРИКОВ»

За год до этой зимы мы с Денисом Литвиненко сделали документальный фильм о Доме престарелых актёров на Петровском острове, который принадлежал Театральному союзу. В том же году состоялся первый процесс в нашей тяжбе с их руководством. И мне было, честное слово, не до свинины соседа. Дом престарелых, из-за фильма о котором эти жулики всполошились, был довольно странным местечком из одного американского триллера. Там герой может попасть в необыкновенный счастливый мир, но за это нужно отдать всё, что ты имеешь. Три доллара или миллион долларов — главное, что всё. Но то, что за свои отданные театральному союзу квартиры, получали эти пожилые актёры, было неуютным и страшненьkim, и я как-то особенно ненавижу, когда дряхлые актёры или немощные спортсмены тянут свою страшную забытую старость, после того, как их таскали на восторженных руках. Тут призадумаешься о тщете славы.

Но это жуткая общага ещё при царе Александре Третьем была «Домом пожилых актёров». Его им тысячу лет назад подарила актриса Савина. И даже большевики ничего менять не стали. Но сейчас пришла новая власть, и все эти деятели из Москвы начали подторговывать театральным имуществом, и

основательно грели себе руки. Старики-актеры нищенствовали, их еда, мытьё — всё было жутко сиротским и убогим, и, в конце концов, известный председатель этого Театрального Союза уступил кому-то кусок Савинской земли под элитный дом. Потому что место было очень лакомым. Вся городская сволочь норовит на этих островах поселиться! И мы упомянули об этом в нашем документальном фильме. Тогда-то самый главный жулик из Союза и стал с нами судиться.

«Твой Малягин — депрессивная личность, — сказала бывшая тёща. — Увидишь, что он постараётся проиграть этот суд. Ненавидит себя и всю жизнь обвиняет свою мамашу! Проецирует ненависть к ней на самого себя! И всё дело только в том, что слишком рано отняли от груди! Он судится с вами, чтобы отомстить своей матери! По Фрейду, «оральный» тип, полный, любит пожрать, с ним всё понятно!»

Её бы слова, да Богу в уши!

Такая вот у меня бывшая тёща. Психолог-любитель! А я, надо сказать, вообще ни в какую психологию не верю.

Глава 23.

БЕТОНЩИКИ

Соседу я заливал спяну, что тоже не верю ни во что хорошее, но чего себя травить и этим упиваться! Но мои доводы разума в данном случае не работали. Вообще я долгое время был уверен, что сосед простой работяга, «напильник», и, к тому же, совершенно без царя в голове.

На столе всегда были разбросаны мелкие инструменты, печати, бланки, я и подумал сначала, что он кустарь-одиночка. И ещё он как-то важно обмолвился, что в молодости работал бетонщиком. У меня нет особенного почтения к любой бетонной деятельности. Я сам, б@..., такой же работяга, плоть от плоти, тут гордиться нечем! Начинал как Максим Горький с простых подсобников: «пойдипринеси пошёлнах@йнемешай!» И за свою жизнь я столько забетонировал, что пусть кто-нибудь попробует теперь разбетонировать! Хватило бы на пять Чернобылей! Но, оказалось, что сосед «реально» интеллигент: закончил геофак педагогического института! Показывал мне и диплом, и зачётку, правда, нотариальные копии. И, пока его не попёрли из двадцать седьмой школы, той, что на набережной лейтенанта Шмидта, он там в шестых классах преподавал географию. Сосед просто-напросто был школьным учителем! Отсюда и весь его идеализм. Отец — сидел, а мать разнорабочая. Неудачное сочетание. Поневоле появляются претензии к нашей власти. Сажают, бл@..., кого ни попадя.... Соседа не зря назвали Валерием. Всех идеалистов

зовут Валериями. Но я называл его «доктор Гео», а сосед на это не обижался. За это он выдумывал мне всякие армянские прозвища, называл меня «Хачикяном» или «армянским радио», но к этому я привык ещё в школе! Сосед всегда шлялся по квартире в шлепанцах и старых спортивных трико, эдакий чемпион «Трудовых резервов» по спортивной гимнастике. И мне нравилось называть его «доктором». Я воспринимал его не очень серьёзно, в основном из-за неверия, что в коммуналках могло сохраниться что-то путное. Это, конечно, серьёзное заблуждение. Далеко ходить не нужно: через коммуналки прошли все лучшие российские поэты, а в своих будущих хоромах ничего серьёзного им создать уже не удалось. Туда они отправлялись только доживать. Но и о себе я могу сказать, что годы, проведённые вне коммуналок, я считаю выброшенными годами. Как бы я хотел стать певцом коммуналок! Или певцом многоквартирных южных двориков! Территории, где обитает сразу десять разношерстных семей. Слышать каждый вздох и каждый трагический шепот. Территории, где самым страстным барышням во время близости приходится прикрывать рот, кому ладошкой, а кому даже подушкой, Потому что стены везде фанерные, и немолодым южным соседкам всё до боли понятно и слышно. Где ты чихнёшь, и в комнате за кухней тебе говорят: «Будь здоров!». Где всюду жизнь, сплошные передвижники, всюду «маленькие и большие Веры», всюду кричат, дерутся. Где кучи грязной посуды, и соседка вечно шипит на тебя как г@вно на сковородке, где рождаются, женятся, умирают — и всё на твоих глазах. В нескольких комнатах, я вообще ни разу не был. Я не понимаю, как они укладываются в одной комнате в шестером. Мама, папа, две бабушки и два взрослых сына. Не могу найти повод, чтобы к ним заглянуть. Три семьи за кухней со мной едва здоровались. Кухня-то общая, но туалет у них отдельный! Но жить здесь не скучно. Полтора десятилетия прожил я вне стен коммуналок и этим заметно обеднил свой духовный мир. Выброшенное на ветер время! Писателю из коммунальной квартиры никогда не следует уезжать! Без общения ведь всё равно не прожить, только вместо историй соседей вам придётся слушать и смотреть постылый телевизор. Как увидишь все эти сътые хари писателей и читателей по телевизору, и тебе сразу хочется повеситься! И деваться некуда! Тем более, в начале девяностых, когда и из квартиры лишний раз выходить на улицу было страшновато. Время было бандитским и даже на лестницах люди друг друга сторонились. Это было в порядке вещей. А быть бандитом даже считалось престижным. Вы — бандит, я — бандит, сыночек Бориса Николаевича и внучок тёти Цили пошли из своего ЛИТМО прямо в бандиты. Это особенность моего советского народа. Он многогранный! Жди только, какая из граней сверкнёт! Это не немчура со своей

однообразной тупостью, не чванливый англичашка, и не мелочный французик! Мы можем быть любыми, и, при этом, советскими до мозга костей! И всегда все заодно: солдаты — так мы все солдаты, дезертиры — так мы все дезертиры, а бандиты или зэки — так тоже все! Любим — все, стучим — все! А уж как власть свою мы все обожаем! До дрожи! Такая, бл@..., замечательная власть! Главное, что не было бы ещё хуже! Самое противное, что это правда! Господи, открой мне тайну, как же меня тут угораздило родиться! А уезжать никуда не хочется потому, что очень тошнит от заграничных рож, да и эти не лучше. Что говорить, у меня самого несимметричное лицо! Я выяснил это совсем недавно, но теперь мне не разобраться, какая из несимметричных половинок — моё истинное я! Тёща говорит, что это хорошо объясняют в больнице Скворцова-Степанова! Но до «скворешника» дело у меня ещё не дошло.

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ КИНО

Дениска всегда звонит ни свет, ни заря, будит всю квартиру.

— Я тебе нужен?

— Скорее нужен, чем не нужен.

— С кем ты снимаешь?

-С Варгой.

Варга часто с нами работает, но как его зовут, я не знаю. Знал, но забыл. Его все называют просто Варга. Говорит, что он потомок Аттилы! На Васильевском острове много гуннов, особенно в рюмочных. Это какое-то особенное гунское место в Питере. Раньше на Васильевском был даже свой особенный микроклимат. Всюду шёл дождь, а на В.О. было сухо. Но раньше было раньше, а сейчас — это сейчас.

Глава 24.

ИГРОК

Дверь между нашими с Валерием светёлками нас, всё-таки, по-родственному объединяла. При царе здесь была настоящая анфилада комнат. Может быть, сёстры Керенского бродили из комнаты в комнату, или по ним бродили их толстые домработницы, но это была не квартира, а просто длинный коридор с бесчисленными дверями. Наподобие самого Зимнего дворца! Где бедному Nicholas'у II со своей анемичной немочкой вообще было негде приткнуться. Я не очень любил эту царскую пару, пока не изучил последний год их жизни. Это достойный год. Высокий и страшный! Я часто думаю, почему, пока Романовы были под домашнем арестом в Царском, гвардейские офицеры не отбили у солдатни хотя бы девочек-царевен? И ответ у меня, увы, один: что

написано на Небе, человеку на Земле не переписать!

Арест царя был идеей Керенского, то есть, это тоже имеет косвенное отношение к нашей квартире. Но потом, при большевиках, почти все двери в квартире заколотили, оштукатурили, и оклеили обоями или страницами из журнала «Огонёк», и получилось тесноватое, но уютное жилище человек для тридцати девяти нормальных ленинградцев. В «Огоньке» под обоями я прочитал стихотворение «Вампир», фамилии автора не было, но в скобках стояло «Харьков», там всегда была сильная поэтическая школа. Тем более, что Харьков — это ещё и известное вампирье логово: сам князь Дракула харьковчанин, у меня точные сведения! Он жил на Лермонтовской 12, недалеко от Госпрома.

Это стихотворение в самом популярном журнале было отзывом на переливание крови буржуя. Отлично выделанная поэтическая вещица! Я вам советую заказать за 35-ый год, за ударный год второй пятилетки, всю огоньковскую подшивку. Или заходите, и я вам сдеру из-под обоев еще 5 кв.м. «Огонька». Мне только непонятно, если это «милорд», то почему он, как новый русский, расплачиваетсядолларами?!

“Он не похож на жалких и худых

Былых кустарных немощных
вампиров.

Упитан он, не бледен, точно мел, —

Пугливых призраков что может
быть пошлее,

Нет, он не станет, крадучись во тьме,
Пить чью-то кровь из неумытой шеи...

Сама ведь жертва (времена не те!)

Притащит кровь в голодной упаковке.

И лучший врач проверит чистоту
И густоту горячего навара.

Тогда вампир, гнетя кряхтящий стул,
Протянет жертве несколько долларов.
И сотни жизней Томов, Гарри, Джен,
Голодных, обескровленных и гордых,
Пройдя по трубам дряблых,
сонных вен,

Взойдут румянцем на лице милорда.
И купленную молодость и кровь,
Опять запевшую в усталом теле,
Он станет тратить на угар пиров,
На зелень казино и на батист
Постелей.....» . дальше, к сожалению оторвано!

«Пить чью-то кровь из неумытой шеи...» — умру, но лучше не сказать!
В 21-ом веке такие перлы о буржуях печатают только в газете «Московский литератор»:

«С каким животным, иудейским страхом
С экранов тараторили они.
Америка, поставленная раком,
Единственная радость в наши дни.
И не хочу жалеть я этих янки,
В них нет к другим сочувствиям ни в ком.
И сам готов я, даже не по пьянке,
Направить самолет на Белый дом. »

Это пишет Валерий Хатюшин — лауреат премии имени Сергея Есенина и Виктора Топорова! Поразительная литературная преемственность!

Но дверь между мной и соседом шедеврами советской поэзии оклеена не была. Может быть потому, что до войны и блокады у обеих комнат был общий хозяин. Да и мы с географом лелеяли тайную мечту приватизировать и выкупить комнату один у другого. Но, ни у него, ни у меня тогда таких свободных денег не было. «Зелень казино и батист постелей» имели некоторое отношение к делу, но ни о каких его долгах тогда я знать не знал. Хоть был какой-то момент, когда я понял, что передо мной азартный игрок. Просто по тому, как он взял в руки колоду и разбил её в руках. И только потом заметил, что я за ним наблюдаю. «Да вы, батенька, игрок!»- сказал я.

Сосед как-то неопределённо повёл плечами и невнятно ответил, «если в молодости не научишься играть, тебя ждёт скучная старость, но какая сейчас игра?....».

Мимолётная сцена, я не придал ей значения и вспомнил о ней позже, восстанавливая события года. Отношения наши стали поближе: может быть потому, что он начал бесплатно подкармливать меня мясом, приговаривая, что я могу брать сколько захочу!

Я действительно стал жарить по ночам куски этой свинины. Ещё немного и я

бы сам начал состоять из одной гатчинской свинины. Но в этот процесс вмешались разные обстоятельства!

ВСТАВНАЯ ГЛАВА ТЁТКА ЧАРЛЕЯ

Кстати, о свинине! Главный театральный жулик- это как раз тот сальный тип Малягин, который играл в «тётке Чарлея». Я не хочу подробнее, потому что уже наелся неправедных судов. Сейчас я тоскливо жду повесток от чеченской общины, от администрации города Вышний Волочек и ещё от кого-то; то есть каждая сволочь, о которой ты пишешь правду, тащит тебя за воротник в суд. И вообще в мире приживается американский стиль, когда женщине нельзя подать руку, когда она сходит с автобуса. Это унижает её как женщину.

Ну, это, положим, происходит по каким-то феминистским причинам. Но при неграх больше нельзя говорить слово «чёрный»! Армянина уже нельзя называть армянином, а китайца — китайцем! Про евреев я вообще уже не говорю.

Малевича с его «афроамериканским квадратом» в Детройте легко бы подвели под статью. Да ещё в Соединённых Штатах, которые так громит «Московский литератор», нельзя дотронуться до секретаршиной задницы, а то она тебя сразу потащит в суд за sexual harassment. На x@r тогда вообще нужны бестолковые секретарши, если к ним ещё нельзя приставать! Это как любовница, с которой можно только поболтать. Но при этом в Америке покупать судей не принято. На то она и Америка. И у нас дело с Театральным Союзом поначалу казалось очень благополучным. Уж проиграть-то его никак было нельзя! Разумеется, идеи справедливого суда в нашей культуре никогда не приживались, но у Театрального союза не было шансов, доказать, что мы их оклеветали. Мы включали в фильм только то, что мы видели и слышали, и на студии было еще целых три кассеты отснятого материала, которые могли бы подтвердить каждое наше слово.

Глава 25.

ШЕСТЬ ЗВОНКОВ

Зима — это моё время. Я хочу, чтобы она продолжалась всегда. Самое таинственное, что за жизнь удаётся придумать, приходит в голову исключительно зимой. Ещё зимой я больше времени провожу дома, и всё, что происходило у соседа, я видел своими глазами. На входных дверях у нас висело шесть разных звонков. Но наш с ним звонок был общим, только ему звонить выходило два раза, а мне — только один. Поэтому, когда кто-то звонил к нам в дверь, часто случалась путаница. Я могу ответственно сказать, что женщины у него бывали, но редко. Из постоянных, как бы это выразиться, love affairs, чего-

то он крутил с пожарничихой Зинкой. Иногда, тихо, как мышка, к нам пробиралась вежливая знакомая вьетнамка с первого этажа. Я не мог запомнить, как её зовут. Из-за неё, незадолго до описываемых событий, сосед был подвергнут всенародному вьетнамскому ostrakizmu. Мелькали ещё какие-то дамочки. Палестинок и старушек-блокадниц среди его гостей я не видел, во всяком случае, дверь я им никогда не открывал. Но какие-то особы и женского, и не очень, пола мелькали. Каждый раз, когда у соседа или у моего шалопая-режиссёра появляется новая девушка, то я им, определённо, завидую. Потому что у меня, после развода, период сексуальной активности сменялся периодом тупого безбрачия. Проходных отношений я больше не хотел, а ничего серьёзного как-то не начиналось. Да и я был не совсем к этому готов. Начать новые отношения — для меня всегда невероятная встряска. Слишком большие дежурные надежды, а потом слишком сильное разочарование. Привыкнуть к такому перепаду в 35 лет уже нельзя. Но всё равно ты с патологическим упорством продолжаешь верить в идиотские несуществующие чувства. Хорошо бы найти знающего нейрохирурга, который вырежет из моей лобной доли этот главный центр, отвечающий за неземную любовь. Вот этот центр опять что-то тоскливо тякает....

«Вход в пещеру любви, открайся, я хочу замереть на твоём волшебном пороге!» С кем? Зачем тебе это?

Может быть, и интересно оказаться на таком пороге со сладенькой кукольной вьетнамкой или с загадочной кореянкой. И объясняться с ними на языке космических знаков. Но со мной такое может произойти только в будущей жизни. Обидно до плача!

Моя тёща говорит, чтобы я думать забыл о кореянках. Что она меня обязательно снова женит, а до этого момента, чтобы я немного посублимировал. И, конечно, я пытался сублинировать, но Фрейда, который всё это придумал, я бы просто убил!

Глава 26. ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР

Все экскурсы в вопросы космической любви и смерти, конечно, прекрасны, но, что называется, «сон в руку». Потому что прошло ещё несколько месяцев, и грянул гром, которого я, совершенно точно, не ожидал. Где-то в конце февраля я позвал соседа к телефону. Я ясно помню, что был самый-самый конец зимы, потому что на улицах еще был снег, но уже достаточно посеревший и тяжелый. В Питере это самое гнилое и безрадостное время года. Если его

целиком проводить во сне, то человек может прожить четыреста лет! Я своими глазами видел, что это в Америке доказали белые университетские ослы. Но я даже не хочу никаких спекуляций на эту тему. Тут через десять лет приезжаешь в свой собственный город, и это уже пустыня. Шаром покати, ни одной знакомой физиономии. Никого не знаешь и уже никого никогда не узнаешь! А представляете, что будет через 400 лет? Ты будешь бродить через четыреста лет, как вечный жид, среди толп людей будущего, посреди каких-нибудь чёрных китайцев! Нет, я так долго жить не согласен, но дело тонкое, пусть решает каждый за себя. Коммуналок тоже, может быть, через 400 лет не будет! А пока ещё не упразднили, и я позвал моего соседа, географа, к телефону. По пути тётя Дуся-партизанка нашептала мне, что Зинка опять ночевала у соседа. Немного ночевала, часа три.

«Пока несчастный Николай тушил пожары!» Старшая партизанка всё время что-то кому-то доносит. Она не в сексуальном смысле доносит, а такова её гражданская позиция. Что когда один супруг тушит пожары, то другой супруг не должен в это время по три часа спать с соседями. Но когда Николай возвращается домой, соседка только поджимает губы и молчит как настоящая Зоя Космодемьянская. Это у неё в крови. У партизанок тоже нет своего телефона. Тётя Дуся и тётя Муся голосуют за Зюганова. Зюганов обещает всем тётям Дусям скоро провести телефоны! Будут друг другу назанивать! Это было в каком-то хрущевском анекдоте: «... и дать каждому по реактивному самолёту! Как выяснится, что в Киеве сахар дают, сразу летиши в Киев за сахаром!»

В других комнатах, у соседей посостоятельнее, были свои аппараты, у всех с отдельными номерами, а мы с Валерием звали друг друга к коммунальному телефону в коридор. Мне звонили чаще, чем ему, и голоса людей, которые звали Валерия, или иногда Валерия Валентиновича, запомнить было несложно. Но этот голос я почему-то не запомнил. И если в том звонке мне что-то показалось необычным, то совсем не из-за голоса звонившего, а просто я обратил внимание, что географ выглядел после звонка слегка растерянным. Чуть позже он постучал ко мне во внутреннюю дверь, помялся и сказал свою «пару слов», которые привели меня в изумление. Уверяю вас, что и вы бы удивились! «Тут может зайти один браток, есть такой товарищ Саша Соколов, которому я немного задолжал. Будь другом, включи вот этот магнитофон, как только этот тип придёт, пусть он стоит у тебя включённым в комнате. А микрофон я куда-нибудь там, в какую-нибудь ж@пу, суну. Только ты в милицию, если что, не звони. А вот в скорую, может быть, придётся позвонить. — Он глупо хихикнул. — В общем, ты пока не уходи, но ко мне в комнату не суйся. Ты его

сразу узнаешь: боксёр, нос расплющен. Убить меня не убьют, а покалечить могут!».

Глава 27. **НЕУДОБНО ОТКАЗЫВАТЬ**

Меня вовлекали в тёмную историю: ситуация довольно для меня непривычная, обычно я себя от этого очень оберегаю. Самые страшные годы уже прошли, и по пустякам на улицах почти не убивали! Хорошо было бы не влетать в «исключения»!

Даже не отказывая географу в просьбе, я всё равно чувствовал, что являюсь его ближайшим соседом, и если тут будут какие-то разборки, то я попал, как «кур в ощип», более того, сижу в партере, в самых первых рядах. «В двух шагах от сельсовета!» И страдаю неизвестно за что. Свидетелей нужно убирать — это первое правило безопасности. Хотелось бы верить, что всю квартиру не перестреляют. Народу по утрам в квартире было мало, в основном обычно шаркали ногами пенсионерки, и пожарник Николай Мостовой отсыпался или после разборок со своей Зинкой, или после суточного дежурства. На x@r кому надо убивать этого пьяного брандмейстера! Я отвёл душу несколькими нецензурными ругательствами, которые приводить в тексте совершенно не обязательно. Мать-перемать! Влип! И всё из-за того, что этот географический придурок выбрал меня в доверенные лица. Выиграть я тут не мог ничего, но и отказать из чистой осторожности тоже было неловко. Ну, могу я, могу я, конечно, включить ему магнитофон и не вызывать милицию. А что дальше? Забаррикадироваться? Залезть под дубовый стол и сидеть там, как Гитлер? Ждать там, пока закончится землетрясение в Армении? Или пока сосед снимет меня с караула? Читали «Честное слово», про Лёньку Пантелеева? Так вот мне никакого этого Пантелеева здесь не нужно! Все мои героические эксперименты в жизни уже позади! Я больше не хочу никого спасать и подставлять свой лоб под пули! В туалет, между прочим, всё равно выходить придётся! Хоть бы ствол какой-нибудь у меня был завалящий! Главное-то, что это сочетание «товарищ Саша Соколов» сразу показалось мне подозрительным. Хоть понятно, что Соколовых в Питере — пруд пруди! И это было, скорее всего, просто совпадением.

Глава 28.

Пока к нам ещё не пожаловали криминальные элементы, я должен успеть рассказать про личную жизнь моего соседа. Это очень важно для понимания

нашей жизни. Когда к доктору Гео начала шляться эта куколка с вещевого базара, я заметил, что она старается делать это незаметно. Но вьетнамские ребята с первого этажа не дремали, и, в один прекрасный день, когда она осторожно прокралась к соседу, раздался длинный звонок, и я открыл входную дверь и осталенел. Их было человек тридцать, и они один за другим всё шли и шли мимо меня в направлении комнаты Валерия, как будто шли по запаху или их кто-то навёл. Могла навести Нелли Ароновна, старая интеллигентная еврейка, которая раньше работала в райкоме комсомола, но пока это только предположение. И вот передо мной была бесконечная вереница хоббитов, вылезающих из норы, теперь мне понятно, что американцы ничего не могли с ними поделать: эта нация просто непобедима! И вы знаете, что они сделали с преступной парой? Они встали все вместе возле географической измятой кровати, на которой лежал Валерий, и под одеялом пряталась вьетнамка, начали делать ему пальчиком и скандировать на птичьем русском: «плохой, плохой, плохой!» И вот тогда я окончательно решил стать вьетнамцем!

Больше никаких лирических отступлений, теперь я закрываюсь в своей комнате и начинаю ждать бандитов.

ВСТАВНАЯ ГЛАВА «ПОВЕСТКА В СУД»

Как назло, у меня уже несколько дней лежала повестка в гражданский суд, где мне нужно было объясняться со стороной, которая называла себе потерпевшей. Удивительное, конечно, дело! Эффект социальной гравитации: золото тонет, а в руководство любого творческого Союза всплывает только «козлячье деръмо». (Так говорили в посёлке моего бакинского детства). Как будто все актёры или писатели, или трактористы собираются гуртом и говорят друг другу — давай в руководство нашего Творческого союза непременно выберем самую отпетую сволочь. Самого подлого тракториста, чтобы всем сразу стало хуже! Чтобы уж была настоящая гадина, так, чтобы печатей было негде ставить. И сразу все единогласно голосуют. Лишь бы нечаянно не передумать. Больше ничем этот парадокс я объяснить не могу. Теоретически меня волновало другое: а что эти мерзавцы говорят сами себе, когда смотрятся в зеркало. Не может быть, чтобы они говорили сами себе: «Я — подлая сволочь! И от этого счастлив!» Может быть, у них дефекты зрения? А своих доверчивых адвокатов они нагло обманывают, и поэтому неходить объясняться с их адвокатами я просто не мог. Они должны были знать правду! Серый волк должен знать правду, что он съел беззащитную бабушку, ветеранку отечественной сцены! И тут так некстати эти соседские разборки, и вместо зала

суда я должен прятаться в кладовой! Если я не явлюсь, всё равно мой «подельник», режиссёр Денис Литвиненко, вместе с молодой женой, станут в тот же день ломиться ко мне в дверь и меня искать. Новая жена его одного не отпускает. И правильно, положим, делает.

Время от времени Денис выдаёт себя за Ричарда Гира, и некоторые идиотки ему верят. У Дениса седая прядь, я ему говорю, что это из-за баб. А он считает, что это из-за Малягина. Ситуация в суде с Театральным Союзом к этому времени изменилась градусов на 180. Главное, что куда-то исчезли все отснятые материалы, которые не вошли в фильм. Вроде бы кассеты никто не трогал, но они испарились. Наш энтузиазм начал постепенно иссякать: становилось ясно, что в Театральном Союзе к процессу отнеслись очень серьёзно, у них на кону были большие деньги, а мы им попросту мешали. Дело дошло уже даже до самого президента, и этим «тёткам Чарлея» нужно было любой ценой остаться в своих креслах. А мы по бедности не могли позволить себе даже держать платного адвоката! Потому что у Дениса Литвиненко официальная зарплата была совсем скромной, а еще двум бывшим жёнам и нашей монтажнице Лариске он каждый месяц платил небольшие алименты. А платить алименты адвокату ни он, ни я не могли. Нас защищал уже второй адвокат, молодой невнимательный паренёк. Ещё точнее, редкостный, коллекционный мудак! Он до конца процесса так и не разобрался, в чём была суть конфликта, и постоянно задавал всем одни и те же бессмысленные вопросы. Я, по большому счёту, тоже старался особенно не включаться. Потому что никого из театральных деятелей за руку не ловил, а просто меня попросили съездить и написать план сценария, и я это сделал. А потом долго не мог освободиться от этого сиротского зрелища театральных ветеранов. Условия там действительно были ужасными и все, кого я там встречал, ловили меня по очереди в коридоре, плакали, и друг на друга жаловались. А во дворе в это время строилось ещё два элитных гаража.

«Элитный» — это очень удобное слово, оно означает или криминальные структуры или чиновников, а чаще всего и то и другое вместе. Я об этом написал и сдуру оставил своё имя в титрах. И вот теперь, кроме этой московской сволочи, на мою голову упадут ещё и бандитские разборки. Не желаю я в это вляпываться, не желаю!

Глава 29.

Поэтому я долго не открывал — я терпел, злился и терпел. «Заснул сосед, что ли? Или хочет, чтобы увидели, что он не один в квартире?» Если бы не эта, слишком уж мне знакомая, фамилия Соколов, то я бы не выдержал первым. А

так я только приоткрыл дверь и стал ждать, кто же из соседей, наконец, дрогнет. Дома точно была Зинка Мостовая, она работает на фабрике «Невские берега» во вторую смену. И школьник был дома, он сидел со справкой по ОРВИ. Только бы сразу не стали стрелять в глаз, прямо в зрачок, считая, что это их клиент. Бац, и привет! Ты сразу слепнешь на один глаз, утомлённая душа отлетает и начинается, наконец, настоящая жизнь и счастье!

Потом кто-то не выдержал и пошел открывать, а я посмотрел в щель и понял, что я не зря нервничал: вошло двое мужчин. Но одного из них, провалиться мне на этом месте, я прекрасно знал. «Это он, это он, ленинградский почтальон», Саня, собственной персоной! С ним был еще крепкий парнишка типа «классическая борьба» или «вольник»! Скорее всего, охранник. Всё как нужно — в кожаной куртке и в тренировочных штанах. Было как раз время, когда такой имидж работал уже сам по себе! Я услышал, как соседка спросила в коридоре: «... Валерий Валентинович, это к вам, вы дома?» У Валеры за дверью послышалось глухое бормотание. Соколов что-то сказал охраннику, тот вышел и прикрыл за собой дверь. Хороший знак!

В наших «Трудовых резервах» Сашу Соколова называли «Утюгом».

Первым желанием было выбежать в коридор и шумно с ним поздороваться, но я задушил в себе этот порыв. «Ты идиот, что ли? — сказал я себе, — кого интересуют твои сентиментальные воспоминания! Это совсем не повод, схлопотать бандитскую пулю!» я побежал в носках к столу и, не включая света, нажал кнопку магнитофона. Всё-таки я обрадовался: это был Сашка Соколов! Надо же, «Утюг»! Только лысый и толстый. Я занимался вместе с Утюгом боксом года три, потом всё бросил, уже и забыл, что был боксёром. Как из другой жизни. А «Утюг» не бросил и по молодёжке что-то выигрывал. Если у соседа всё обойдётся, то я возьму Сашкин телефон. Пока за стеной было тихо. Слышался монотонный разговор, голоса никто не повышал. От этого напряжения я даже задремал. У меня есть такое качество: я могу заснуть просто от напряжения и проспать ровно минуту. Такая вот защитная реакция. Если бы до бокса я не бросил ещё и футбол, то в команде мастеров мне не было бы цены. Выходишь на перерыв, отсыпаешься как слон, и совершенно свежим выбегаешь на второй тайм. За «Зенит» я никогда не болею из-за его фанатов, но игры время от времени смотрю. Потому что это народная игра. А я — российский народ, плоть от плоти. Со своей фамилией сам я мог бы выбирать между «Аракатом» и московским «Спартаком», но я вместе с отцом с самого детства болел за «Торпедо». Отец говорил, что армяне, которые хоть раз видели Стрельца на поле, ни за кого больше болеть не могли. Видимо, «Торпедо» мне и снилось. Я

проснулся от тихого стука во внутреннюю дверь и отодвинул щеколду. Сосед был явно взвинчен и очень растерян.

Глава 30. ЧЕРЕЗ ДВЕРЬ

Сейчас, задним числом, я понимаю, что виделся со своим соседом, предпоследний раз в жизни. Географ прижался лицом к дверной щели и быстро прошептал: « Братан, ты здесь, только тихо! Видишь, бл@.., как складывается! На экране файл — сохрани, скопирай и спрячь, магнитофонную пленку тоже спрячь. Дома ничего не держи. Я оставлю деньги на столе и пачку с документами. Тоже возьми к себе! Свинину с балкона отдай кому-нибудь, а то она завоняет!»

С этими словами он отошел от двери. Шепот был совершенно не театральным. « Не беспокойтесь, я всё сделаю!» — прошептал я ему вдогонку. Я слышал, что ему очень страшно! Я сам ненавижу испытывать страх! Про свинину было самым неуместным. Еще минут через пятнадцать я услышал, как хлопнула входная дверь. Была вторая половина дня, но в комнате было темно, у нас окна выходят во двор колодец и в комнатах почти всё время темно.

Живёшь как где-то на Марсе, никогда солнца не видно! Может быть, оно вообще уже погасло! Ну и х@р с ним! Сейчас не до Солнца!

Я стал «братаном», значит дело туго.

Теперь главное было не спешить. Спокойно посидеть в тенёчке и всё обдумать. Свет я не включал: львы хорошо видят в темноте, по гороскопу я — лев.

Я налил себе в гранёный стакан какого-то пойла, и сразу же решил, что нужно повторить. Закусывать было нечем, кроме мороженой свинины. Ни черта не успел купить! Преимущество холостяцкого житья в том, что тебе не грозит прибавление в весе. В моём холодильнике хранился только лёд, две банки несъедобных консервов и майонез «провансаль». Иногда добрая Зинка приносит пирожные, которые она выносит со своего комбината. Она говорит, что это «нестандарт». Они действительно мятые, но закусывать ими можно. Только бы ещё не спиться! По этой части у меня некоторые сложности, отличающие меня от остальных потенциальных алкоголиков. Я вытравливаю из себя свою бакинскую сущность и стараюсь не пить с мужчинами. Питьё с мужчинами это тупиковый расклад, тем более, что я не люблю открывать людям закоулки своего армянского сердца. Я и сам не хочу ни перед кем исповедоваться и ещё больше не желаю слушать пьяные мужские откровения. Время от времени, это,

конечно, происходит, но я иду на такие попойки только вынужденно. По мне уж лучше надираться в одиночку! Такая вот у меня алкогольная патология. А в одиночку пить опасно. И ещё я не люблю армянский коньяк, как раз то, что мне обычно с прозрачным намёком дарят. Да ещё в таких бутылках, которые невозможно сдать. Всё. Период смятенья закончился. Нужно было от греха подальше всё забирать и убираться восвояси черным ходом. Я встал со стула и распахнул дверь в соседнюю комнату. Компьютер оставался включенным. И я перекопировал файл на пустую дискетку. На столе лежал пакет, но никаких документов в нём не было. Сосед или забыл, или не смог их оставить. Свининой я решил пока не заниматься.....

Глава 31. ТРЕВОЖНАЯ НЕДЕЛЯ

Через полтора часа я всё-таки вышел, пугливо озираясь, из своего дома и поехал к бывшей тёще. Маленький магнитофончик соседа я тоже унёс с собой. Мне пришлось всё рассказать тёще. Она нормальный, свой человек. Тёща, между прочим, ещё и типичный компьютерный маньяк. Когда ни придешь, она вообще от компьютера не отходит. Разговаривает с тобой поверх очков, а сама продолжает читать про психологию или печатать какую-то чепуху про «криогенные геологические процессы». Это меня невероятно раздражает! «Вечно ты вляпываешься в авантюры, — задумчиво сказала тёща. — Сделай себе что-нибудь поесть!». Потом она повертела пальцем у виска и сказала, чтобы я два-три дня домой, к себе «на Ваську» не являлся. «Всё-таки тебя надо снова женить!» — добавила она с очень странным выражением лица.

«Только не на ваших подругах! — бестактно пошутил я, — если будете искать, то не старше 22-х лет, а то потом их уже ничему не научить, и, желательно, сироту! Но не казанскую!». Тёща в ответ только фыркнула.

«Много хочешь!»- сказала она. Подозреваю, что она перебрала в голове всех знакомых интеллигентных татарок. Мне бы лучше чего-нибудь попроще! Чтобы только умела расписываться. Университетских ромбиков мне не нужно: у меня их целая коробочка. Индеец Гичи-Бабозо (Большой Кролик) собирал женские скальпы, поручик Лукаш у Ярослава Гашека коллекционировал женские панталончики, а я собираю университетские ромбики. На память. Пока нет СПХФА(Химфарма), ЛИИЖТА, ЛТИХПа(«холодильника»), «Кулька» и «Тряпки». Ау! Я за ними охочусь!

Глава 32.

Тёща моя — татарка. Сталин несколько раз повторял, что если он поймает Гитлера, то придумает для него самое суровое наказание — женит его на казанской татарке: большего наказания генералиссимус придумать не мог. Это исторический факт, против него не попрёшь. Но у меня неплохая тёща. Она не казанская, а самая обычная московская татарка. То есть, по сути дела, русская. Другими словами, даже больше русская, чем сами русские. По Гумилёву, русские — это мутировавшие татары после пассионарного толчка! И действительно, русские — это фактически центральные татары, но при этом более поздние татары. И хоть формально русские могут быть ещё какими-то пришлыми северными поляками, тоже мутировавшими, или восточными литовцами, но я считаю, что столовую ветвь русских правильнее называть «просто татары»! В отличие от казанских татар, которые по этой классификации звучат как «татары-татары», вот ими-то фюреру и угрожал Сталин. Тёща работает редактором в арктическом НИИ, и целые дни редактирует статьи про кимберлитовые трубки и вечную мерзлоту. И ещё ругается, что «эти остолопы не имеют понятия о русской грамматике». Раз в неделю я помогаю ей делать для полярников научный сайт. Я знаю уже о трубопроводах столько, что хватит на пять жизней. Про горизонтальное бурение и про породоразрушающие головки! Тёща отпускает на эту тему какие-то ужасные ефрейторские шутки. Но в остальном тёща вполне цивилизованный человек. По вечерам она читает сентиментальные женские романы, а ночью часами просиживает в интернет-чатах. Я не понимаю, с кем и о чём она там болтает. Я вообще не понимаю, о чём люди часами могут разговаривать! Сам я уже наговорился на всю оставшуюся жизнь. А тёща ещё нет. Но зато, когда мне нужно опубликоваться в сети, то это делает бывшая тёща. На свою дочку моя татарская тёща совершенно не похожа. Я даже думал, что дочка неродная. В родзалах часто подменяют детей. К слову, я уверен, что нашего обвинителя Малягина в родильной комнате подменили. Настоящий Малягин совсем другой. Шутка ли, начиная с роддома, прожить всю свою жизнь под чужой фамилией. Но у тёщи вроде всё чисто: она показывала мне метрику из Загс'а, биологический тест и выписку из роддома — всё сходится! Но к той, что была прописана в этой метрике, я бы прятаться от мафии не пошел. Да она меня, скорее всего, и не впустит! Лучше бы это её подменили! Надеюсь, что ещё не поздно. Это нужно же было мне так жениться: ничего кроме раздражения я в голосе своей жены никогда не слышал. Мою бывшую сожительницу раздражало всё, что я делал: как я дышу, как ем, как стригусь, как сплю. Ещё она не очень любила мой запах. Можно было бы

предположить, что она вообще не любит никакие запахи или я пахну недостаточно по-татарски, но дело совсем не в этом! Может быть, она еще не нашла свой запах?! Чёрт его знает, как должны пахнуть половозрелые татары! Я их, извините, не нюхал! Жена говорила, что ей нравится запах иностранцев. Италия — как раз самое место для таких поисков. Комплексов она мне в наследство не оставила, но очень тяжело иметь дела с женщиной, которой не подходит твой запах. Но если помыться итальянским шампунем, то, в принципе, её можно было уговорить иметь половые отношения. Хоть, конечно, это всегда была большая возня.

Поразительно стабильное неприятие меня! Можно сказать, личная аллергия, как на июньскую клубнику. С зудом и сыпью.

Глава 33.

Началась эта аллергия месяца через три после свадьбы, потому что первые три медовых месяца мы прожили в разных государствах, и продолжалась все шесть лет, которые мы оставались вместе. Мне никогда даже в голову не пришло бы поделиться с ней своей проблемой или рассказом, который я пишу. Вот бы она удивилась! Ещё она не понимает, как раньше люди жили без воды, газа, электричества и без колготок. Для тридцатitrёхлетней женщины это уже диагноз. Самое смешное, что я её, по-своему, любил. И провожал её, когда она уезжала в Италию. «*Buon viaggio! E figli maschi!*» Даже всплакнул. Но ничего удивительного в этом нет, я очень привязчивый человек. Тёщу до сих пор называю «мамой». Что делать? Рано осиротел, травмы детства! И любых конфликтов я всегда стараюсь избегать. Вот поэтому во всём, что я пишу, мне всегда приходится бороться с отвратительной самоцензурой! Эта «мадам» является самой большой писательской болезнью. И я не понимаю пока, как с нейправляться. Дело даже не в мате, а в степени откровенности. Каждый следующий шаг в эту сторону проходишь с невероятным трудом, и самым простым будет предположить, что главная причина не боязнь чужого глаза или мнения, а страх в чем-то признаться самому себе. «Здравствуйте, папаша Фрейд!»- говорит на это моя тёща. Марсель Пруст писал, что описывать людей — это всегда постыдное занятие, ещё хуже, чем подглядывать за ними в глазок. И чем точнее запись, тем больше она похожа на донос. Донос куда? Хотя бы в небесную канцелярию! Или ещё выше! Поди, потом, доказывай, что ты писал для себя. Про других писателей я не знаю, но в основе моих чувств, есть ещё зависть к чужой активной жизни! К тем, кто сидит, воюет, ворует, спит с проститутками, дерётся на ринге, гоняется на болидах, прыгает с парашютом.

«Шире попы не пукнешь!» — говорит мне моя тёща, Дамира Феттаховна. Я должен с отвращением констатировать, что слишком часто цитирую свою бывшую тёщу. Но она, естественно, колоритная бабка! Так вот я завидую счастливцам, которые делают всё, что я делать не могу, стесняюсь или не умею. Вот даже очевидный придурок, мой сосед, попадает в бандитские разборки. И еще возвращается оттуда живым. Вы не поверите, я предпочёл бы, чтобы такая фигня происходила со мной. В тот момент я был уверен, что не судьба. Но если ты в чём-то уверен, то нужно всегда стучать по дереву. Очень вам советую! Очень.

Что у меня за душой? Ничего. Что святого? Не знаю. Второго плана и никакого «между строк» во мне сейчас тоже нет. Даже шутить я стал намного реже.

Глава 34. СЛУШАЮ ПЛЁНКУ

Вот что было на плёнке из его магнитофона. Кроме плёнки была ещё и дискетка с фотографиями, но это разговор отдельный.

Я начинаю с плёнки. Чуть позже я пойму, что микрофон лежал на полке, рядом с моей стеной, а говорили они метрах в трёх оттуда, за столом, в самом центре комнаты.

(Тишина, шаги)

Часть не очень разборчива, видимо, они говорят в прихожей.

Снова шаги, отдвигается стул.

.....

ГОСТЬ: Девка вовсю чудит!

ХОЗЯИН: Я тут при чём?

Какие-то звуки. Что-то упало на пол.

ГОСТЬ: Никто за ними не приходил?

ХОЗЯИН: Не было никого!

(Неясно)

ГОСТЬ: Короче, Топольня, ты хочешь отдать деньгами?

ХОЗЯИН: Да я просто не могу отдать ничем...

Что тебе важнее: дружба или деньги?

ГОСТЬ: Мне важнее моя собственная ж@па, которая в большой опасности....

А дружба уже идёт за нею следом.

(Неясно)

Соседа всё время было плохо слышно: сначала я думал, что он находился

далъше от микрофона, но потом понял, что он не хочет, чтобы его слова записывались!

ГОСТЬ: И девка непредсказуемая, такая бл@... шальная!

ХОЗЯИН: Ни о каком сексе не может быть речи! У меня просто не получится! Купить виагры?

ГОСТЬ Да есть там виагра... Для гостей... Полная тарелочка. Знаешь, блюдечко для варенья...

..... Но она тебе по доброй воле не даст, особенно и не рассчитывай!

ХОЗЯИН: (Неясно)

ГОСТЬ: Так не нужно было, мой сладенький, брать денежки
Они, понимаешь, чужие. А где они теперь? Их х@ем сдуло!

.....А это не очень вери гуд.....

Ты, бл@дь, проиграл чужие деньги и тебе не х@... подставляют к горлу, а предлагается достойно свои гульдены отработать.... мягкий и гуманный вариант..... Ты должен обеспечить её психическое здоровье и говорить этим козлам, что ты её муж!

НЕРАЗБОРЧИВО

ГОСТЬ: Брак для них священен....

Иначе им будет не удержать себя... Горячая кровь!...

Они только что слезли с гор, и они не станут насиливать чужую маму и жену при законном муже. Священные узы. Магомет не разрешает им @бать чужих жён...

И ещё мама для них священна. Знаешь, почему грузины носят усы? Чтобы быть похожим на маму! Вот такие дела. А если эти козлы её тронут, то твоему другу, Валера, которому ты должен, между прочим, очень до х@я денег, будет очень х@ёво. Меня будут резать по частям в самом буквальном смысле. Яйца вырвут с корнем! Или за них повесят! А я очень, бл@дь, не люблю, когда меня вешают за яйца. И тебе тогда тоже будет пи@дец. Это я тебе обещаю.

Ты же, бл@дь, не хочешь, чтобы меня резали по частям?

НЕРАЗБОРЧИВО ГОВОРИТ ХОЗЯИН

ГОСТЬ: А я знаю, что ты справишься. Ты же, бл@дь, тонкий и гуманный. А потом « вода вернётся и накроет и колесницы и всадников всего войска фараонова!»...

А через неделю ты берёшь её и съ@бываешь, и ждёшь дальнейших указаний, куда её доставить...

Целой иексуально привлекательной... Машина вас будет ждать...

Всё путём! За Саней ловить не надо! И больше ты никому ни х@я не должен,

и еще получишь скромное пособие. Х@ле тут думать. Учи матчасть!...

Не забудь только, как её зовут... Как муж ты обязан это знать, чтобы эти козлы ни о чём не догадались. Потому что они люди злопамятные, и тогда они будут @бать вас обоих..

НЕРАЗБОРЧИВО ГОВОРИТ ХОЗЯИН, ПОЛУМЫЧАНИЕ.

ГОСТЬ: Ну и ладушки... вот посмотри, как она выглядит... Чтобы ты не перепутал и не принял за свою жену какую-нибудь военнослужащую усатую чеченку... Вот эта!

Вот это тоже она. А? Какая девочка! К папке приехала погостить, а тут такая неприятность.

Гость: Да, ты не плачь!

ХОЗЯИН: Я не плачу!

СНОВА НЕРАЗБОРЧИВО ГОВОРИТ ХОЗЯИН

ГОСТЬ: Чукча говорит: «ананас такой вкусный, почти как @баться»...

НЕРАЗБОРЧИВО....

ГОСТЬ: Где у тебя сортир?

(Тишина, шаги)

ГОСТЬ: Бл@дь, как ты здесь живёшь, в такой трущобе..

Ты же уже, бл@дь, не мальчик

Ладно, это твоё дело. Пять минут на сборы, тебе нех@й брать, деньги спрячь в карман.

НЕ ОЧЕНЬ РАЗБОРЧИВО, ИЗДАЛЕКА ГОЛОС ГОСТЯ : «...не понравится — помоешь её, вот цари раньше своих девчат притирали по полгода, не то что деревенских девок тащили в царскую постель, ты библию почитай, там все про это написано. Читал? Ещё раз прочти...Она красавица, при чём тут, как она пахнет, все красавицы пахнут прекрасно...!»

ГОСТЬ: Надо ехать, иначе китайские красноармейцы из Грозного её обязательно будут @бать.

ГОСТЬ Знаешь анекдот: комиссар Жуй X@й знакомится с Чапаевым.

— Жуй x@й! — Жуй сам, я Чапаев! Вот это как раз о них: никак нельзя её с этими бойцами оставлять.

НЕРАЗБОРЧИВО ГОВОРИТ ХОЗЯИН

ГОСТЬ: Зубную щётку ещё возьми — чтобы от тебя благоухало..

Посмотрел? Прелесть. Сам бы ел, денег нет. Возьми хоть рубашку... Ты что там, в куртке на голое тело собираешься сидеть? Ты же не бурят?

НЕРАЗБОРЧИВО ГОВОРИТ ХОЗЯИН ... (слышны слова)... сама поймёт...

ГОСТЬ Что ты её муж, это она хорошо поймёт. Она же не идиотка! Ей тоже

жить хочется, и к папочке вернуться живой.

И уже уехать на х@й из города-героя, и сюда больше никогда не возвращаться. Давай дискетку. Ты муж, но ты с нами в доле, вот твоя легенда! И для них твоя роль ничтожная, так, при п@зде кувшинчик!

НЕРАЗБОРЧИВО..... Ночью будут приковывать..

Днём вы от них сами не убежите..

ХОЗЯИН: От кого хоть бежать?

ГОСТЬ: Деньги возьми, возьми с собой, тебе говорят, вдруг понадобятся!

А потом, бл@дь, поедешь в санаторий.

НЕРАЗБОРЧИВО ГОВОРИТ ХОЗЯИН

ГОСТЬ: В Кисловодск или в Баден-Баден...

Тебе нравится Баден-Баден?

И сыграешь там в свой любимый покерок!

ХОЗЯИН: (очень тихо) Дай мне ещё подумать!

ГОСТЬ: Я от тебя просто ох@еваю... О чём тут думать?

ТИШИНА

Тёща слушала плёнку, стоя в дверях. Слушала и только покачивала головой. Потом сказала, что там сплошная матерщина. Но я ответил, что эта реплика не по существу. А на дискетке....На дискетке были три грации. Усатых чеченок там не было. Но об этом всё-таки позже

Глава 35.

БОЮСЬ ВОЗВРАЩАТЬСЯ

Несколько дней я ждал и домой не возвращался. Не то, чтобы я смертельно боялся, но у меня было какое-то нехорошее предчувствие, и я решил понапрасну не рисковать! Бережёного Бог бережёт! Проходил по вечерам мимо дома: ни у меня, ни у соседа окна не светились. Когда мой режиссёр Денис Литвиненко попросил у меня ключи от квартиры, я ему с чистой совестью отказал. Я даю ему ключи вместе с набором чистых простыней, когда у него самые бурные романы, но потом он, сволочь, пробалтывается своей молодой жене, и она уже год со мной не здоровается! Услышав отказ, Денис сначала удивился, потом обиделся и начал меня пытать.

«Совсем освинел! — бурчал он. — Больше всего ненавижу в людях ханжество!»

Пришлось признаться, что у соседа разборки с мафией. Литвиненко посмотрел на меня странно, может быть, теперь этот прохвост призадумается. Хотя вряд ли. Про себя я решил, что всё-таки безопаснее вернуться к себе, а не

жить у тёщи. Захотят, так меня и на студии найдут! Кроме всего, мне нужно было, наконец, разобраться с этой паршивой свининой! Да и тёща уже достала меня своими разговорами. И вот, после долгого перерыва я, покряхтывая, наконец, с удовольствием вытянулся на своём рахитичном диване. Home sweet home! У меня был близкий друг, сейчас его уже нет, который мог умереть от одного комариного укуса. Такая у него была на них, сволочей, аллергия. Днём он с комарами справлялся, но на ночь посреди своей кровати ему приходилось подвешивать марлевую палатку. Она выглядела торжественно, но уж очень необычно. «Представляешь, какая проблема затащить сюда какую-нибудь девицу!»- горько усмехаясь, жаловался он. Засыпая, я думал, что и мой продавленный и засаленный диван никакого интереса даже у самых продвинутых женщин вызвать не может. Дальше мои сонные мысли могли скользить в нескольких направлениях: в сторону комаров, которых в марте ещё обычно нет, но можно было вспомнить мартовских итальянских комаров, которые, *le zanzare*, ничуть не лучше наших. Я долгое время надеялся, что такие мелкие жизненные неудобства как комары, ограничиваются нашей государственной границей! Что комары останавливаются вдоль западной границы как вкопанные, и не покидают весь этот адский беспредел, в котором мы всю жизнь болтаемся. Чёрта-с-два! Меня искренне поразило, что в условиях капиталистического общества комаров ничуть не меньше и кусают они в те же самые места! Ещё я успел перед сном подумать, что, если научиться спать без баб, совершенно одному, то не страшна никакая старость, но хорошо бы завтра утром проснуться живым. Кажется, засыпаю. Не исключено, что ночью сюда заявятся бандосы, и уберут меня как ненужного свидетеля...

Но в первую ночь никто не заявился. И днём тоже было тихо. И вот так день за днём: я приходил со съемок, и видно было, что в комнате, конечно, бардак, но это мой собственный бардак, до которого никому не было дела, ни мужчинам, ни женщинам. Пронесло! Я, наконец, расслабился! Мне даже показалось, что жизнь возвращалась в привычное зануднейшее русло. Прошло ещё несколько дней. Тёща нагрузила меня полуфабрикатами, и я готовил себе на кухне. Иногда слушал соседок, пока толкался с ними у плиты. Я всегда удивляюсь, что у старых бабок за плечами была когда-то полноценная длинная жизнь! Головой я это понимаю, но до того как они начнут рассказывать, относишься к ним только снисходительно. Берта Иосифовна много лет назад была учительницей. «.... было впечатление, что солнце остановилось где-то. Замерло! Не заходит солнце!» Она мне в сотый раз рассказывает, как в первые дни войны она всё решала, возвращаться ли ей из лагеря в Минск или идти на Восток. Я всё это

знаю уже наизусть, могу рассказывать за неё! «Зарево ...на западе, и мы тут, взрослые и дети, бегали, и пытались понять, что случилось такое в природе! Вам повезло, что при вашей жизни такого не случилось! Готовьте, готовьте, мне вполне хватит одной конфорки! Ну вот, а утром, стали прибегать беженцы, и тогда, конечно, поняли...они стали говорили, что немцы 24-го числа бомбили очень плотно, бомбили Минск, что не было видно даже не... это небо. И Минск пылал весь одновременно. Огромный, весь город пылал...но я пошла туда к маме...У вас что-то подгорает!...». Но всё-таки я могу слушать такие истории часами. Записывать их бессмысленно: им нет конца, и из этого материала трудно делать прозу, потому что это выше чем проза. У этой соседки какое-то тяжелое заболевание крови, но она уже несколько лет тянет. В больницы онкологи совсем пожилых людей не кладут. Это портит показатели смертности. Да и платить этим душегубам старики обычно не могут. Но медсёстры недовольно забегают к соседке и вводят ей цитостатики. Помочь невозможно, завидовать не приходится. Если это и есть жизнь, то я вам скажу, что это на любителя.

По вечерам я садился у Валерия в комнате за комп, и бессмысленно копался в Интернете. Мне нужно было собирать материалы для двух документальных фильмов, которые мы снимали. А для души я рассматривал голых партийных девок из Единой России или слушал советские песни. Это два родственных занятия! Мне, конечно, следовало бы сначала порыться в соседских вещах, а не в Интернете, но как-то всё время не хотелось включать верхний свет. И это было ошибкой. Потому что экран всё равно светился, и видно было, что в комнате кто-то есть. И вот так однажды я дремал вечером и думал, как ни странно, не о любви, не о бабах, а меня мучила другая интересная вещь, которую можно считать просто теоретическим вопросом. Вот, когда ты пишешь текст, ты создаёшь что-то абсолютно новое или нет?! Или ты просто сдираешь краску с существующего в каком-то третьем измерении текста?! Ну, пусть не текста, пусть музыки, всё равно. Что текст, или музыка, и без тебя где-то существуют, а ты просто бережно, слой за слоем, сдираешь с них обёртку, только обнажаешь нужные тебе строки, живущие в галактическом пространстве. Как заслуженный археолог профессор Монгайт! Ведь дорога времени беспредельна, и, может быть, тексты в небесных библиотеках хранятся ещё до их создания! Неужели всё записано в хрониках Акаши? И хорошее, и даже откровенное г@вно. Или в Астрале хранят только вещи небесной выделки? Тут кроется загадка. Я не уверен, что я понятно объяснил, но это очень важная разница, и, понимая суть, ты подходишь к творчеству совершенно по-разному. То есть, кто правее, Батюшков или Пушкин? «Да много ли, — в ответ ему кричал, смеяся,

Сумароков, — Певцов найдется без пороков? Поглотит Леты всех струя»! Я выключил компьютер, потянулся, и в этот момент я увидел, что, как в замедленном кино, открывается дверь, и в комнату входят какие-то люди в масках.

Глава 36.

Всё-таки ни бокс, ни самая дорогая металлическая дверь не помогают против прямого удара прикладом в морду. До этого плохие люди, видимо, стояли в коридоре и прислушивались. Выходит, что зря я расслабился! Предчувствиям своим нужно доверять! Когда я пришел в себя, я понял, что я лежу в своей комнате, а в столе у соседа кто-то шуршит. Мне было не шевельнуться, и шевелиться не очень-то и хотелось! Время остановилось и уехало в какое-то другое пространство: я очутился в парке перед Колизеем, где я лежал на колючей траве и целовался с Ничкой Вальшонок, а утром мы уехали с ней в Неаполь, и я видел это ясно как днём. Солнце стояло в зените, и на земле видно было каждую римскую букашку! Когда-то в «Юности» был напечатан рассказ про бегуна на стометровку, который за метр до финиша ещё отставал от американца и итальянки, а до конца забега оставался всего метр! Один несчастный метр! И тут он вспомнил всё: и председателя колхоза Германа Алексеевича, и старого учителя физкультуры дядю Сашу, и Верника, деревенского почтальона, и ребят из класса и Тасю Храмченкову, и Евгения Давыдовича, еврея-фотографа со станции! Время растянулось в гармошку. Об этом, собственно, и был рассказ: как он лазил за кислющими яблоками в соседский сад (сейчас ему такое яблоко было бы не надкусить), и как подглядывали с Рыжим за девками, которые, распаренные, с вениками выбегали из баньки и прыгали в озеро! И такие были все красные и сочные девки, что озеро под ними закипало! Ядрёные девки, первый сорт девки, в городе таких не бывает! Вся недолгая жизнь встала перед нашим спринтером ясно и строго! Что он скажет односельчанам теперь, как посмотрит в глаза? Нет, не может он отдать буржуинам этот забег. Этот финал! Слишком много людей верят в него и ждут сейчас его победы. И тогда бегун решился! Он сделал сверхъестественное усилие, догнал, и на самые малюсенькие доли секунды опередил капиталистических спортсменов! Вот что-то такое происходило на полу со мной! Дверь была приоткрыта, и я запомнил двоих в масках с дырочками и лысого, с татуировкой на руке, лица я не видел. Они уложили меня прикладом, а потом скотчем связали меня, как кокон, и за ноги отволокли в мою комнату. Там оставили меня на полу, чтобы ни звука не было слышно, и я никого не мог

запомнить. Я лежал в какой-то луже, по запаху на керосин или на кровь было не похоже. Хорошо, что не керосин, значит, жечь не будут.

Они всё, молча, обшарили, и не знаю, чего они там нашли. Что там, у соседа можно было искать? Наркотики? Старые носки за батареей? И для чего его сразу нужно было вырубать? То есть, меня! Географа кто-то подставил. Может быть, это была конкурирующая организация по торговле свининой! Не хватало только сдохнуть тут из-за свиного мяса, из-за убойники! «Кому свинья, а нам семья!». Конечно, меня от жизни подташнивает, но и к смерти я совсем не был готов. Могу ещё тут потерпеть! Я даже не успел завещать своё тело анатомическому театру!

Я лежал на животе и ждал, когда мне выстрелят в спину. Но меня больше никто не трогал, не пытал и ни о чём не спрашивал. Видимо, они поняли, что ошиблись, и просто на меня плонули. Потом все звуки стихли. Я ещё немного полежал, но вокруг было необыкновенно тихо. Голова просто раскалывалась от боли. Хорошо ещё, что меня мучило, но не вырвало. Я растяркался, дополз до двери, нашел на пороге какой-то железный штырь и распилил скотч, которым у меня были замотаны руки. И распутался. В соседской комнате горел свет, и видно было, что в столе и в стенном шкафу основательно покопались. На лбу у меня торчал волдырь, и я около часа морозил его куском свинины. Непонятно, чем меня ударили: на лбу отпечатались какие-то знаки или буквы. Я был похож на Горбачева и Шиву с третьим глазом! Испугаться я не успел. Ужас я испытал позже, когда гости уже ушли. Сначала я хотел вызвать милицию, но что-то внутри меня подсказывало, что делать этого не следует. В квартире было тихо. Как зашли? Кто впустил? Партизанки? Или Зинка, зараза! Теперь никогда не выяснить. Есть вещи, которые при нашей жизни не узнать. Мы никогда не узнаем, кто убил Кеннеди. Я впервые в своей жизни посочувствовал этому американскому пид@расу. Убили бы, и лежал бы в своей комнате месяц. Пока какая-нибудь санитарная инспекция не явилась. Из Далласа. Тёще я наврал, что меня ударили в подъезде, а она сказала, что это потому, что я шляюсь неизвестно где, допоздна, и нельзя мне жить одному! Затянула опять свою песню!

Глава 37.

Я — патриот. Патриотизм мой ограничивается пониманием, что только здесь со мной происходят вещи, которые со мной происходят! Другого такого страшного места на Земле, как эта дикая развалившаяся империя, нет и быть не может! Но если уезжать из этого г@вна, то надо ехать прямо на Луну! Потому

что на Земле нигде не лучше. Америка нам не указ, мы тут скоро сами станем американцами: ёщё парочка таких президентов, и всей культуре та-та!

Дней пять я валялся дома, только ходил в булочную. Денис знал, что я гриппую, и он обходился без меня. Совершенно не было желания выходить на улицу, да ёщё с таким фиолетовым фингалом на лбу. Я и без фонаря не красавец!

Постепенно у меня появилась уверенность, что сосед, из-за которого меня тут чуть не прикончили, должен явиться сюда сам, собственной персоной. Иначе бы его не искали!

И когда через неделю в соседней комнате послышались осторожные шаги, у меня была полная уверенность, что на этот раз это сам хозяин! Но дверь была заперта, и я решил не соваться. Я просто сидел у себя и ждал, пока у него очередь дойдёт до меня. Башка трещала, хоть лезь на переборку!

И до лба было еще не дотронуться, а цвет был такой, что впору пудрить. У меня бывали жуткие моменты в жизни, но всё-таки это был один из наименее удачных. В конце концов, Валерий постучал, и я услышал его шопот.

— Вас тут разыскивали, — сказал я из-за двери.

— Тише, я в курсе дела, открывай! Только не шуми.

— Привет!

— Хорошо, Хачикян, что ты в своей берлоге! Я на секунду, и ты меня не видел. Свет у себя не включаю.

Он увидел мой лоб и покачал головой.

— Били тебя что ли? Основательно @бнули ...

— Всего один раз!

— Не повезло! Из-за меня что ли пострадал?! Когда-нибудь расплачусь.

Очень надеюсь, что ты никому не звонил? Нет? Это ты очень умно поступил! Ну, главное, что жив остался.

— Да и вы, маэстро, тоже живы!

— Пока, да, — сказал он как-то рассеянно.

Голос его был незнакомым и чужим. Я присмотрелся и понял, что моего соседа в его прежнем обличии на свете больше не существовало! Ко мне вполз совершенно новый человек. Я его таким раньше никогда не видел. Никаких прежних рефлексий: жутко настороженный, раздражительный, жёсткий. Да ёщё в застиранном тельнике. Это тоже что-то новенькое! Может быть, неделю отсиживался у кого-то из прежних друзей — вот, что сразу пришло мне в голову.

Прошла всего пара календарных недель, а его стало страшно расспрашивать.

Боец иностранного легиона из Анголы! Не хватало только ППС-43 и шнуркованных ботинок.

Каждая фраза нашего «кангольского» диалога для моих дальнейших дел имеет очень большое значение. И я много часов провёл, задним числом описывая нашу встречу. Но Валерий сказал, к сожалению, только то, что он сказал, ни одним словечком больше. Вот ещё деталь: до появления соседа в квартире я несколько раз выбегал на звонки, когда к телефону звали лично его. Мужики звонили достаточно хмурые, а женский голос в трубке был требовательным и нервным. Я его никогда раньше не слышал и мысленно соседу посочувствовал. Истеричка с налётом стервозности: продукт на любителя! Впрочем, в постели с ними занятно.

Свои вопросы я помнил не очень чётко, но его слова оказались высеченными в памяти. Ещё перед уходом он оставил у меня конверт со своими деньгами, я не открою этот конверт больше года, но об этом после. Уже после того как он ушел, я сел за стол и попытался набросать наш разговор, таким, как я его помнил.

Ситуация захватывала меня и несомненно тянула на психологическую прозу. Психология, обычно, мне не по зубам.

Географ чувствовал, что за неделю я не удержался и прослушал его разговор на плёнке. Вслух он об этом не заговаривал, но понятно было без лишних слов, что я в курсе дела. Тут он не ошибся: я прослушал плёнку ровно семь раз! И разглядывал его с большим пониманием, как явный сообщник. Валерий был не слишком пьяным, но он недавно выпил, и от него здорово несло.

По поведению мне показалось, что он дожидается звонка, он всё время к чему-то прислушивался. Да и пробыл в квартире он не очень долго. Потом, оставив меня в полном недоумении, отвалил. И ушел странно, через черный ход, как Керенский: там во дворе проходнячки, мы редко ими пользуемся. У меня хватало ума ни о каких лишних деталях соседа не спрашивать и, похоже, правильно, что я не вызвал милицию! Вызывать нашу милицию — это всегда на собственную голову!

Глава 38.

У меня давняя привычка, записывать самые важные события, но запись этого разговора оказалась самой важной гирькой на чаше гамлетовских весов: писать или не писать?! Обычно я очень переживаю, когда удачное слово или фраза вдруг исчезают, и я не успеваю их зафиксировать. Конечно, не всё удаётся записать, не вскакивать же из постели, чтобы описывать все подряд половые

акты! Но желание перевести действия и звуки в слова, нацарапать их на глине или на песке — это помимо меня. Мне ничего с этим не поделать. Вообще-то, даже и из постели правильнее всего сойти на берег и записать свою мысль на стенах морской таможни! Но иногда ты недостаточно трезв, иногда лень, иногда неудобно перед слишком мнительной подружкой, а потом кусаешь локти! И себе и ей!

Потому что самые яркие события и слова в памяти всё-таки необратимо гаснут. «Пушкин был писакой, и всё время что-то писал». Но я и сам держусь за потребность писать, как за спасательный круг. Без этой, заложенной в меня, программы, жизнь вокруг темнеет и теряет всякий смысл. Для меня это и не служение музам и не бизнес, а черт знает что! Что касается моего подхода, то это не всегда профессионально. Но является ли вообще желание писать (оно называется графоманией!) профессией, я, действительно, не знаю. Запись разговора с Валерием я делал для себя, я никак не собирался её использовать. Последние события немного поколебали мою решимость! Конечно, я ни секунды не предполагал, что чеченские «братки» когда-нибудь будут тыкать мне этой записью в нос. Да и вряд ли тогда в гостях у меня были чеченцы. По голосам я понять этого не смог, собственно, и конкретных разговоров я не слышал, у меня в башке тогда всё гудело. И чего-то они сверху на меня набросили, я замечал только смутные тени в масках.

Судя по всему, они сюда больше не явятся. И спросить, чеченцы вы, вашу мать, или не чеченцы, мне никогда не удастся! Всё равно лишний компромат в наших широтах записывать не рекомендуется.

Глава 39.

Сейчас я скажу, что написано в моей «тетради ученической, 18 листов в линию»! Я мимоходом подрезал её из соседского шкафа, и наш разговор с соседом по горячим следам я записывал именно в ней. Начинаем с обложки. Я вообще люблю писать в ученических тетрадях, и ещё в школе я любил изучать артикулы и почтовые сведения бумажной фабрики, на которой эту тетрадку произвели. И вот потрясающее для писателя открытие! «Калужская область, п. Полотняный завод, ул. Трудовая 2!» Создали на Полотняном заводе, ул. Трудовая 2 эту зелёненькую тетрадку и отправили её в нелёгкую трудовую жизнь. И жалко мне её, эту тетрадочку в линейку, как калужскую задастую девчонку, которую занесёт судьба в какую-нибудь Турцию! И лапают, и расписывают на ней всякие потные нехристи, не понимая, что за белое чудо в линееку занесло в их волосатые руки. Да не то что турки, а и сосед мой,

отличник, ученик 8 класса 24 гимназии Славка Фролов, у которого из шкафа в коридоре свистнул я эту тетрадь, не понимает главного! Что на территории п. Полотняный завод, может быть, даже по этой самой Трудовой улице 2, прохаживался не кто-нибудь, а солнышко нашей поэзии, наше всё, и девку он калужскую отсюда увёз, ей-то, ещё до революции, и принадлежала эта бумажная фабрика! То есть, барышня-то, хоть и была бесприданницей, но не из самых бедных! Фактически и тетрадочка эта тоже её! И мне, скромному армянскому бандуристу, выпала честь писать свою бандитскую повесть в настоящей «пушкинской тетради»! Задумайтесь об этом! Вывод? С породистыми калужскими девчонками надо быть осмотрительнее! Ведь за неё-то, за эту тетрадочку, нашего Александра Сергеевича и подстрелили!

Теперь, после этого лирического отступления, я перехожу непосредственно к записи в моей тетради. Всё-таки мне нужно было в своё время научиться писать по-армянски! Это даёт какую-то гарантию приватности. Никому не приходит в голову разбирать армянский текст или думать, что в нём может быть важная информация. Тем более с заявкой на художественную прозу. Но не судьба. Всё-таки это несчастье, когда человек почти не знает своего родного языка! Ни один питерский кореец не знает ни единого слова по-корейски. К корейцам мы ещё вернёмся. В самом лучшем случае они говорят, что любят корейскую капусту! Так ради чего тогда, спрашивается, иметь узкие глаза или армянский нос! Только чтобы за них страдать и чувствовать себя идиотом! И ещё каждая сволочь из союза писателей тычет в тебя пальцем — «какое-де вы имеете право писать по-русски». Точь-в-точь такая же мысль приходит в голову большинству из моих читателей. У них, дескать, монополия! Порой, мне хочется презрительно бросить «московским литераторам»: «на каком хочу, товарищи обезьяны. на таком и пишу!» Луи Армстронга почему-то никто не спрашивает, почему он не поёт по-африкански! Но ещё обиднее, что и наши права на калужских девчонок тоже подвергаются сомнению. Пушкину хоть в этом отношении в жизни повезло! Но всё это так, только к слову. Итак, вот что я нацарапал.

(Увы, запись создана в несколько заходов: я вспоминал куски разговора и судорожно их записывал. Мне всё время казалось, что сосед разыгрывает передо мной какую-то героическую роль. Только я до сих пор не могу понять, в кого он же играл.)

.....
.....

— Да нечего мне рассказывать! Тебя возили когда-нибудь в багажнике? Меня раньше тоже нет.

— Да, отморозки.

— Её они не трахнули.

Хорошо ещё, что не трахнули меня.

Я СПРОСИЛ: А сюда никто больше не явится?

Он пожал плечами.

— Или явится или не явится. Х@й его знает! Для чего ты меня спрашиваешь, сам что ли не врубаешься?

КОММЕНТАРИЙ Я именно что не врубался.

Я СПРОСИЛ: А на самом деле кто же это был? Я о девке? Ну и так далее?

— Кто был кто? Да хер его знает, кто был. Стерегли чеченцы, а кто их бл@... замочил? Я этого знать не могу!

— Кого замочил?

— Того! Слушай, чего ты так много вопросов задаёшь?

Вот, держи стихи одного из этих придурков. Ни хера там не понять. Он меня ими совсем задолбал...

КОММЕНТИРУЮ НА ТЕКСТЕ: При нём, этот свёрток в клеёнке, я смотреть не стал. Он начал много ругаться, раньше не ругался совсем. Видимо, в учительской среде мой географ тоже сдерживался. Сам я ни разу не бывал в учительской с тех пор, как меня вызывали туда с отцом в четвёртом классе. Может, теперь в учительских все матерятся почём зря!

Я СПРОСИЛ: Ну а заложница-то что? Жива? Свободна?

КОММЕНТИРУЮ НА ТЕКСТЕ: Я просто чемпион по идиотским вопросам, не понимаю, почему я так волновался? Но тут он самодовольно ухмыльнулся. «Вот козлина!» — подумал я про себя.

Дальше я совсем не понимал, чего бы ещё спросить.

Я СПРОСИЛ: Ну, а это?

— Что это?

Ну, она не беременна?

КОММЕНТИРУЮ НА ТЕКСТЕ: Это тоже был шикарный вопрос, он даже почесал подбородок и поднял глаза к небу.

Я задал этот вопрос не неловкости, а потому, что много — для меня — выпил. Мне надо было его разговорить, и приходилось наливать и себе, и ему. Собственно, я хотел спросить, происходило ли что-то между ними. Но снова получилось глупо. С момента их пленения прошло меньше месяца, и беременность за такое время может обнаружиться только у мышей-полёвок!

Я СПРОСИЛ: Как хоть её зовут?

— Пацан! Ну тебе-то какая разница? Предположим, Анжелика! Подходит?
Или Елизавета!

КОММЕНТИРУЮ НА ТЕКСТЕ (АНЖЕЛИКИ И ЕЛИЗАВЕТЫ ЧАЩЕ СТАНОВЯТСЯ ЖЕРТВАМИ НАСИЛИЯ, ЭТО СТАТИСТИКА, — ПОДУМАЛ Я, — ГДЕ-ТО Я ОБ ЭТОМ ЧИТАЛ. НО СОСЕДУ Я ОБ ЭТОМ НЕ СКАЗАЛ).

— Вот такое имя. Может, и фамилию хочешь знать? Да ты её, наверное, и так слышал, — он усмехнулся. — Теперь мы с этой девкой квиты.

ЗНАЧЕНИЯ ЭТИХ СЛОВ, ПРО ФАМИЛИЮ, Я ТАК ДО КОНЦА И НЕ ПОНЯЛ НИ ТОГДА, НИ ПОТОМ.

Я СПРОСИЛ: А что вы там ели?

— Почти ничего, а им привозили какую-то х@йню: чебуреки, самсу, нам доставались крохи. Когда тебя приковывают на ночь, жрать не очень хочется. В темноте почти всё время сидели — днём чуть больше света. Даже не поверить, что всё закончилось. Я и тем, и другим был не нужен!

КОММЕНТИРУЮ НА ТЕКСТЕ ВАЖНОЕ МЕСТО!

— Надеялся, что я в какой-то момент оттуда свалю и её сведу, но получилось по-другому. Может быть, тех чеченцев зарезали другие чеченцы? Ещё более хорошие. Или хороший ОМОН. Трупов я не видел. Но хоронить, поговорить, там будет нечего! Шума было много!

Я СПРОСИЛ: ВАЛЕРА, НУ А ДОЛГ?

— Да х@р его знает, Саня вместе со своим долгом меня за@бал. хитрая сволочь! Всегда сухим выпутается! Если это был ОМОН, то я думаю, что он сам этот ОМОН и навёл, чтобы сразу со всеми разделаться.

— Такие, бл@..., козлы, никакой жалости к ним нет. Не могу их смех тупой выносить, и духа их не выношу! Свинину-то пристроил?

КОММЕНТИРУЮ НА ТЕКСТЕ: В ЭТОМ МЕСТЕ Я ЗАМЯЛСЯ. ПРОСТО НЕ ОЖИДАЛ, ЧТО НА ФОНЕ ТАКОЙ ЖУТКОЙ ТЕМЫ ОН ОПЯТЬ ВСПОМНИТ О СВОЕЙ СВИНИНЕ!

— Да не ссы, денег мне не нужно, х@.. ты там, что мог заработать! Тебе деньжат подкинуть?

КОММЕНТИРУЮ НА ТЕКСТЕ: В этом месте я снова замялся.

— Я тебе оставлю чуток. За всю эту нервотрёпку. Съезди в Крым. Проветришь. Вот это тебе, а тут, в конверте, еще немного денег, но эти уже мои. Ты их сохрани, когда мне понадобится, я тебя найду.

Я СПРОСИЛ: — А чего с твоей свининой делать?

— Да что хочешь, то и делай, продай её к свиньям! Или засунь себе в ж@пу.

Мне не до неё. Предложи остаток в рестораны. Только не тяни. Комнаты этой не будет. Я её сдам или продам.

В ЭТОМ МЕСТЕ ОН ВЫХОДИЛ В КОРИДОР. ВЕРНУЛСЯ И СКАЗАЛ.

— Ты меня не поймешь, потому что ты сам с Кавказа! Но мы для них не люди, и они для нас не люди.

Я СПРОСИЛ: Последний вопрос? КОММЕНТИРУЮ НА ТЕКСТЕ: (Я снова не понимал, о чём же его спросить!) — Откуда ты Утюга знаешь?

Он подумал и не ответил.

Я СПРОСИЛ: Ну, скажи хоть ещё два слова про то, как там было. Как девчонка всё вынесла?

— Вырастешь большой, узнаешь! Есть такое волшебное средство. Очень помогает забыться.

Я СПРОСИЛ: Кололи вас что ли?

ОН НЕ ОТВЕТИЛ. ТОЛЬКО ПОЖАЛ ПЛЕЧАМИ.

— Реабилитация-ху@ция, потом её из Питера увезут. И мне тоже отсюда придётся валить.

КОММЕНТИРУЮ НА ТЕКСТЕ: В этом месте я чуть не спросил: « С НЕЙ?!»

Но я постеснялся, а потом понял, что, конечно же, не с ней. Несмотря на этот бравый тон, чувствовалось, что он и напуган, и унижен.

Ещё он сказал: « Не шути. Эти ребята не шутят. Ты меня не видел ».

Потом ему позвонили.

Вот для чего он тут торчал — он ждал звонка! Валерий медленно переоделся, закрыл за собой дверь, и я больше никогда его не видел.

ПРИПИСКА: ... ЗВОНОК ОПРЕДЕЛИЛ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ПРЕБЫВАНИЯ. А НЕ САМО ЕГО ПОЯВЛЕНИЕ...

ПОЗДНЯЯ ПРИПИСКА:

ОН СКАЗАЛ — «ЕСЛИ БЫ Я НЕ БЫЛ ПРИКОВАН, ТО И МЕНЯ БЫ УЕБ@ШИЛИ — ЭТО МЕНЯ СПАСЛО...».

Я всё рассказал тёще. Она подумала и вынесла свой вердикт: «...Твой учитель географии просто не понимает, что с ним произошло! Он унижен не физически, просто его отбросили как что-то совершенно ненужное, и у него «комплекс инфериорити».

Тёща у меня — чистая героиня Агаты Кристи! Ещё она добавила: «Офа, Офелия твоя приехала! Недели на две. Думала, что тебе интересно..... Ты не хочешь с ней повидаться?»

Так она называет свою дочь. Я сказал, что она давно уже не «моя»! И как-то

неумело отбрехался, сказал, что еду в Гатчину на съемки.

— Путь, разумеется, не близкий! — протянула понимающе тёща.

Глава 40.

Но с женой Офелией мне повидаться всё-таки пришлось. Она попросила меня подписать официальные бумаги об отсутствии к ней материальных претензий, и закончили мы нашу встречу в ресторанчике на Невском, куда она затащила меня после нотариуса. Но говорили мы довольно тепло, и я почти силой заставил себя с ней рас прощаться и не закончить эту встречу совместным завтраком. По-моему, именно на завтрак она и рассчитывала!

— Знаешь, я иногда просыпаюсь в холодном поту от ужаса, что я ещё в России! Я не верю, что здесь когда-нибудь станет лучше. Захочешь, приезжай! Я всех мужиков выгоню метлой!

Я сказал, что «метлой» — это сильно! Я сказал, что заманчиво. Нужно переписать все её обиды на меня и хорошенько их обдумать. Ещё она сказала, что моя жизнь состоит из миражей.

Может быть, как раз в этом она права, но я сказал ей: «Офелия, мы так с тобой прекрасно друг друга знаем, что в наших отношениях никогда не будет ничего загадочного! Давайте прибережем силы для тех, кого мы еще не встретили...». И, полувлюблённый, расплатился с официантом, вышел в одиночестве на улицу и побрёл по набережной Мойки. Когда я поднялся уходить, Офелия сказала огорчённо: «Иди, я ещё немного здесь посижу!» Хорошо, что она не стала нажимать, я бы сломался. Часа через два, полностью пропривив, я понял, что чуть не совершил очередную глупость своей жизни! « В один поток два раза» и так далее, нужно высечь эти слова себе на лбу! Рядом с клеймом от приклада. Голова, кстати, побаливать и темнеет перед глазами. Был у участкового терапевта, но он сказал, что пройдёт.

А пока я стал обладателем запасного соседского ключа и владельцем зелёной тетрадочки Натальи Гончаровой. С Гончаровой я бы тоже связываться не стал. Это я говорю только гипотетически. В общем, я остался с чужой свининой и некоторым количеством денег. Никуда я на них не поехал, мне было не собраться. Паспорт заграничный у меня просрочен, то да сё. Правда, свои долги на студии я раздал. Оттого, что у меня появились деньги, интереснее жить мне не стало. Для меня эти события напрямую не связаны. Старой восьмидесятилетней еврейке-учительнице я дал две тысячи на лечение! Чувствовал себя при этом как Тимур и его команда. К ней ходит участковая сестра и колет старухе ампулы от лейкемии. Всё в рабочее время, и визит

занимает минуту, но за уколы сестра домогается денег! Фантастическая наглость. Можно её усвистить и потом расстрелять! Именно в такой последовательности. Прямо в кабинете главного врача поликлиники №2, на фоне портрета действующего президента. Это идея не моя, я украл её из романа «93ий год» Виктора Гюго! Но невозможно расстрелять всех мародёров, кто тогда будет управлять этим государством и колоть старух? Замкнутый круг. В квартире есть ещё древняя врачиха, которая может колоть бесплатно, но у неё страшно дрожат руки. А вот Малягина шлётнуть можно, он даже старух не колет и не режет, от него вообще толку как вот от этой свинины. Я уже ни о Малягине, ни о свинине не мог спокойно думать. Я её уже раздал кому можно, но запасы не уменьшаются. Какая-то мистика!

Несколько килограммов свинины низкой упитанности я отдал матери восьмиклассника Славки Фролова и ещё паре соседей по квартире. Славка — нефор, плетёт дреды. Ему надо жрать мясо и натирать волосы шерстью. Страшная возня! Мяса мне не жалко, я дал бы больше, но начнёшь привлекать внимание! По своему опыту скажу: обязательно кто-нибудь стукнет, старых большевиков — полная коммуналка! Они стучат рефлекторно, это на генетическом уровне. Не квартира, а какая-то партячейка, хоть собирай взносы. Это, кстати, мысль — стать парторгом квартиры! Может вообще бросить к черту чистое искусство? В нашем почтовом отделении нужен почтальон за 5 тысяч — пойду и буду еще парторгом и подторговывать бараниной, то есть свининой!

Эту чёртову свинину можно было ещё предложить в Дом ветеранов сцены! И её потом, действительно, возил туда мой режиссер Литвиненко. Чертыхаясь, большую часть привез обратно, сказал, что нет печати ветврача. Оказывается, от частного лица они свежее мясо взять не могут. Но что-то он всё-таки втюхал молодой поварике! Я отнёсся к этому событию подозрительно: Денис страшный бабник. Ещё не хватало, чтобы он платил алименты молодой поварике из Дома престарелых ветеранов! Тогда нас точно всех посадят! Я видел эту работницу питания. Она небольшого росточка, с крепкой попой и крепкой грудью. От этого типа Денис совершенно помирает! Видя такое явление природы, Литвиненко открывает рот и даже может выронить очередную камеру. За немецкую камеру нам потом всем вместе будет не расплатиться! Поэтому я ему давно советую не экономить и всегда работать с оператором! Если наш оператор Варга занят, то всегда можно позвонить кому-нибудь другому. Денис говорит, что девушки нравятся ему просто как пол. «Кушать да, а так — нет!» Вот так я отношусь к свинине, которой у меня оставалось еще три битком набитых морозильника. Я их перегнал к себе в комнату и, чтобы их чем-то разбавить, перенёс к себе в

комнату соседское кожаное кресло. И поставил кресло возле печки. Вот так я представляю себе английский коммунизм, Даунинг стрит 10: плед на плечи, садишься перед печкой в кожаное кресло и кайфуешь! Без этого кресла в мою комнату возвращаться невозможно, особенно со случайной гостью! «Приди в чертог ко мне златой», где стоят в ряд три рефрижератора! И в квартире собачий холод. Вы хоть знаете, сколько в холодильнике может храниться замороженная свинина? Вот и я не знаю!

Глава 41. ИСТОРИЯ В РУКАХ

Даже, я бы сказал, полуистория!

Я неделю был на съемках, когда комнату географа неожиданно сдали через агентство. «Штирлиц понял, что это был провал!» Ведь, пока этот ковбой не появлялся, я мог до посинения копаться ночью с фонариком в его книжных и платяных шкафах. Был такой шанс. Потому что на поверхности фотографий не было никаких, это вы уж мне поверьте! Как будто сосед, как кардинал Ришелье, за всю свою жизнь ни разу не сфотографировался. Конечно, тут до меня уже копались! Хоть неизвестно, чего они искали, уж наверняка, не девические фото! Были какие-то печати, «рога и копыта», ничего ценного. И всё-таки мой поезд ушел. «Свободных там не было мест. Остался лишь шумный перрон, Ни взгляда родного окрест». Голова забита вот такой эстрадной требухой. Но с другой стороны, самые важные две девичьи фотографии оставались у меня.

Пока, всё что я предпринимал, было только глупостью и беспечностью. Я люблю целиком держать историю в руках, но я не чувствовал каких-то главных вещей в судьбе и характере своего географа. Лишь бледная спирохетическая тень. Как он рос, где он спал, видел ли он своего уголовника-папашу? Не знаю. Не понимаю, не могу без этого ничего придумать. Вы, может быть, можете, а я не могу. Недостаточно таланта. А ведь любой человек живёт и создаёт вокруг себя свой уникальный культурный слой! Письма, открытки, тетради, у каждого алкаша хоть что-нибудь да есть,

Какие-нибудь бы ещё любительские фотки. Служил же человек в Афгане, фоткались там наверняка на бэтээрах. У меня самого куча фото с Северного флота. Всё что осталось от двух лет и десяти месяцев жизни. Да ещё где-то лежит белая роба и портки с клапанами по бокам: я до сих пор не успел полюбить ширишки. И ещё я могу одеться за 35 секунд. Это очень ценное умение для «гражданки», особенно если похоживаешь к чужим жёнам, но со мной давно ничего такого не случалось. Это отдельная тема, разбираться с ней у

меня сейчас нет времени, но чужие жёны вообще исчезли, как класс. Они существовали только при социализме! Парадокс!

Одним словом, пока сосед не вывез свои вещи, я просто стеснялся у него копаться. Наверное, потому ещё, что у меня лежали его тёмные доллары, которые мне жгли руки. Месяца через два я спрятал их у тёщи. А думать-то мне, блин, нужно было не о деньгах, а об артефактах!

До его прихода, да и после ухода, я даже элементарно не перерыл его документы! Вот уж там наверняка было за что зацепиться. «У всех есть за что зацепиться!» — написано в любимом детективе. Даже у меня! Потенциальных невест у меня самого — целый альбом. Что-то в этом роде есть у всех: жён мало, а вот невестам нет счёта. А это всегда полезная информация. У нас, к счастью для историков, нет наработанной привычки уничтожать улики. А от улик следует избавляться. Для чего? Для безопасности. Мы живём гладкий марципановый кусок истории, долго это продолжаться не может, и лучше не иметь за спиной никакого компромата. И у моего соседа Валеры где-то мог храниться портрет его златокудрой невесты-одноклассницы или он сам с дружками на войне. Может быть, и нашего легендарного Сашу Соколова я бы там отыскал! А почему, собственно, нет? Но теперь уже поздно. Всё исчезло. Роль Саши Соколова оставалась для меня загадкой, да и для чего в загородный дом отвезли в багажнике этого типа, мне тоже было не очень ясно. Может быть, он был подставной фигурой, на которую хотели всё свалить? Вполне возможно.

Кроме героя, загадкой маячила и красоточка с фотографии! Вот её внятного голоса или почерка мне очень недоставало! И ещё какую-нибудь бы её вещь. И тогда можно сразу писать! Если не купальник, то хоть перчатку, маечку, левый чулок. Меня немного занесло в фетишизм. Надеюсь, что она не девственница, с запахом девственниц очень тяжело работать. Потому что я могу писать по запаху, как немецкая овчарка.

Главное, что я понимал, мне следует с рассказом поторопиться. Но время было тёмным и писалось в осеннем Питере тоже безрадостно и темно. Друзей совсем не стало. Самое страшное, что меня это больше не огорчало. Кто-то жил по понятиям, кто-то совсем не жил, человеческая жизнь всё ещё не стоила ни гроша. Особенно мало стоили жизни боксёров. Я, то приближался, то отдалялся от заветной боксёрской темы, я чувствовал, что она мне ещё послужит.

ВСТАВНАЯ ГЛАВА: ОЧЕРЕДНОЙ СУД

Мы были вызваны на заседание суда очередной повесткой.

Формально оно касалось больше Литвиненко, чем меня, я был только главным свидетелем. Я уже не мог больше ни с кем судиться: прошёл кураж! Тем паче,

что уже не «тётка Чарлея», а свинина была моей главной заботой. Сегодня я напрасно прождал директора «ДЕСЯТОЧКИ», кооперативного мясного магазина, не успел забежать домой и, действительно, пришёл на очередное заседание с рюкзаком замороженного мяса. Суд на Среднем — всего в двух шагах от меня. Честно говоря, у меня не хватает упорства допродать оставшуюся свинину. Я уже готов её раздать, но кругом, как назло, то говеют, то мусульмане, то евреи! Не берут дешёвую свинину, зажрались! Даже партизанки не едят! А чего они не едят? Не еврейки, но не едят! Может быть, скрытые чеченки?

Конечно, мясо в суд я принёс случайно, но мне пришла в голову шальная мысль предложить её судье или нашему бестолковому адвокату, в крайнем случае, этим сволочам из Театрального союза — сказать, что «боюсь за них»: они там, не на самом верху, тоже ведь недоедают! «А как же без мясного?!»

Но мне надо было предупредить Литвиненко, а то, он увидел здоровенный «абалаковский» рюкзак и, разумеется, взбесился. От злости побелел.

— Ты чего припёр сюда свинину? Смех! Подсудимые от хохота падают со скамьи подсудимых! И оделся бы приличнее, неужели не можешь в суд прийти в чистом костюме.

Хоть я и попытался перевести всё в шутку, но ничего не вышло, я только огрызаясь.

«А куда ещё я её буду носить? — громко шептал я. — Здесь всё-таки интеллигентные люди, которым её можно предложить. Судья может быть возьмёт, хорошая мороженая свинина. Шутка! Не серчай, я её тёще в институт Арктики и Антарктики несу! Они там вообще свежее мясо не едят, только мороженое. Полярная привычка. Откуда в Антарктике свежая свинина?»

Это было истинной правдой. Я поехал к ним в институт на улицу Марата, и тещин проректор по науке купил сразу пять килограммов, и я его за это похвалил.

— Чего хорошего? — в сердцах сказала мне тёща, — Он азербайджанец. Знаешь, что написано в Коране? «... никто не сведет с пути того, кого Аллах наставляет на Путь истинный. И никто не наставит того на Путь истинный, кого Аллах сведет с него!»

— Эти слова к свинине не относятся! — сказал я, — Во-первых, вы слишком глубоко копаете. И вы плохо разбираетесь в азербайджанцах: они свинину называют «кабаниной». А кабанину мусульманам есть можно.»

Сама тёща кабанину не ест, но она не фанатик, и торговать «нечистым» она может. Правда, она делает это совершенно бескорыстно. Спрашивает, «сколько

там у меня ещё осталось?» «На глазок»!

— Завтра взвешу вам на глазок.

Но на глазок не понадобилось, у Зинки Мостовой нашелся безмен, и я взвесил свинину с большой точностью. Зинка-пожарница, она деревенская и очень запасливая. Если бы она еще не приставала подряд ко всем мужчинам, то ей бы цепы не было. Когда Зинка выходит в коридор в синтетическом халатике, меня обдаёт женским жаром. Не удивительно, что пожарник напивается и её регулярно поколачивает. Но раньше она прибегала спасаться к Валерию, а теперь Валерия нет, и мне теперь надо держать ухо востро, а то заставит расплачиваться за этот безмен. Мне даже не удастся откупаться от Зинкиных посягательств свининой. Слышал анекдот, спрашивает у меня Зинка: « Повезло Нюшке, муж любовник и ещё трое изнасиловали!»

— Нет, я не слышал. — отвечаю я Зинаиде Ионовне, сочувственно на неё поглядывая. — Это, видимо, какой-то специальный женский анекдот.

Утром от тёщи явились два нетрезвых деятеля, сказали, что «от Урманчеевой», и утащили из дома всю гатчинскую свинину, которая требовала срочной утилизации. Оставались замороженными ещё килограммов пятнадцать. С ними можно было уже не спешить.

Глава 42.

Расспрашивать о Валерии новых соседей было бессмысленно, они знать ни о чем не знали. Обычных два разнополых жлоба лет тридцати, без особых примет. Выходили на кухню, ставили чайник. Иногда я смотрел на них и думал, чем же они могут заниматься? Да, чем угодно, от самого младшего продавца, до самого старшего инженера! Высшее образование как-то перестало оставлять след на человеческих лицах. При большевиках образование на лице было впечатано глубокой печатью, а сейчас почему-то печать стёрлась.

Когда их дверь в коридор оставалась приоткрытой, слышно было, как они вяло переругиваются. Откуда же они такие появляются на свет?! Господи, «каких только людей п..@ не нашлёт!».

Но именно этим ближайшим соседям, в конце концов, я по дешёвке отдал всю оставшуюся свинину. Вместе с громадными шведскими холодильниками. Историческая справедливость была восстановлена. Первым делом после этого они наглухо заделали дверь между нашими комнатами. Мне нужно было совершить это волшебное действие двенадцать месяцев назад! Меньше было бы хлопот.

Глядя на новых соседей, я вдруг понял, что и мне самому уже немало лет.

«Свой возраст, взглядом смеривши косым...» (Не выношу самовлюблённых поэтов!) Офелия мне тоже напомнила о возрасте, и она была права. Самой Офелии сейчас ровно тридцать три, но ей еще долго будет тридцать три: заграница для женщины — это лучший консервант. А меня ещё чуть-чуть и будет не различить на фоне коридорных обоев. Смешно, что самому себе я всё ещё кажусь мальчиком. Хочется выпрыгнуть на ходу из шестого трамвая и взлететь. Но взлетать, почему-то, не получается. На всякий случай, я заказал себе новый заграничный паспорт, за ним в василеостровском ОВИРе пришлось отстоять девять очередей. К тому же, мне было всё ещё не придумать, куда с новеньkim паспортом поехать.

Между тем, в городе стояло полное и бесповоротное лето. А в черновиках у меня была готовая история, и нужно было на что-то решаться. Если не считать лба, то история задела меня только по касательной, но не это меня останавливало. Была надежда, что история ещё не закончилась. Что всё это здесь, рядом, происходит со мной, касается меня. Господи, как я ухитряюсь пропускать все главные события, но может быть, что-то ещё случится? Только чтобы не до смерти.

Плохо, что про саму барышню-заложницу я знал мало, и за мыслями о ней не поспевал. За женщиной всегда не поспеть: обычно от полной трепетной девственницы до наглой бойкости — короткие годы.

Я хранил в памяти всё, что мой афганец в разговоре выдавил из себя, но выдавил он крайне мало. И всё так через силу, так скруп....

Многие детали его напыщенной речи, всплывали у меня в памяти много позже. Сейчас я тупо разбирал свои записи и материл себя за почерк.

«Царство небесное чеченцам!»

Неразборчиво приписано мною: «Этого только не хватало!»

Я сразу представил себе это «царство чеченцев», в котором можно невзначай залететь.

Лучше бы он пожелал им чего-нибудь другого!

Или вот кусок: «А она как же?

— Да прикована она была всё время ...»

Вот теперь сиди и осмысливай эти реплики.

«А ты?

— Меня приковывали только на ночь. В конце концов, это и спасло. Иначе я бы вместе с ними лежал, в одной клеёнке».

По каплям я вылавливал из памяти каждую секунду разговора.

Сосед говорил и о плenении, и о девочке только неряшливо и плохо. Мне

хотелось его поскорее задушить. А в своём рассказе лучше всего было поступиться правдой, то есть не реконструировать события, а играть в чистую любовь.

Где-то тут, в тетради, было место, где он цедит сквозь зубы, что чеченцев замочили:

«- Уверен ли ты?

— Увереннее быть нельзя!».

Но, что же там было на самом деле? Ведь мог, подлец, и приврать.

Это уже со мной случается не в первый раз: проявляется тупой, любительский подход! Конечно, я не расставался с темой, она всё время оставалась в сознании, тем более что я прокручивал магнитофонные плёнки и созерцал трогательные фотографии. Но я не думал, что это пришли за мной, не думал, что я так западу на эту историю. Не думал, что мне что-то понадобится для рассказа... А надо было думать!

Только это и есть профессионализм, всегда ждать и всегда думать. А не вытягивать потом из себя искусственные детали, как бойкие девочки, которые пишут сериалы. Здесь нужны точные раздирающие душу детали, которые самому не придумать. Но придётся обходиться тем, что есть, и по его пьяным проговоркам додумывать прозу.

Кто же расскажет мне, что там всё-таки происходило? Видимо, ей пришлось вступаться за Валерия. Иначе географа, как явного пособника, тоже могли застрелить. Теперь они квиты. Почему-то он говорит, что я знаю фамилию заложницы? Можно взять списки директоров банков и поискать знакомые фамилии, ну и что дальше? Что это за клеёнка, которой воспользовались плохие чеченцы или ОМОН. Может быть, были плащ-палатки. И почему, собственно, плохими были именно чеченцы — это могли быть какие-нибудь другие братки. Те же собчаковские тамбовцы? Или казанцы? Орда! Татары- матары, родственники моей тёщи. Может быть, она и руководила похищением. Я бы не удивился.

Я представил себе светскую красавицу прикованной к батарее.

А где это происходило? В туалете? В ванной? В коридоре? И как всё-таки её кормили? Как она спала, кто ей выносил горшки?

Моя жизнь стала вертеться вокруг каждого из этих вопросов.

Неужели между ними так уж ничего и не было? Сформулируем вопрос по-другому: неужели между героями что-то могло быть? Обе мысли не слишком меня грели. Но мне начинало нравиться обживаться в рамках своего рассказа. Я не торопился записывать текст, потому что ещё не всплыли нужные мне

мистические знаки. Жизнь моя давно стала будничной и плоской, и мистика оставалась желанной, но очень редкой гостьей.

«Что первично — жизнь или проза?», — спрашивает Марсель Пруст и сам не может найти ответа! Не ответить на этот вопрос и мне. Для меня самое страшное, когда кончается наваждение, и дальше ты должен писать уже только своей головой. Получается всегда отвратительно.

Глава 43. ПЕРЕД РАССКАЗОМ

Время шло. Похоже, что само приключение всё-таки закончилось: вот меня-то убивать реально никто не собирался. «Неуловимого ковбоя просто никто не ищет: он на х@... никому не нужен!» Валерия тоже не было, за своими деньгами он не явился и бесследно исчез. Конечно, я не пытался накаркать, но время было такое, что люди бесследно растворялись. И часть этих людей никто особенно не разыскивал. Меня бы точно никто не разыскивать не стал. Формула счастья: ты никому не нужен и тебе тоже никто не нужен. Можно потихонечку заниматься своими делами или даже писать. «Куда ж нам плыть?»

Информации у меня в последнее время не прибавилось. Да и откуда ей было взяться? Если бы мой географ снова появился на горизонте, явился бы сюда хоть на пять минут, то я задал бы ему несколько нацеленных коротких вопросов, но его не было. История, тем не менее, и в таком виде, крутилась у меня в голове, и очень многие вопросы заводили меня в тупик. Непонятно главное: зачем девчонку брали в заложницы? Видимо, чисто бандитский бизнес. Другими словами, обычный бизнес! «Дебет и кредит». Может быть всё по учебнику: крупная проводка — отец, буржуй, директор банка, должен быть искренне заинтересован, чтобы всё прошло гладко. Достаточная мотивировка для захвата заложницы! Батька её наверняка, старый коммунист, друг Зюганова или Кумарина, пасётся где-нибудь в городской думе. Можно обратиться в охранные фирмы при губернаторе, они живо найдут. На мою армянскую ж@.... Не подходит!

Можно нанять толкового детектива и проследить движение всех директоров банков и всех членов этой паршивой думы. Ещё надо узнать, через какие морги прошла группа боевых товарищей с северного Кавказа. Узнать и добавить в «кредит».

Мои вопросы для конкурса «кто хочет стать миллионером?»

Кто отбивал девчонку и положил всю братву? Как вообще это делается? Куда звонил директор банка и просил выслать летучий отряд кавалергардов. Кому он

за это платит, сколько?

По чьему приказу выезжает ОМОН? Вообще, кто дёргает за главные ниточки, которые управляют банками, министерствами, бюджетами и жизнью людей? Хоть, прямо давай объявление в «Из рук в руки».

«Серые кардиналы, таинственные референты, борисы березовские, искусствоведы в штатском, друзья! Строго конфиденциально! Объясните мне, пожалуйста, принцип действия нашей, точнее, вашей, государственной машины. Просто за «так», без денег, ответьте! Вы же тоже люди, тоже смертные, свои государственные тайны в могилы не унести! Ответьте, например, кому и сколько нужно заплатить, чтобы убрать несколько человек из министерства культуры? Заодно и министерства печати? Список я вам представлю. Но, самое-самое интересное для меня: как официальные лица отдают об этом приказы. Сидит в кабинете главный президент братской славянской республики, и говорит что-то своему главному чекисту. Сам делает при этом зловещие знаки, а вслух слова будут такими, дескать: «.. эти суки могут нас записывать, но нужно этого иуду-журналию обязательно застрелить, расчленить и сжечь».

И как тот показывает ему, сколько это будет стоить?! На пальцах или просто пишет цифры на освежающей салфетке, и потом вытирает ею лоб и прячет во внутренний карман?

Жутко интересно!

Ещё мне очень важно знать расценки: почём идут министры, почём губернаторы, почём председатель Всероссийского театрального союза?! Ещё включите туда хама-гаишника, который сидит в будке на профессора Попова, паспортистку из 23его ЖЭК'а, и, очень вас прошу, добавьте туда еще лысого врача из второй хирургии на Льва Толстого, который делает ультразвуковую допплерографию. С пятого этажа! Он на казённом аппарате дерёт с больных просто безумные деньги.

О-хо-хо! Да если быть олигархом и не пожалеть денег, так можно оставить на Земле только действительно достойных людей. Кому они только на x@... сдались! Такая будет высокая скука! И какими отходчивыми и незлопамятными людьми должны быть наши российские олигархи, если они этого не делают! Не сводят ни с кем счёты, не подмаргивают продажным чекистам. А спокойно сидят в своём Куршавеле, пьют Bordeaux Cotes-de-Francs и считают нефтьедоллары. Вот это я называю жизнью!

Но не нужно раскатывать губу, мне это всё не грозит! Calm down! Успокойся! САЛЬДО. Информации пшик: x@... целых, три десятых.

Был ещё свёрток чеченского поэта, но мне пока страшновато его

разворачивать. Посмотрю и только расстроюсь, ничего другого со мной не произойдёт. Во мне нет нужной журналистской жилки. Нужно заставить себя развернуть чеченскую клеёночку и посмотреть, что же там лежит, но не могу. Потерплю ещё месяц!

Невозможно жить в квартире, где так воняет котами. Хочется завести себе собаку, чтобы она передушила всех котов.

Глава 44.

ТЕАТР ОНЕГИНСКОЙ ПОРЫ

Сколько я себя помню, меня мучают вопросы дореволюционного туалета и дореволюционного освещения. Не только театра, но даже любого благотворительного бала. К слову сказать, и первого бала Наташи Ростовой. Как девочке было не пописать после котильона? Ну а уж театр онегинской поры — это для меня «вааще» чистая загадка. Либо Муравьёвы-Апостолы вообще не пользовались своими мочевыми пузырями, либо ничего не пили. Там же ещё галёрка! Неужели все терпели? Я бы не смог.

И Пушкин терпел?! А Николай Палкин? Или ходили все в полной темноте, как Брежnev, с пол-литровыми бутылочками из-под Колы. Вся литература и весь исторический кинематограф разрешают вопрос туалета при царе Горохе очень просто: они этот вопрос игнорируют. Как будто все герои прилетели с Марса или всё высшее общество — это каучуковые роботы. Исключением является музей Достоевского в Кузнецном переулке, в котором можно неторопливо пописать в систему царских труб. Просто чтобы понять, как это делали братья Карамазовы и Сонечка Мармеладова.

И я тоже не стал бы заостряться на вопросе туалета, но в моей истории он являлся не просто ключевым, а единственным.

Если героев запирали в ванной комнате, а это вполне вероятно, то мой афганец Валера мочился почём зря прямо при девушке. А если нет?! Почему я его ни о чём не спросил?! Я тупая малохольная дубина, дерево, вот что я из себя представляю! Всё бы сейчас было у меня в руках! Я ничего не спросил, и в голову мне даже не пришло спрашивать про самые важные детали. Но, главное, даже не афганец, а как со своими туалетными проблемамиправлялась сама испуганная девочка? Её же приходилось обслуживать? Ведь именно для обслуживания заложницы доктора Гео и взяли на эту ответственную работу! Но если ты в течение целой недели подставляешь горшок красивой двадцатилетней девке, то между вами складываются, пардон, очень нестандартные отношения.

Валеру ещё, предположим, выпускали днём сходить до ветра! Это, конечно,

если они поверили легенде Соколова. И для бандосов афганец был её коварным мужем, участвовавшем в похищении. Но саму красавицу выпускать в лесок никто не станет! И вот тут и призадумаешься об онегинском театре с пол-литровыми бутылочками. Вот такие урологические мысли бродили у меня в голове, пока не позвонила тёща и не сказала мне, что она была в магазине и купила мне 2 кг. рыбы — «аргентины».

«Очень хорошо жарится, — сказала она, — сунул в морозилку — вот тебе и еда на неделю».

Господи, как я ненавижу, когда обо мне заботятся! Но я сказал ей «спасибо» и обещал как-нибудь заехать. Зинка-соседка сказала, «Не переживай, заехай к ней, а я тебе пожарю! Дай я только сейчас в твоей комнате часок посижу, пока мой не уснёт!» Пожарник опять напился и бегает за женой с кожаным ремнём, а она мечется по квартире или прячется от него у соседей. Шекспировские страсти! Дело, конечно, молодое! С Зинкой следует быть очень осторожным: Зинаида Ионовна вежливое обращение расценивает как ухаживание! Я — стреляный воробей, я знаю эту породу. Такие деревенские красотки очень чётко разделяют секс и любовь!

Сексом Зинаида Ионовна может быть довольна, только если её сильно поколачивать. А вот из вежливых отношений у неё может возникнуть чувство! Вот это будет настоящей катастрофой! Пока она приносит мне пирожные, которые подворовывает в «Невских берегах». Мне приходится Зиночку останавливать. Но ей безумно нравится, что я говорю с ней на «вы» и снимаю при ней шапку. Шапку, а не шляпу, потому что у меня нет шляпы. Зина смотрит на меня жалостливо и говорит, что я очень «неухоженный». Меня от страха сразу бросает в пот, и к себе в комнату я Зинку стараюсь не пускать.

К счастью, пожарник Николай ревнует её вовсе не ко мне. Он ревнует жену к Валерию, и за географа Зинке достается контрольный пакет побоев. Теперь ожидается передышка.

Ко мне Николай относится как к гаст'арбайтеру: не замечает меня и как соперника не расценивает. Николай не простой пожарник, вчера выяснилось, что он начальник второго караула!

ВСТАВНАЯ ГЛАВА.

Денис сообщил мне, что по его данным на следующее заседание суда должен приехать «сам»! Эта толстая харя, «тётка Чарлея» мужского пола. «Ты обязательно должен прийти!» «А подруга жизни явится?» Денис пожимает плечами. Я же говорю, что жена боится отпускать его одного. То ли из суеверия,

то ли из ревности. Парадокс: каждая новая жена думает, что на ней его творческий поиск закончится. Только нужно держать его покрепче за кое-что. Да, разве его удержишь!

Но я и сам не знаю, смогу ли придти на очередное заседание. Саму «тётку Чарлея» я предпочитал бы не видеть. От такой сволочи надо всегда держаться подальше. И у меня очень болит голова. Просыпаюсь ночью и лежу. Не знаю, чем заняться. Бывает, что после таких ударов люди становятся экстрасенсами. Интересно понять, как такие вещи можно проверить. Например, я чувствую, что если от пожарничих не уберечься, то она меня возьмёт силой. Но я не уверен, что это ощущение получено экстрасенсорно,

Ещё добавилась проблема: если на заседание суда всё-таки идти, то непонятно в каком костюме. Вернее, у меня есть единственный свадебный кремовый костюм, но я его много лет не мерял. Не знаю, можно ли являться на очередное заседание в суд в кремовом костюме? Меня могут неправильно понять!

Глава 45.

У нас у самих в квартире с исчезновением доктора Гео стало пустовато. На работе близко сходиться с людьми мне никогда не хотелось, а теперь и к себе домой я стал возвращаться с ещё меньшей охотой. Вот ведь никакой особенной дружбы между нами не было, но из-за его отсутствия я ощущал в спине отчётливый холодок! Как будто за мной всё ещё наблюдали. Хорошо бы узнать, кто меня отоварил прикладом. Хоть из какой они организации? Скорее всего, не из ЦРУ! Если человек, который меня треснул прикладом, читает эти строки, вот вам мой эмейл simonjan-jurijj@rambler.ru, напишите просто, вы — ОМОН, или вы — чеченцы? И что написано на этом дубовом прикладе, а то мне приходится носить на лбу печать неизвестного содержания! Хоть, с другой стороны, с какой стати чеченцы станут читать мои хроники? Что им читать больше нечего? А вот мне по ночам действительно читать нечего, да и не хочется. Я лежу и мучаю себя всякими тревожными мыслями. Перед глазами стоит это торжественное появление соседа в десантной тельняшке. Герой Перекопа! Если и вправду доктор Гео — афганец, то и черт с ним! Афганцу не жалко! Пусть насладится девичьей слезой и смятением. Но только если он реально — афганец! В чем никакой уверенности у меня нет. Знаете, десантники говорят, что если ты хоть раз в жизни прополз по болоту на брюхе, то по тебе это всегда будет заметно. В том-то и компот, что мне не верилось, что он когда-нибудь проползал болото на брюхе. Можно ли неделю в подвале с чеченами зачесть за «ползанье на брюхе»? Ставлю на голосование. Полагаю, что можно! Да и удар мне в лоб тоже можно!

Конечно, афганец афганцу — рознь! Самым первым «афганцем» был муж Татьяны Лариной, Выяснилось, что этот «толстый генерал князь N.», ближайший друг Пушкина и Лермонтова, был участником русско-персидской войны 1827-1828 и мог быть ранен только при взятии нашей армянской Эривани или афганского Кандагара! (Курсив автора). (Я всегда мечтал написать что-то курсивом). Но вряд ли и князю N. приходилось ползать на своём толстом дворянском брюхе!

Эта мысль немного меня успокаивает, и я засыпаю прямо на втором издании БСЭ, а рано утром продолжаю свои исторические поиски. Любой период истории лучше всего изучать в «Публичке», но меня туда никогда не пропускают, потому что нет диплома. Сердце обливается кровью! Я среди питерской интеллигенции — изгой с академической справкой за третий курс!

Заметьте, что такой высокий статус диплома может быть только у нас в России. Человек с дипломом, как в деревне грамотный дьячок.

В 60-е годы в СССР никому бы не пришло в голову лечь в постель с девушкой без ромбика. Считалось, что это полный нонсенс! То есть, наверное, с каждым такое случалось, но именно как исключение. Вообще диплом для симпатичной девушки был правом на секс с интеллигентным человеком. Больше ни для чего другого он был не нужен. В сегодняшней жизни аналогией может быть только обязательная пачка презервативов! При этом примитивный азербайджанец и в советское время мог согласиться на секс не только без диплома, но и даже после семилетки, но армянин — никогда!

Это, скорее, положительно характеризует азербайджанцев, но в окончательной редакции повести эту строчку придется вычеркнуть: односельчане меня не поймут!

ВСТАВНАЯ ГЛАВА

ЗАТМЕНИЕ.

Из-за событий последних месяцев и недель что-то со мной произошло. Я решил всенародного любимца Малягина кокнуть. Точно объяснить, когда появилась эта детская навязчивая мысль, я не могу, но идея была не нанимать никаких киллеров, не перекладывать грех на бандосов с маргариновыми мозгами, а отвечать за покушение самому. Я сам бывший боксёр-любитель! В конце концов, я — армянин, а не баба! Я могу сделать этот јоб собственноручно, просто размозжить ему череп бутылкой. Ещё лучше обухом топора. Видимо, на меня повлиял удар прикладом, и я решил в такой форме реабилитироваться. Конечно, это была чистая глупость и невыполнимая «раскольниковщина», но

мысли об этом меня не покидали, и я даже посмотрел в интернете, чем можно треснуть этого придурка по башке. Я был уверен, что мне будет его ни чуточки не жалко, нужно было только выбрать, где и чем его стукнуть. В здании суда у входа стоял милиционер, и я совершенно не собирался из-за этого гада на всю жизнь садиться. Можно было, конечно, подстеречь его в поезде, но эта сволочь наверняка ездит в мягких вагонах, на что у меня не могло хватить денег. В последние годы по Октябрьской дороге стали ходить вагоны, где билет от Москвы до Петербурга стоил 27 тысяч! Не слабо! И, конечно, на деньги, которые он вытягивал у старух, Малаягин мог кататься в таком вагоне с полным комфортом. А мне (даже на половину пути, до станции Бологое) таких денег было не насстести! И я не возьму в толк, что за услуги РЖД может предоставлять на 27 тысяч деревянных рублей. Это же больше тысячи долларов! За такие деньги мне приходила в голову одна единственная услуга — это не видеть рядом никого, кому такие суммы не по карману! И тогда там («у них») подбирается хорошая компания. Выходить курить в тамбур «тётка Чарлея» не станет. Может быть, он совсем не курит, бросил, перешел на жевательный табак, и из-за такой мелочи вся операция может провалиться!

Я, конечно, не обдумывал это убийство целыми днями. Но эти мысли в той или иной степени присутствовали постоянно, и жить мне они откровенно мешали. Всё время перед глазами эти отвратительные собачьи глаза, и я бью его по голове бутылкой полусухого советского шампанского! Как били шампанским по форштевню атомохода «Ленин», спуская его со стапелей! Шмякнуть мерзавца, и пятна мутной малягинской крови алеют на моем кремовом костюме! Очень театрально и красиво. Но уж больно несовременно! Всё-таки Раскольников жил в детское время, на заре злодейской эпохи, и отношение к ценности человеческой жизни тогда было более серьёзным. При этом меня никогда не мучили ни своё право убить этого гада, ни возможность небесной кары. Я даже не имел представления о разделах, по которым меня может мучить совесть. Меня интересовало одно, смогу ли я решиться в мирное время, среди бела дня, замочить московского театрального чиновника. Вывод был неутешительным. Нет, мне всё-таки на это не решиться!

Ещё собственная башка всё время трещит! Литвиненко советует мне, чтобы я сделал рентгеновский снимок, вдруг у меня там трещина, он тоже считает, что меня бабахнули по голове в подворотне. На помощь в покушении на Малаягина помоши от самого Литвиненко ждать не стоит! И о своих намерениях я никогда ему не рассказываю. Он, к сожалению, не приспособлен для вендетт он не кровник! Вот самому Литвиненко срочно нужно сделать рентгеновский снимок

гипофиза. В этом месяце он трижды просил у меня ключ, говорил, что у него «мероприятие». И после каждого такого мероприятия, хоть плач, у меня были разборки с соседями. Потому что или он, или его подружки вечно оставляли свет в туалете, и, сколько я ему ни твердил, пользовались, нимфоманки, чужим, соседским мылом. И ещё, паразит, недоволен! «Почему у тебя нет телевизора?»

Я ему говорю, что «есть такая сказка: про лису и зайчика». Лиса тоже вечно была недовольна, что у зайчика в избушке нет телевизора и ещё видика! А мораль состоит в том, что не надо наглеть! Тут тебе не платные услуги с телевизором! Последние известия я могу прекрасно слушать по репродуктору! У меня в стене радиоточка, как в империалистическую войну, но в наше время там появилось уже целых три канала. Известно, что Франциск Ассизский любил проповедовать животным: собакам, ласточкам, котам, баранам. Он мечтал сделать хищников вегетарианцами. Радиоточки служат именно для таких проповедей. На телевидение Франциска Ассизского сегодня бы не пустили, на телевидении полно своих трепачей, и там слишком жёсткая кремлёвская цензура.

Глава 46.

Для того, чтобы открыть стихи чеченского поэта, мне понадобилось ерофеевское «и немедленно выпил!». Без этого мне тяжело открывать личные записки человека, которого, вполне возможно, угробили. Аллах, конечно, акбар! Но омоновцу, какому-нибудь «майору Мартынову», растоптать хрупкий побег чеченской поэзии — просто раз плнуть!

Текст был в истинном смысле драгоценным, хоть не могу сказать, что у меня от азарта дрожали руки. Любительские стихи вообще читать невозможно. Я когда-то недели две посещал поэтический семинар в Доме культуры работников связи, и мне этой поэзии хватило на всю жизнь. Но тогда я слушал городских идиотов, а тут всё-таки был первозданный вариант. Край непуганной горной культуры, заповедник переднеазиатской цивилизации!

Вот она, эта тетрадочка. «Авторизованный перевод с чеченского».

Так и было написано. Внушительно!

Почерк был непонятным, но очень витиеватым и художественным. Такой почерк бывает только у эпилептиков. Но стихи! Это нечто! Может быть, майор Мартынов именно за стихи его и шлётнул. Чтобы не навязывать своего мнения, я переписал только одно. Остальные были в этом же духе. И тоже не годились «ни в т@-т@, ни в Красную армию». Тоже, в основном, про блондинчиков, что я воспринимаю очень лично! Переведена была только часть, остальная вся была

тыр-быр. Скорее всего, стихи по-чеченски звучали лучше. Надо послать их на экспертизу на террористический сайт «Кавказ». Он располагается где-то в Киеве, на Подоле. Пусть там во всеуслышание объявят, что москали ни за что загубили чеченского Шевченко. Он до сих пор жил бы себе и жил. Бронзовый бюстик Шевченко стоит у меня на полке. Стоил всего 4 рубля 72 копейки. Где за такие деньги его сейчас отыщешь! Вот это у Тараса Григорьевича моё любимое:

Вечірня зіронька встає.

Дочка вечерять подає,

А мати хоче научати,

Так соловейко не дає.

Поклала мати коло хати

Маленьких діточок своїх;

Сама заснула коло їх.

Затихло все, тілько дівчата

Та соловейко не затих.

Наверное по-чеченски наша тетрадочка была вся в таком роде.

Поклала мати коло хати

Чеченок гарненьких своїх!

И парнишку этого, «соловейку не дає», с его пронзительным творчеством мне было, конечно, жалко. Но какого хрена увязался он за старшими! Сидел бы в своём ауле. Теперь и улицу в его честь в Грозном не назовут. В мою честь, впрочем, тоже не назовут. Разве что в Баку какой-нибудь тупичок. И в этом будет высшая справедливость: вся моя жизнь- это сплошной тупичок!

ВСТАВНАЯ ГЛАВА.

СТИХИ ЧЕЧЕНСКОГО ЮНОШИ

Будь ты проклят блондинчик, гонитель Корана,

Ты увидишь ещё в Судный день нашу рать

Зря презренная мать родила им Ивана.

Что пришел на священную землю мою умирать!

Если веришь в победу, значит, будешь ты свят,

Поднимаемся, братья, на вечный Джihad!

Ведь народ мой великий, пока хватит нам силы,

Не отдаст оккупанту родимой земли.

Ждёт врагов только сладостный запах могилы.

И пощады у братьев, гяур, не моли!
Если веришь в победу, значит, будешь ты свят,
Поднимаемся, братья, на вечный Джихад!

Мунафику, гяуру ты руку подашь,
этим мать, тебе давшую жизнь, ты предашь,
зато в памяти братьев покоишься с миром
если умер ты в битве с проклятым кафиром!
Если веришь в победу, значит, будешь ты свят,
Поднимаемся, братья, на вечный Джихад!

Если в битве с врагом ты стоял до конца,
В Судный день не падёшь с чёрной маской лица!
Если веру как шпоры себе вгонишь в бока
То с Аллахом ты гордо постигнешь века!
Если веришь в победу, значит, будешь ты свят,
Поднимаемся, братья, на вечный Джихад!

Глава 47

ЦПКиО

Почему япускаю Дениса путаться у меня с молодыми девчонками? Свою мотивацию мне очень важно объяснить читательницам. Я этим не горжусь, а просто констатирую. Думаете, конечно, что из мягкотелости? Ничуть не бывало! Заметьте, что Литвиненко совсем не гад! Он относится к своим возлюбленным с уважением, всегда провожает их до трамвая.

Но если у него нет пристанища, то он начинает свою возню буквально, где придётся! На садовых скамейках, в Центральном парке культуры и отдыха, а вы понимаете, какая там культура. Всюду жёстко, холодно и неудобно. И мне Дениса совершенно не жалко, пропади он пропадом, похотливый козёл! Но мне жалко его пэтэушниц. Что движет юной дамой, когда она отдаётся дяденьке на парковой скамейке, я сказать не могу. Но не знаю как вы, а я такой мизерабль выдержать не могу!

Сегодня у нас на кухне прошла конференция по Пушкину. Большинство считает, что Пушкин был революционером, и очень переживал, когда его помощников расстреляли. А его самого помиловал аристократический царь. Зинка считает, что Пушкин писал сказки, «Анну Каренину», и жутко много пил. «Короче, жене изменял по-страшному!». Зинка не выносит изменщиков и

пьяниц.

Зинке вручаем приз как безоговорочной победительнице.

Глава 48.

КАК ПИСАЛИ ПРИ СОЦРЕАЛИЗМЕ

На дальней станции сойду,

Трава по пояс, ...

Живой воды попью у журавля.

Тут все мое, и мы, и мы отсюда родом (THE SONG)

Социализм — это счастливое время для писателя. Писать по кремлёвскому заказу было не стыдно.... . А вообще это очень деликатный вопрос, для чего люди пишут? Смысла в этом действии нет никакого, и мне не объяснить даже, для чего пишу я сам,

В голове есть какой-то туманный приказ сфотографировать эпоху. Ту или другую. Лучше бы, конечно, другую! Если этот приказ не выполнять, то в животе появляется ощущение пустоты. С чем бы это сравнить? Можно сварить себе и наесться дешёвых сибирских пельменей, но ощущение пустоты всё равно остаётся.

Самого себя я считаю в основном историческим писателем, и когда мне задают провокационный вопрос, кто из писателей мне мешает, я, чтобы не приставали, сразу называю Сарояна. А думаю при этом о Плутархе! Вообще это очень коварный вопрос, его задают со смыслом, будьте очень осторожны! Потому что спрашивающий пытается выведать, как вы оцениваете свой масштаб и своё место в литературе. И в искусстве. К счастью, к высокому искусству я отношения не имею.

В коридоре на сундуке лежала книга Юрия Нагибина, и я полистал её прямо под лампочкой в прихожей, пока ждал телефонного звонка с работы. Писателем Нагибин был симпатичным, но время его прошло, и перечитывать эту книгу было больно. Мой тёзка Юрий Маркович мне совершенно не мешал. Видимо, и себе тоже. Целым поколением писателей был придуман слой кастрированных социалистических отношений. Этот слой всех устраивал, да я и сам вырос на нём как читатель. И в меня самого глубоко въелась эта зараза! После нашей жёсткой писательской самоцензуры цензорам из 3-го жандармского отделения уже просто нечего делать. Можно сидеть в кожаном кресле и курить «Беломор», пачку за пачкой, как моя соседка, партизанка тётя Дуся Нехведович. Вот поэтому облитерирующий эндоартерит — это профессиональное заболевание российских цензоров. Нельзя же столько курить: ты обрекаешь себя на

перемежающуюся хромоту!

Ой, Беломор, Беломор, прошла твоя эпоха!

«Беломор» фабрики Урицкого — это было наше василеостровское — всё!

Пока newбольшевики не закрыли родную табачную фабрику, пока не толкнули её, суки, япошкам, и перебазировали в Стрельню! Я из принципа не стал бы курить «Беломор-Камадзуки»! Потому что за державу обидно!

Как же всё-таки звучит полное имя от «Дуся», которая уже три раза прошла мимо меня и собирается наклепать мне что-то на соседку-еврейку, но не на партизанку, а просто на беженку? Я отворачиваюсь от тёти Дуси и делаю вид, что я занят!

Снег тает, ветер дует, воды на Ваське по колено, а весной не пахнет.

Может быть, ещё один раз попробовать поменять и остров, и город, и судьбу? Только на что? На путешествие во времени? На морепродукты? Ещё Пётр Первый обещал, что Россия будет самой удобной страной для жизни! Уже вот-вот, совсем скоро. Осталось лет семьсот. Безумием, конечно, было сюда возвращаться, но когда я решал не возвращаться, то мозг наполнялся тьмой и у меня наступал паралич воли. Хоть я всё время помнил, что Алёша Космачев писал мне: «При нашей жизни здесь никогда ничего не изменится. Будет только хуже. Не так как при большевиках, но не лучше. Как-то ещё поднее и гаже. Академик Лохвинцев доказал, что это царство людей «джи». Не отмахивайся от моего письма....». В живых я Алёшу Космачёва уже не застал.

Евдокия, вот что значит «Дуся», только сейчас догадался! В нашей школе не было ни одной Евдокии. Я даже не знаю, как они теперь выглядят!

Глава 49.

Мата в рассказе действительно получалось многовато. Как чеченцы разговаривают между собой в Чечне, я просто не знаю. Не довелось их там слышать. Но в любой фразе чеченцев, пока они таскаются по российским столицам, все нормальные слова, кроме местоимений, заменены м@том! И если его вычёркивать, то герои будут просто всё время м@лчать. Будут ходить, как в рот воды набрали, и думать свои чеченские думы о народах, среди которых, в силу разных обстоятельств им выпало жить.

Как Герасим и Муму! Уж до чего я не люблю Тургенева, но может статься, что в лице Герасима он именно и пытался художественно изобразить чеченца.

Сегодня я прожил самый бездарный день в своей жизни. Чтобы на нём поставить точку, дал вечером десятку мятой старухе, которая копалась в мусорном бачке. Хорошо, что меня никто не видел. От тюрьмы и от сумы я

никогда не зарекаюсь. Но лучше всё-таки сума! Мы снимали два раза в пыточной зоне в Ленобласти, и мне эти съемки сняться.

После тех съемок я почувствовал, что шутовское начало во мне гаснет.

ВСТАВНАЯ ГЛАВА. СОВЕРШИТЬ ПОСТУПОК

Кстати, о пыточных зонах: продвинулся ли я хоть на миллиметр со своим покушением на «тётку Чарлея»? Нет! Но я ещё и не успокоился. Я думал об этом уже несколько месяцев и, теоретически, я придумал, как это сделать. Я знал уже его московский адрес и телефоны, но решимости у меня совсем не прибавилось, ни на грош. Теперь я понимаю, что безумный герой Достоевского — это серьёзная, значительная личность, потому что покуситься на чужую жизнь не каждому по плечу. И Порфирий Петрович вспоминает, что преступление должна совершать необыкновенная личность, но всё равно преступление всегда должно сопровождаться болезнью. И вот обоих пунктов мне решительно не хватало. Я чувствовал себя до омерзения здоровым, а в таком состоянии каши не сваришь!

Я повторяю себе, что в жизни нужно совершать поступки! И значительные поступки, всегда — пирожок с отрицательной начинкой. О хороших делах может вспоминать только газета «Пионерская правда»: они не требуют от вас смелости.

Любые героические подвиги совершаются спонтанно и никого по-настоящему не интересуют, а вот злодейства обдумываются и вынашиваются, и на это требуется большое мужество! А где его взять?

К сожалению, у нас три дня нет горячей воды. А Денис опять просит ключи. Что же это за напасть такая! Спрашивает осторожно: «А меня там не кокнут?» Героиня дня — это действительно, «та самая» повариха. Только что закончила с отличием кулинарное ПТУ. Я как чувствовал! Повариху зовут Юля, это очень симпатичное имя, похоже на розочку на торте. Денис говорит, что учит её жизни, хочет, чтобы она теперь поступила в техникум. Дожили! На мой диван уже укладывают отличницу-повариху! И сватую бабу Бабариху. Я даже не знаю, радоваться мне этому или горевать. Вместо того, чтобы вынашивать кровожадные планы, мне самому пора уже кого-нибудь готовить в техникум.

В свадебном костюме на заседание суда мне идти не пришлось: оказалось, что костюм мне безумно мал. Рукава короткие, пиджак на животе не застегнуть. Я не мог так измениться! Или он сел, или злодейка Офелия подсунула мне чужой костюм. Увезла мой настоящий свадебный костюм с собой в Италию, и подбирает там под него макаронника. С неё бы сталося!

А пока задание «Раскольникову» на дом: купить 2 кг. рыбы «аргентины», убить Малягина, не забыть заплатить за квартиру и ответственной квартиросъемщице Зинке отдать деньги за влажную уборку лестницы.

Глава 50.

АРМЯНИН/64

Понятно, что Вам хочется знать, что чувствует писатель, который даже в старом советском паспорте был записан армянином!

Что же это за волшебное национальное чувство? И сразу вас разочарую — ничего особенного! Как будто бы я обычный человек, титульной национальности. Просто смех! А я — самый чистокровный армянин на белом свете, гражданин небесной Армении!

Язык, мама и христианство — вот три кита, на котором мы стоим! Все три пункта в моём случае существуют с некоторыми оговорками: амшенцев я тоже считаю армянами, мама у меня русская, и формальное христианство для меня ничем не выше мусульманства. В споры на эти темы я не вступаю, но, наверное, главное, что граница с Турцией проходит через моё сердце! Как у того армянина, который создал нынешнюю грузинскую письменность. Настоящие грузины до сих пор на ней отказываются писать. Если бы Маштоц мог такое предположить, то он просто не стал бы им ничего придумывать. Шеварнадзе все свои указы писал бы по-армянски. Жуткое унижение!

Я называю себя армянином с той крохотной натяжкой, что в южных штатах Америки люди с 1/64 негритянской крови всегда считались полноценными неграми, и в автобусы только для белых их просили не садиться. На этом основании, я не только армянин: по нашему закону, я могу быть даже председателем армянского Национального собрания. Того самого собрания, где время от времени происходят сицилийские перестрелки, несколько снижая мои национальные амбиции, хотя и не слишком.

Я армянин ничуть не меньше чем Окуджава. Только он по матери, а я по отцу, но стихи и песни он писал именно своей армянской половиной! Потому что сказать «с нами женщины, все они красивы» — грузин не может, это чисто армянское выражение! А прозу писал Окуджава-грузин! Мне не очень близка его проза.

Ещё мою армянскую спесь поддерживает сознание, что, по нашей семейной легенде, один мой прапрадедушка участвовал ещё в троянской войне на стороне Приама, а второй отличился чуть позже, ещё через 400 лет, в восстании армян против Сарданапала, и это было всего за 25 веков до французской революции.

Поэтому к французской аристократии, которая в основном юна как подснежник, армяне относятся с иронией. Знайте, что в моём армянском роду есть и кровь Багратуни, а, как вы помните, они были из семитов, сынов библейского Сима, но есть и кровь Орбелианов, то есть чистокровных китайцев, сынов Хама. А в последние два столетия этот коктейль на базе китайской можжевеловой водки и семитских ароматизированных ликёров ещё основательно смешался со славянской кровью сынов Йафета, которую можно зачесть за гранатовый сироп и цедру.

В общем и целом для меня национальная гордость является только пустым звуком, над которым посмеиваются даже лишенные чувства юмора бесплотные ангелы. Надеюсь, что хоть эти ребята не делятся по национальностям! Если нет — для меня это будет неприятным сюрпризом. Пока моя настоящая профессия — быть гражданином Земли, ведь доподлинно известно, что паромщик Харон никогда ни с кем не торгуется. И вот ему-то совершенно всё равно, в какой валюте с ним пытаются расплатиться. Скромный армянский драм для него не хуже чем наш российский рубль, мятая гривна или спесивый доллар!

Какие прогрессивные силы пришли сегодня к власти в моей небесной Армении, я даже не припомню! Ещё тысячу лет назад китайские мудрецы писали: () «есть ли смысл менять власть, если на смену прежней власти, всегда приходит точно такая же сволочь?». А так как китайцы вместе с семитами и составляют существенную часть армянского народа, то к этим словам стоит отнестись серьёзно. Я бы обязал все политические партии вышить эти иероглифы у себя на знамени, чтобы, как надпись на сигаретах, это оберегало наивных людей от излишней активности.

SURGEON GENERAL'S WARNING: Smoking Causes Lung Cancer, Heart Disease, Emphysema, And May Complicate Pregnancy.

Особенно, последнее.

Метель-завируха! Город завалило, снег ни х@... не убирают. Все машины застrevают в снегу и сиротливо мёрзнут. Под снегопад мне хочется плакать. Понятно, что всё пройдёт, чего убиваться, но сокровенности снегопада мне не выдержать. Потом снег падает на родную питерскую землю и превращается в дермо.

Глава 51. МНОЮ ПРИНЯТЫ РЕШЕНИЯ

Я вынужден принять судьбоносное решение. Я решил в своём рассказе не убивать отряд чеченцев, не «мочить их в сортире». Проклятый гуманизм, альтруизм и пацифизм! Ненавижу себя за эту слабость! Но, в конце концов, на страницах повести, да и в жизни, чеченцы были на службе у молодой российской буржуазии. И хоть они и являлись боевым крылом этой службы, но надо честно признаться, что никаким мусульманским экстремизмом здесь не пахло.

Конечно, совсем без смертей в повести было не обойтись, но я решил вместо чеченцев ликвидировать заказчиков похищения. И прежде всего, стереть с лица Земли того человека, на которого работал Утюг Соколов. Во-первых, он напоминал мне Швыдкого из министерства культуры, с которым я давно хотел свести виртуальные счёты. А, во-вторых, у нас все заказчики убийств в жизни всегда остаются живыми, так пусть им достанется хотя бы здесь! У меня в рассказе их убют, четвертуют и ещё оторвут их поганые, олигархические яйца. Такую же гибель я планировал Малягину. К стыду своему, я человек довольно мирный. И в сортирах стараюсь никогда никого не убивать, потому что слова «не убий» я принимаю слишком буквально. Я, как дядюшка Тоби Шенди, всегда выпускаю мух в окошко, сообщая им, что «мир велик». «This world surely is wide enough to hold both thee and me!» Это можно говорить мухам, на английском или на башкирском, которые, как вы, наверное, знаете, происходят из одного прайзыка, то-бишь, из одного корня! Из чего получается, что англичане являются всего лишь западными башкирами, то есть, практически, западными татарами, и нечего им так собой кичиться! И ещё я часто перед сном представляю себе, как на нашу планету нападают инопланетяне, вот тогда и русские, и недобитые немцы, и хмурые чеченцы, и даже американцы, и муhi — все мы объединяемся на баррикадах против общего врага. «Когда народы, распри позабыв,

в великую семью соединятся», то и турки и армяне, хорваты и сербы, болельщики Милана и Интера, Зенита и Спартака — все обнимутся. Представляю, что это будут за объятия! Они от страсти все друг друга передушат. Это всё влияние на мой мозг дегенеративных компьютерных игр. Получается ничуть не хуже! А поведёт нас в бой, размахивая идиотским французским флагом, мадам Свобода с голой женской грудью с картины Эжена Делакруа. Кстати о женской груди. Вернее, сначала о чеченцах: в своей повести

я дал убежать нашему акыну, нашему шатойскому Шевченке, и это моё беззубое решение мне ещё как аукнется!

Глава 52. ОТРЯД ЧЕЧЕНЦЕВ

Я предполагаю, что у ребят из Шатойского района, когда они отправляют человека на тот свет, особенных угрызений совести нет. Простые ребята, горцы, вторая половина 14-го века, ледниковые реликты. В тех краях даже родиться опасно. Лично я ни в каком контексте с чеченцами встречаться не желаю. Ни живым, ни мёртвым! И это не страх, а трезвый расчёт.

Поэтому, вспоминая о Валериных деньгах, я всегда надеялся, что за этими деньгами не явятся боевые товарищи с Северного Кавказа.

Писательский же вывод мой такой: чтобы нормально писать о чеченцах, нужно иметь специальный художественный вкус или специальный криминальный опыт. А у меня недоставало и того, и другого. И не только у меня! Возьмите любого из художников. Вот у Рембрандта авторитет достаточно высокий. Но когда ему, Харменсу Van Рейну, для его «Ночного дозора» предложили в качестве натуры группу чеченцев, то даже Рембрандт от такой чести наотрез отказался. Знаете, почему он ответил отказом? У него была манера, перед тем как работать кистью, наваливать на холст белил, чтобы получался внутренний свет. А с чеченцами никакого внутреннего света принципиально не получается. Там идёт сплошная внутренняя тьма! Это я только о мужчинах. О чеченских женщинах я ничего не знаю: я никогда в своей жизни не слышал ни об одной живой чеченке. Я не знаю, откуда их вытаскивал Михаил Юрьевич Лермонтов! Да что вам сдался этот Лермонтов? Отвратительный желчный тип, смертельно оскорбил Мартынова, и его совершенно справедливо вызвали на дуэль. Если можно оскорблять, то и права оскорбиться человека лишать нельзя! «Хорошо ещё, что его противником был не Пушкин!» Знаете, кто это сказал? Граф Бенкендорф, вот кто! Это действительно была бы потеха: телезрителю непонятно, на кого ставить? Лично я, без раздумья, ставил бы на Пушкина! Но любой результат такой дуэли стал бы катастрофой для нашей литературы, отбросил бы её назад лет на сто. То есть, и Улицкая, и Пелевин появились бы где-то в конце 19-го века. И «Княжну Джаваху», и повесть о Чапаеве они писали бы живьём, по личным впечатлениям. Я ничего против них не имею, я их даже ещё не прочитал, по personal offence, я просто для примера. Если я кого-нибудь действительно не перевариваю, то это только Довлатова, не при армянах и не при евреях будет

сказано. Вот это настоящий мыльный пузырь! «Кто имеет уши слышать, да слышит» — Евангелие от Матфея, (гл. 11, ст. 15).

Но сейчас речь о чеченках: лично я пока не знаком ни с одним человеком, который с ними когда-нибудь в своей жизни говорил или их видел. Передачи Кремлёвских телеканалов оставим в покое, там, отродясь, не было ни одного слова правды!

Таинственная история! Скорее всего, чеченок вообще в природе не существует. И это не значит, что следом я скажу сейчас какую-то несусветную пошлость: я всего лишь проявляю дань уважения к народу, который вообще не рождается. Он существует изначально! А как, по-вашему, иначе могло бы это происходить без женщин? Правда, два предводителя чеченцев, которые фигурировали в моем рассказе, и Седой Махмуд, и Мусса Четырёхпалый, жили в Питере с какими-то бабами, но они обе были блондинками и работали в сети овощных магазинов, которые и крышевал Махмуд. Они были совершенно не чеченками.

В своей повести я хотел компромисса, я не хотел никакой книжной бойни, только искал любые обронённые фразы, лишь бы у истории моих героев была чёткая чеченская рамка. Не многие свидетели могут поделиться своим бандитским опытом, потому что свидетелей уж нет, а те далече. Но какие-то крохи я нарыл. Криминальные элементы, с которыми я консультировался, в основном считали, что чеченцам можно доверять. Это солидная рекомендация!

Для чеченцев ты или друг, или враг.

И ещё очень важное наблюдение, что у чеченцев «крепкие яйца». Сегодня, когда российские мужчины с крепкими яйцами Фаберже в основном перебиты, это наблюдение большой государственной важности.

Мой школьный товарищ, пожелавший остаться неизвестным, поделился со мной следующими соображениями.

«...Стрелка с чеченами — это всегда опасно.

Мусса любил выходить из машины с гранатой — чтобы всем сразу стало спокойно. В реальной жизни он человек, конечно, не робкий, а в рамках цивилизации, и это очень смешно, можно сказать, даже застенчивый. У нас все профессии почётны! Вот его профессия — выбивание долгов.

Может нагнать в ж@пу холода и вернуться за деньгами завтра. Но приходится, конечно, прихватывать кого-то из родственников. Положить Муссу могли только очень серьёзные люди!»

У меня получалось, что чеченцев можно описывать только по принципу

Малевича, то есть по паре раз в день подходить к холсту и давать все оттенки немецкой жжёной. Или какие там ещё существуют чёрные краски, для изображения «Чёрных квадратов» или боевых квадратов чеченцев?

«Если мои солдаты будут знать, за что они воюют, то невозможно будет воевать», — эти слова Фридриха Великого к чеченцам не относятся. Чеченцы всегда знают, за что они воюют!

«Наши бандиты — крысы, а эти нет» — сказал известный олигарх, который ошибается редко!

ДУДАЕВСКАЯ БРАТВА — В ДНЕВНИКАХ ИЗВЕСТНОГО ОЛИГАРХА:

— коэффициент воинственности очень высок.

— неприхотливы: всё, в чём они нуждаются — хлеб, вода и провозгласить независимую Ичкерию!

— любят тираспольские «калаши» и белых шлюх, которые относятся к ним настороженно.

— Бельи, бельи, как на стенке мельи! (Положительная характеристика проститутки-блондинки!)

-не боятся смерти. Умрут, но отомстят.

— единственный способ победить — убить их всех.

-чеченцы как китайцы — живут отдельной жизнью.

— даже самые красивые ноги где-то заканчиваются (это ещё как сюда попало?)

— хорошо, что среди чеченцев мало голубых, а то сцена обнимающихся чеченцев с гранатой опасна для цивилизации.

— но! человек, который изобрел кредитовые авизы, всё-таки перевесит целое чеченское бандформирование.

Резюме. Попробуй русского бандита, на которого даже смотреть опасно, проткнуть напильником — пухф! Из него выходит воздух! Как из пауков, которых пронзил Бильбо. На операционном столе русский бандит выглядит совсем не страшным, а уж в морге вовсе никаким.

А про чеченца этого не скажешь, в морге они ещё страшнее! Если из окон машины торчит 5 калашей, значит едут «наши». Как велик ты, мусульманский народ, у которого ободранный хитрющий бедуин объявляется равным Спасителю! Ты не оскорбишь свои мужицкие руки работой, и ты не станешь марать их об эту землю, на которой ты аккуратно стелешь свой коврик. Потому что думы твои направлены прямёхонько в небо! Такбир

Глава 53.

АНЖЕЛИКА — ЭТО ИМЯ К ВОЙНЕ!

Девчат на фотографии было три. Одна, куколка поменьше, стояла с мокрыми волосами, и мне показалось, что в ноздре у неё была серьга, но может быть и родинка, и в пупке были видны стекляшки. В пупке мне никогда ничего не мешает, пусть себе, на здоровье, носит. У второй была видна только блестящая попа, приблизительно 40 дюймов в диаметре, это чуть больше 101 сантиметра, и я решил, что папарацци, которые за ними следили, эту вторую в расчет не принимали. Зато третья, была совершенно замечательной! Почему-то я решил, что заложница — именно она! Лучше бы она! Все вместе девчонки напоминали мне трёх харит. Некрасивая богиня с ноздрёй, была ещё самой нескладной и худенькой, и на первом из двух снимков, которые я рассматривал по несколько раз в день, она стояла практически топлес, с кругленькими дореволюционными грудками из музея Прадо, и вздёрнутыми деревянными сосками! Теоретически заложницей могла быть и она. У Анжелик вообще вторичные половые признаки выражены довольно слабо! Это ангельское имя, какая там может быть грудь! Если у Анжелики пышная грудь, то её так назвали по ошибке. Родилась она какой-нибудь Машей или Симой, а уже потом кто-то назойливых родственников начал настаивать, и её переименовали в Анжелику или в Лику. Но в глубине души она пожизненно останется Машей! Кстати, вы знаете, что небольшая грудь — к войне? Это не я придумал: в 1913 году проводилось специальное исследование и результаты опубликованы. Вообще-то я люблю грудь к войне! Можно сказать, что это мой любимый размер груди. Не секрет, что женщины Рубенса для рядовых армян толстоваты и немного вульгарны. Какие-то мужики с грудью! Но вот третья харита хоть и была рослой, но в ней не было ничего мужского! А главное, что её грудь при этом была не к войне, а к миру во всём мире! Но, в конце концов, при чём тут имя?! Имя это только звук, колебание воздуха! Господи, что-то знакомое, где-то я это слышал. Вспомнил... Nor arm, nor face, nor any other part

Belonging to a man. O, be some other name! Отлично, переименуем! В рассказе я решил называть девушку Елизаветой! Лиза! Здорово звучит!

ВСТАВНАЯ ГЛАВА Судья проболтала, что гнусный тип Малягин на заседание суда из Москвы в Питер не приедет! Железнодорожный состав придет пустым! Анны Карениной, Рогожина и князя Мышкина, которые обычно ездят этим маршрутом, в вагоне тоже не будет! Это надёжнейшие данные адвоката. Так заканчиваются все мои начинания. Я чувствую себя совершенно

опустошенным! Мои игры в Раскольникова закончились! Топор больше не нужен, а такой был роскошный проект! Теперь за убийство меня лично никто посадить не сможет! Разве что, как заказчика. Потому что на это дело придётся нанимать профессиональных киллеров! Ещё пристегну к Малягину кого-нибудь на пару: критика Латунского и критика Виктора Топорова, два настоящих вампира, обоих совершенно не жалко. Заказ от этого особенно дороже не встанет, потому что оптом дешевле! Вот на что пойдут деньги Валерия! Шутка! Под давлением тёщи я не выдержал, вскрыл, а потом снова послюнил и заклеил его конверт. Я думал, думал и понял, почему он оставил у меня эти деньги! Это был шаг бывшего картёжника. Он был уверен, что рано или поздно проиграет всё и явится ко мне за заначкой! Три тысячи долларов! Целое состояние! «Не фальшивые?» — подозрительно спросила тёща. «Скорее всего фальшак! — ответил я. — Но работа хорошая — залюбуешься!»

Глава 54.

Мы снимаем в небольшом губернском городке. Варга не смог поехать, и мы снимаем с весёлым молодым оператором. Мы попали в другое измерение, но все говорят по-русски, и большинство слов совпадает по значению с нашими. Но смысл самого существования здесь другой. Я понимаю, что ничего из того, что я написал и напишу или скажу, не понадобится здесь ни единому человеку. Да Бог с ним со мной и моей армянской спесью, но горожанам этого города не нужен никто. Ни Пушкин, ни Ватрушкин, может быть из-под палки что-то заставят прочитать в восьмом классе. Им не нужен ни Ватто, ни Дали, ни один из Беллини и ни один из Брейгелей, ни Боттичелли, ни Бронзино, ни Брюллов, который специально для них в 1828 году мотался в Помпеи, им не нужны Шелли, Шекспир. Шеридан, Шоу и Шолохов! Шолохов, правда, мне тоже совершенно не нужен. В этом я их понимаю! Я видел во всем городке две книги в ларёчке — это липовый грузин Акунин и Пикуль! Оба совершенно необходимы, чтобы горожане могли бегать глазами по строчкам и не разучились читать. Надо быстренько всё отснять и давать отсюда дёру. Потому что это захолустье заразно, и слабого человека оно может засосать. И в который раз я убеждаюсь, что творчество — это абсолютно частное дело художника. А культура только слой масла на станционном бутерброде, слой который измеряется в ангстремах. Это невидимый слой планктона над океанской толщёй, деликатес усатых китов из семейства полосатиков *Balaenopteridae* и усатого Алена Бомбара. А в этом городе живут жители, так называемое население! Они не питаются планктоном. Они просто люди, в меру приветливые, очень в меру, и

в меру грубые. Мы ночуем первую ночь в агро-техническом колледже, у бурсаков приличные ноутбуки и мобильники, но студенты не умеют пользоваться туалетом. Наверное, деревенские, и с детства мещанским пустякам не научены. Я считаю это очень ценным этнографическим наблюдением, но Дениса оно не интересует. Денис спрашивает меня, почему в этот колледж берут только парней.

— Чтобы ты не задавал таких вопросов!

Денис самодовольно ухмыляется, он уже запланировал на сегодня свидание с воспиталкой из детского садика.

— Паспорт-то спросил, придурок?

— Так точно!

— Веди себя культурно!

Да черт с ней, с культурой! Важнее культура чувств. Скорее всего, где-то поблизости существует и колледж противоположного пола или ткацкая фабрика. Потому что студенты очень матерят каких-то невидимых собеседниц по мобильникам. Ответов я не слышу. Нужно срочно провести опыт и записать разговор по телефону жителей маленьких городков двадцати пяти разных стран. Я выбрал наудачу по пять городов на каждый континент. Я подозреваю, что, сравнив эти разговоры, мне захочется застрелиться. Я боюсь, что мы живём на окраине цивилизации. Это большая часть родиться в такой стране. Я цитирую Денису и оператору слова Тютчева про посещение мира в его роковые минуты. Денис говорит, что я мудак с претензией. И, конечно, он прав. Но на последнюю ночь мы всё-таки перебираемся в гостиницу. Нормальное население земли, попьюлейши. Просто у меня нет с ними никаких культурных пересечений, кроме фотографий игроков МЮ на кухонном холодильнике. Это прекрасный древний город! Здесь Фёдор Кузьмич Сологуб написал своего «Мелкого беса», в этом городе Николай Ярошенко нарисовал безнадёжную картину «Всюду жизнь». а Денис Литвиненко целый день снимал запущенные каналы, записывал жалобы горожан на мэра и собирается на встречу с застенчивой воспитательницей. А я ищу ему исторические материалы в краеведческом музее. Нам нужно снимать и самого городничего Сквозника-Дмухановского, но у Антона Антоновича на нас просто нет времени. У Дениса впечатление, что городничий совсем не хищник. Может быть он овцебык — зверь неизвестной породы! Он из наших, из обкомовских! Сам городничий даже не бандит, но на это место его поставили бандиты, и так его построили, что у Антона Антоновича связаны руки! Не потому что он сам плохой, а просто слишком много денег

нужно отдать наверх, и прокормить целую кучу плохих людей в Москве! Для маленького заштатного городка он ничего оставить не может. У него самого забирают всё до нитки. Он, если хотите, жертва. Получается, что любой глава города обязан украсть всё, что сможет. Это очень хлопотливая служба.

Жить городничему по другим правилам нельзя. Боксом не принято заниматься по правилам художественной гимнастики. В городе уже два года существует «смотрящий», нормальный пацан, и городничий ездит к нему в ресторан с докладом. На сохранение независимости никаких шансов нет. Мы с Денисом не имеем представления о том, что происходит на самом деле. Мы видим только то, что нам показывают. Денис бранится на чём стоит свет, и говорит что в ближайшие двести лет криминальная обстановка в нашей стране не может измениться ни на йоту! Я пожимаю плечами, а молодой оператор улыбается и снимает.

Это такая наша национальная особенность — улыбаться и снимать. Неудачная командировка. Я успокаиваю Дениса, говорю, что неприятности неминуемо закончатся, пролетят мимо. Жаль только, что вместе с ними обычно пролетает длинный отрезок времени. Потом оказывается, что эти неприятности и были твоей главной жизнью.

Глава 55. ИЗ ДНЕВНИКА

Какое же у нас нынче тысячелетье на дворе? Надо узнать в Избиркоме или у тёщи! Вообще-то я стараюсь неходить на выборы. Особенно на выборы президентов и выборы местной власти. В Италии тех, кто не ходит на выборы берет на учёт полиция! Это достоверные сведения от римского полицейского чина, с которым меня сводила документальная судьба! Фильм о нём мы снимать не стали, но из его информации следуют сразу две вещи!

Первое, что мы еще до этого безобразия не дошли! («Свободу Юрию Деточкину в самой свободолюбивой стране в мире!»). А второе, что я такой идиот, что на одну секунду могу допустить, что в Италии берут на полицейский учёт, а у нас граф Александр Христофорович Андропов и граф Юрий Владимирович Бенкендорф (и, возглавляемое ими, третье отделение) на учет не берут! Как бы ни так! Как будто наши стальные ребята могут быть глупее итальянцев! Такое предположение более чем наивно. Просто итальянки чересчур простодушны и болтливы, а наш граф Юрий Владимирович — нет!

Шёл по Малому проспекту и у кладбища обратил внимание на команду прыгающих ворон. Они выглядят психически здоровыми. Я им даже

позвидовал. У ворон никогда не бывает нервных срывов или потрясений. Они вообще ничего такого не знают. На «Ваське» только вороны не страдают от ксенофобии. «Кто вы по коренной национальности?» Этот вопрос задают мне не только в Москве и в Питере, тот же самый вопрос мне задали в Париже! И тогда мне сразу захотелось попасть на какой-нибудь другой глобус! Иногда я называю себя ассирийцем или курдом, мне просто надоедает называть себя армянином и смотреть, как у собеседника вытягивается морда!

Про ассирийцев в нашем городе мало что известно. Каждый сотый житель СПб знает, что они давно вымерли, а каждый сороковой уверен, что ассоры чистят ботинки. И те и другие правы!

ВСТАВНАЯ ГЛАВА ТЕАТРАЛЬНЫЙ СОЮЗ

РЕПОРТАЖ. Я сижу на дубовой скамейке в зале суда и разглядываю окружающих.

Когда я слышу слова «культурная элита», я хватаюсь... за что же я там хватаюсь?! Всё-таки у меня нелады с культурой, которой я безраздельно принадлежу. Поэтому и хватаюсь! Позор и стыд! Театр абсурда! Куда ни кинь, всюду клин! Говорить и писать ни о чём нельзя: заключают. Скажут, что я инородец, нацмен, «армян», как говорит мой сосед-географ! Со своим плебейским рылом в наш культурный калашный ряд! И с этим я абсолютно согласен! Меня мучает мысль: вот вся это сволочь, которая сейчас кормится наверху: кем они были бы сто и двести лет назад? Знать, горожане, купечество? Чёрта-с-два! Рабы, и в самом крайнем случае, смерды! Так называемые, НРП! Носители рабской психологии. Чтобы истребить в нашей культуре рабскую сущность плебея коренному россиянину нужно ровно 700 лет (столько понадобилось англичанам и французам)! А полукровкам? Смело делите пополам! Я подозреваю, что за 350 лет со своей сущностью я справлюсь!

Правда, не очень понятно, с какого момента начинать отсчёт? Если с 19 февраля 1861, то мне осталось 199 лет! Тоже, признаться, немало! Приходится утешаться тем, что конфликт с российской культурой сближает меня с Толстым! У вздорного старикашки был конфликт не только с тогдашними попами-фэсбэшниками, но и с католической братвой, и с автокефальными ханжами-англиканцами! Я забыл ещё квакеров всех мастей, и всех номинальных лакированных протестантов! Граф пишет, что все священники изгоняют из народа самый дух христианства! Ай да, граф, ай да, молодец! Но я и сам еретик! И с точки зрения Эчмиадзинского католикоса, я являюсь не только еретиком, но

и последователем иконоборца Хесу из Верхнего Двина! Которого(*Հայութանեայց Առքելական Եկեղեցի* для тех кто умеет читать по-армянски), быстренько осудила и ликвидировала. Дело знакомое! Большевистский ментовской почерк! И суд в девятом веке мало отличался от зала, в котором я сейчас пребывал! Картина маслом!

Секретарь суда 9го века — абсолютно серая квакерша с не очень хорошей кожей Протокол она составляет тоже довольно бестолково, потому что вообще не понимает, о чём идет речь и где она находится. Самый распространенный тип работников в постсоветской культуре. Непонятно, как такие дуры вообще появляются на свет! Последняя судья нашей мыльной оперы, сейчас она куда-то опять утащилась, — усталая советская тетка. Вся мизансцена: что-то среднее между лактионовским «переездом рабочего Иванова на новую квартиру» и шедевром Иогансона «Допрос партизана», обе очень добротные картины! Судьиха часто куда-то уходит, может быть возит ребёнка с продлёнки. Вот на неё Денису и надо было бросить все силы, вместо того, чтобы домогаться поварих! Судьихе на вид хорошо под сорок. Стало быть, ребёнку могло быть лет 13. Получается, Что она родила его уже после юрфака, в двадцать семь! И тогда напрашивается вопрос, кто же был счастливым отцом!? Юрист или мильтон? И ездила ли она на бракосочетание прямо из зала суда или уже после декретного? Прямо с продлёнки! Меня прямо разрывало от желания всё это выяснить! Может быть, и судьихе тоже интересно было с кем-нибудь поделиться! Она же человек! Но наш новый адвокат попросил меня судью ни о чём, греха подальше, не спрашивать, и я, скрепя сердце, (и вместе с тем, скрипя сердцем), сдержался. Собственно, судьиха никого не судила, она разбирала пачки документов, и документы этих мерзавцев были все в отменном порядке! Чего не скажешь про наши: бумажки с печатями всё время куда-то исчезали, и ситуация выглядела всё более шаткой. Мы с Денисом не разбирались ни в каких юридических тонкостях, и вникнуть в них людям с улицы было решительно невозможно. А наш первый адвокат в какой-то момент стал делать ошибки, которые сначала казались странными. Чего-то он нам долго плёл, а потом и вовсе отказался от дела. Это уже выглядело крайне подозрительно. Видимо, и его ошибки были запланированной акцией. Адвокатские ошибки касались опроса свидетелей, их потом отвергала судья, и каждое заседание было для меня всё запутаннее и безнадёжнее.

Скорее всего, адвоката перекупили. И я мечтал, что заработаю экранизацией рассказа и перекуплю адвоката обратно! А тогда уже плюну ему в рожу. Бутылкой шампанского по голове я его бить не стану. Много чести!

С такими вот фантастическими мыслями, которые бродят в голове у свидетелей подзащитных, судиться сложно. Тем более, имея за спиной, моего подзащитного режиссёра Литвиненко! Я смотрел на Дениса, прищурив оба глаза. Создание Божее! «Грачи прилетели!» С Денисом я при его жене Лариске я не имею права даже заговорить, а мне надо ему сообщить великую новость! Что ко мне уже два раза приходила его подзащитная повариха из дома престарелых! Ужасно миленькая, губастая и заплаканная! То есть, наоборот, подзащитные — это мы, а она просто «пригожая повариха», если вы читали первый русский роман Чулкова. Я её сразу вспомнил и машинально спросил, откуда она узнала мой адрес, но вовремя осёкся. Своловьи Денис! У поваришки задержка, и она спрашивает меня, что ей делать.

Что делать? Что делать? Раньше думать надо, вот что делать!

Тёще я всё-таки про задержку рассказывать не стал, а ситуацию в суде она оценивает безнадёжной. «Вам надо было брать адвоката-еврея! — сказала она, — Экономить на адвокатах тактически неверно!»

Но уж что сделано, то сделано, обратного пути нет.

Глава 56. ПЛАСТИКОВЫЙ СУП

Забыл написать, что с командой положительных «гринписовцев» с Сахалина мы снимали фильм об экологах и мусорщиках, которые чистят Финский залив! Это ваше хвалёное «человечество», которое меня так сильно раздражает, за последние лет двадцать пять начисто угробило мировой океан! Уже и сделать-то с этим ничего нельзя! Даже не пытайтесь! На сегодня на квадратный километр океана приходится 13 тысяч пластиковых бутылок и целлофановых мешочек! А там, где есть круговые течения и водовороты, встречается до миллионов кусков пластика на сто гектаров волн. Жак Ив Кусто, а уж ему-то можно верить, называет океан мировой помойкой! Эта океанская жижа называется «пластиковым супом», и об этом мы делали фильм. В Балтике «супа» меньше чем в океане, но зато тут ядовитые водоросли, гибнет треска, орланы. Уже сейчас шведские власти то и дело вопят, что беременным женщинам, не рекомендуется есть балтийскую рыбу чаще одного раза в неделю. Поэтому, если вы беременная шведка, то примите это к сведению! А если вы беременная «не шведка», то я прямо не знаю, что вам посоветовать! При этом учите, что в уничтожении Балтийского моря не участвовали только азербайджанцы и армяне! Денис сказал: «.. это — единственное, что можно зачесть вам в плюс!» Шовинист хренов!

Но чистить океан бессмысленно, потому что процесс загрязнения опережает процесс очищения в 112 тысяч раз! Надо опустить руки и пусть будет что будет. Конец света всё равно не за горами! Денис со мной не согласен, он считает, что вмешаются «исторические силы»! Я спросил, интересно, как он их себе представляет? «Эту брамфатуру планетарного космоса! Команду платоновских демиургов!» Но Денис попросил при экологинях не выражаться. Экологини все прехорошенькие, а одна из них настоящая кореянка моей мечты. У неё библейская шея и глаза просто на пол лица! Никого прекраснее я никогда не видел. Хочется к чёрту всё бросить и навсегда улететь на Сахалин! Конец света я хочу встретить на Сахалине! Незаметно для себя я начаю мурлыкать песню:

«..Где я швыряю камушки с крутого бережка

Далекого пролива Лаперуза». Денис смотрит на меня с сочувствием и стучит пальцем по лбу! Всё-таки, во всём, что касается отношения полов Денис человек тонкий. Чтобы меня немножко успокоить, Денис сказал мне, что он точно знает, что она замужем, что все корейцы едят собак, и таких «Анастасий», в районе пролива Лаперуза, ровно сто тысяч, но я ему не верю. Ему всегда нужно сказать гадость. Я точно знаю, что гринписовцы ни собак, ни кошек не едят, но ради неё я готов был бы жрать, что угодно! На это Денис сказал, а я такой же влюбчивый козёл, как и он. Только менее решительный! И над этим замечанием мне следует серьёзно поразмыслить. «Жрать действительно хочется! — сказал Денис. — Бутер есть? Дай шмат. » Вечно он употребляет разные подростковые слова.

Глава 57.

ВАРИАНТ ИЗ СНОВ

Поразмыслить потому, что, когда я начинаю писать повесть, героиня мне всегда начинает сниться. И вот уже несколько недель мне снилась мокрая девушка с фотографии в бассейне.

Настоящее наваждение. Кто-то может наваждению противостоять, а вот я — нет, это уже многократно проверено! То есть, я могу справляться с разными наваждениями, но только не с любовными, тут уже меня не держит ничего. Лечу как снежный ком. И так всегда ровно столько, сколько я пишу прозу. Но даже и безо всякой прозы моя настоящая жизнь происходит во сне. Стыдно сказать, но там так прекрасно живётся! При нашей паскудной жизни я бы вообще предпочел никогда не просыпаться. Бабушка Ануш меня научила: чтобы сон не забылся, проснувшись, нельзя смотреть в окно! Сон — это загадочное бабушкино царство. Ведь кому что снится! Актриса Доронина писала, что ей снится Дидро! И легендарной актрисе я по-хорошему завидую! Доронина похожа на мою

соседку Зинку, но в самом хорошем смысле. Мне никогда не ни снится Доронина, которой снится Дидро, и никогда не снится сам Дидро, и я не знаю, куда на это жаловаться. Есть же у них там какое-то бюро «проката подсознательного»! А мне всегда снятся обычные девушки, комсомолки! И если верна теория Фрейда о «нежелательных мыслях», где он цитирует Шиллера, где "сон лишь снятие стражи с ворот разума", то в течение дня я тоже в основном думаю о девушках, и зачем меня кормят этим ещё и ночью, совершенно непонятно. То ли Vater — kater Freud был неправ, то ли я иду по графе каких-то очень примитивных народов, которым про Дидро не показывают! Или я там слышу безответным недотёпой, а им по ночам можно бесплатно крутить что угодно. Комсомолки, надо признаться, снятся мне на подбор без значков, голые и весьма раскованные! По жизни это не совсем мой контингент. Но приходится есть, что дают. Тем более, что сны процентов на 30 из разряда остросюжетных! Даже процента на тридцать два! За ночь снится сто снов одновременно, страшный нервяк! Непонятно, какой сон выбрать. В будущем наука достигнет такого уровня, что во снах можно будет фотографировать, и не только девушек! В Калифорнии это уже делают, и ГПУ всех стран соединяйтесь, радостно потирает руки! А пока сны можно только записывать! Нужно заставить себя встать и нацарапать слова на бумаге, но такое простое действие удаётся мне не всегда. Зато сегодняшний сон был какой-то совершенно детальный и явный. За нами приехал Утюжище Соколов и стал вопить! Он кричит во сне так громко, что через стенку слышно соседям. Он хотел, чтобы я собирал вещи и прыгал к нему в пятисотый Мерс. А меня не было никаких вещей, просто я реагировал очень заторможено. « На решение всего шесть минут! — орал он. — Слыши, армянин, через шесть минут тут будет как в твоём горном ауле! Но они не знают, что ты у меня в машине! Поверь мне на слово, что девка не уродина! В двадцать лет они все не уродины. Несчастная нормальная та-та, даже с каким-то образованием, да, x@p его знает, с каким, я у неё диплома не спрашивал. На языках каких-то своих бормочет, на суахили. Поверь, земеля, я боюсь и за неё, и за тебя, а у меня тут с чеченами свои расчёты». Я сквозь сон что-то ему отвечал, мне было во сне никак не проснуться: «но ведь я её не видел, не знаю, может быть, она замужем, или я ей не понравлюсь». Тут он просто взорвался: « Кого это та-та, замужем она или не замужем?! Не понравишься, так сбросишь её где-нибудь, только отвези сейчас её подальше отсюда, чтобы никакой связи со мной не прослеживалось!» Я всё равно продолжал ныть. Меня во сне от самого себя тошило! «Ты принимаешь решение и отсюда исчезаешь! Фары не включай еще километров пять, чтобы тебя совсем не было видно. Если не уйдешь сейчас, то

шансов почти не остаётся. Только даже мне не говори, куда ты поедешь! Я не люблю, когда меня пытают». В этом месте я проснулся. Сон был явным. Пришлось искать в темноте ручку и идти его записывать. Из этого сна мне не подходило решительно ничего. Самое ужасное, когда варианты снов совсем не совпадают с тем, что я придумаю наяву. Я не знаю, что с этими многосерийными снами делать, я не могу их продавать как свинину! И крутят, как назло, «нравоучительные» сны и ещё с обязательной старушечьей моралью! «Надо чистить зубы, еб@ться нехорошо» и в этом духе.

Вся беда в жизни происходит из-за одолживания денег! Никогда не надо влезать в долг! Я бы даже сказал, никогда не надо влезать никуда! Живёшь себе стабильной жизнь, никого не трогаешь, умираешь от желанной скуки! В одиночестве всласть смотришь «видак», и по вторникам, в льготный день, ходишь на 20-ю линию в свою «байню»! Вместо этого тебя берут ночью из койки и тащат куда-то под Сестрорецк, стеречь богатую девку. Не во сне, а на самом явном яву, я настолько ненавидел этот город, что никогда принципиально туда не ездил! Главный их гпу’шник неспроста укрывался в Сестрорецком Разливе! Его венерический шалаш там ещё, гадина, стоит! Для связи исторических эпох! И не наш, не армянский это «разлив»!..... Я чувствовал, что с соседом мы меняемся местами, и я постепенно вхожу в образ книжного героя. Варианты из снов обязательно следует использовать: не зря же они мне сняются! Я увезу её отсюда через Беломоро-Балтийский, проведу по каналу как подводную лодку с Балтики! Увезу к седым снегам! Я не помнил точно, проходит ли этот канал через Медвежегорск, но в голове у меня засел Медвежегорск. Сахалин с собачатиной отменяется! Решено: конец света я встречаю в Медвежегорске!

ИЗ РАБОЧЕГО ДНЕВНИКА

Вот, что я вижу в окончательном варианте: «Я дал себе слово не оставлять никаких следов, никому не писать. Граф де ла Фер оставлял записки в харчевнях на клеёнках, а я этого делать не буду! Из Питера уезжать попутными трамваями. Никаких такси, никакого общественного транспорта. Ничего проверяемого милицией. Связь с Соколовым только через Елену Никитичну, мою учительницу младших классов. Выкрасть у бандитов заложницу и с ней скрыться, или вернуться в реальность, и вечно жить там трусливой жизнью коммунального сверчка! А теперь я сижу с ней на крыльце в деревянном городе Медвежегорске и думаю, что мне всё приснилось....»

Потихонечку нащупываю нужный мне голос, можно было начинать писать. Отпускать себя в свободный текст. Принимаю еще одно главное решение — я

решил удалить из истории самого соседа. Собственно, никакой недобитый сосед рассказу не нужен! Я ему не платный биограф. Нашел себе, прохвост, Карамзина! Чего хочу, то себе и фантазирую!

Представлять себе всякую безобидную чепуху не запрещали даже большевики (хоть, разумеется, этого и не поощряли).

Хватит того, что сосед уже провёл с моей красавицей целую неделю: шесть дней и семь ночей! В рассказе я всё буду делать сам...

Глава 58.

Опять пьяный пожарник поднял на Зинку руку. Господи, что же за напасть такая, почему я так ненавижу пожарников? Можно, конечно, пойти и задушить этого Заратустру во сне, но Зинка просит, чтобы его не трогали, «Коленька проспится и будет шелковый!»

— Зин, ну зачем тебе этот идиот?

Зина смотрит на меня с заметным интересом. Поехать бы с Зинкой в деревню, сесть на трактор и ничего мне в жизни больше не нужно. Но решимости не хватает, да и Зинку возвращаться в деревню не уговоришь.

— Ну, куда я пойду, — протяжно шепчет она, — а у Коленьки комната. Ты же меня не возьмёшь?

— Зинок, это как сказать! Ты готова идти до конца? Пойдём его сейчас мочканём, и начнём с тобой новую жизнь? Коровку купим. В колхозе «Знамя Ильича». А «Коленьку» свалим на партизанок.

Зинка мечтательно вздыхает. «Тётя Шура его обожает. — говорит она. — Не поверят! И в деревню ты сам ехай! Чего я там забыла?»

— Ну, было бы предложено!

— Слыши, — сообщает мне Зинаида. — я Валерку в городе видела!

— Живого?

— А какого же еще!

Меня окатили холодной водой из ушата: вот тебе и Зинка! Пытался её расспросить, но не тут-то было! Говорит: «... когда будешь меня к себепускать — расскажу!»

Я обещал подумать над этим заманчивым предложением. Ах, географ, ах, конспиратор! Все прокалываются на бабах, и он не исключение.

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ КИНО

В дверь постучали. Сейчас за мной заедут Денис и Варга, они уже в пути! Едем снимать детский духовой оркестр Ахметова! «Фа соль фа Си, bemоля там нет, первым пальцем мне не нужно!» «тональность поменялась, буби козыри! ты

не то играешь!»

На черта им там ещё авторский текст, не понимаю?

По дороге я думал, сказать ли Денису, о том, что у меня в гостях была его девчонка. Нет, не воспитательница, а именно повариха! Опять мы, б@., едем не одни: не хочется начинать разговор при любопытном операторе. Варга всегда делает вид, что занят только собой и своей аппаратурой. Но во всём, во что не нужно, он прекрасно врубается.

Вчерашней гостье, юной поварихе, я посоветовал вернуться к себе родину, на станцию Дно, откуда она сбежала! И быстренько выйти замуж за того участкового милиционера, который по ней сохнет. Рассказал ей, что Денису самому негде жить, и на эту инфантильную рожу рассчитывать ей не следует! А я воспитывать Денискиных детей тоже пока не готов!

— Оставаться у меня нельзя, ни на вечер, ни на ночь, лучше я вас провожу! — сказал я напоследок. — Денег-то есть? Ну, возьми немножко, только Денису не проболтайся!

— Может мне сделать медицинский аборт? — доверчиво прошептала мне повариха.

Но я ей отсоветовал. Сказал, что в Европе, особенно в Италии, именно для поварих, аборт считается страшным грехом! Немного её попугал! «У нас скоро не будет населения надо всем рожать. Пока не поздно! Будут одни мусульмане, этого ты хочешь?! А всё из-за того что ты не едешь к своему милиционеру! Милиционеру пока ничего про задержку не рассказывай! Это не его собачье дело! Не надо его травмировать! Устройся поварихой в техникум! В какой техникум? В железнодорожный! Или в индустриальный!»

О демографической ситуации в стране я ей прочитал целую лекцию. Я размахивал руками и был прекрасен! Повариха Юлия смотрела на меня абсолютно круглыми глазами и только подавала реплики: «хорошо, что мы не в Италии!», хоть сама она выглядела совершенной сладенькой итальянкой. Я чуть не влюбился! Но, всё-таки, мне удалось себя и её остановить!

Общество «Знание» должен взять меня к себе штатным лектором, я добросовестно потрудился! После съемок духовиков я не выдержал и сказал Денису: « Литвиненко, ты настоящая сволочь!» Меня нужно сильно достать, чтобы я это сказал: откуда я родом, там люди вежливые. Зачем вообще приставать ко всем подряд поварихам и учителям младших классов. Вот что непонятно. Он говорит, что «затмение»! Что он как Клинтон с Моникой Левински: сначала он видит женщину в нереальном небесном облике, а потом приходит в себя и понимает, что женат и что его миссия закончена! Редкий

придурок! Я успеваю только дух перевести. Божится паразит, что ребёнок не его, и что-то лепечет про интимные технические детали! Уши вянут! Уж выбрал меня в наперсники, так хоть мне бы не врал.

Глава 59.

*И в сердце растрава,
И дождик с утра.
Откуда бы, право,
Такая хандра?*

Paul Marie Verlaine -БП

ЧТО ТАКОЕ ЛЮБОВЬ?

Да и я не ангел. Мне хочется сделать личное признание на бумаге, и навсегда от этой занозы освободиться. Когда мне было 16 лет, в меня влюбилась одна моя одноклассница. Вполне милая девочка, рыженькая, смешливая, спортивная! Рост 174 — высокая, прыгала в высоту, но совсем не дурнушка. Вся в веснушках, попа в веснушках, ну вся. Близкие отношения непосредственно с этими веснушками у нас случились намного позже, а пока три года она пасла меня как средневековая пастушка. Не дурнушка, веснушка, пастушка, да ещё и Наташка — надо записаться к Иртеньеву на поэтический семинар: тут рифм на целую поэму для журнала Юность! Прятала эта Наташка мои фотографии, книги, вещи. Её от этой любви было никак не излечить. Я не могу сказать, что как-то плохо с ней обращался, но, наверное, я недостаточно её любил, и никогда, ни секунды, не был в неё влюблён. И, кроме неё, у меня всегда кто-то был. Она обо всех моих романах знала. Но ей это совершенно не мешало. Потом мы какой-то период жили вместе, и я впервые почувствовал, что это такое, когда живая женщина является твоей рабыней. В остальном она была совершенно самостоятельной девушкой, которая никому не давала спуску, и только в моём направлении у неё трогался разум. В общем, мужчину не красит, когда ему предоставляется столько свобод, а у меня свобод было много. А потом я её десять лет не видел. Чего там рассказывать: уезжал, приезжал. И через десять лет как-то выпил и под настроение позвонил. Телефон не изменился, голос не изменился. И она была со мной, как бы это сказать, вполне приветлива. Но только любви больше не было. У неё всё прошло. Так она и сказала. Извинилась и сказала. Мне её любовь безумная была никогда не нужна, эта её страсть меня

только раздражала. Но я положил трубку и от горя чуть не сдох. Я думал, что такая любовь никогда пройти не сможет. А она прошла. Как ребёнок умер.

ВСТАВНАЯ ГЛАВА

В суде я побывал, и дело отложили, но стало понятно, что дела наши не вполне благополучны. Почему-то сменился судья. И видно было, что никакого понимания мы у нового судьи не встретим. Судья Р. придирилась к каждому нашему слову, хоть любому юристу было видно, что мой режиссёр Литвиненко — это абсолютно искренний идиот, и в профессиональных вопросах он врать не умеет. Про его романы судья Р., к счастью, пока не спрашивала! И агентура Малягина о беременности нашей «Моники Левински» ещё не пронюхала. Со мной в зале суда было сложнее, потому что я всё время срывался, и меня дважды просили выйти из зала. До этого судья спросила меня, какое у меня гражданство, и я взял российский паспорт в зубы и с паспортом в зубах вышел из зала. Театр одного актёра!

У начальника театрального союза, с которым мы судились, меня всегда отвращали глаза. Вы должны их помнить по фильмам. Мне не важно, какой он актер, но видно, что человек гнилой, этого не скрыть. Я схожу с ума, от того, что самых простых вещей, кроме меня, никто не видит! С такой же абсолютной ясностью. Ужасно тяжело жить, когда никто вокруг не ориентируется в глазах таких гадов! Какие-то женщины с ним живут, любят, рожают детей, разговаривают. Мир принадлежит негодяям, это правило игры. Пора было уже смириться и душить в себе любые проявления пионерского задора. Но пока не получалось!

От тётки Чарлея выступали три бабы — две здешние, а одна, самая наглая, прилетела из самой белокаменной Москвы! Эти бабы добросовестно работали: им платили деньги, и они их отрабатывали, не особенно вдаваясь в мораль. Слушать их было невозможно! И, чтобы как-то себя занять, я начал выдумывать новые темы, по которым мне было бы интересно защитить диссертацию в Академии армянский наук! Кандидат психологических наук Юрий Симонян — звучит потрясающе! Стоило приложить немного усилий, и деньги, карьера, слава — всё это прямиком валилось ко мне в руки! Я заметил, что судья, адвокат и это воблы-истицы с недоумением смотрят в мою сторону! Чего-то я, видимо, ляпнул вслух! Идиотская привычка думать вслух!

«Закрой рот с той стороны! — сказал Литвиненко. — И без тебя тошно!»

Глава 60.

Я всё никак не могу дописать про фотографии. Про девятнадцатилетних девок писать всегда очень нелегко. Как писатель, я бы вообще предпочёл, чтобы после пятнадцати им сразу становилось двадцать три. Потому что и девятнадцать, и двадцать лет — это удивительный «неподарок»! «Ваши интересы: друзья, клубы, парни, мода, магазины, прогулки, кино, фотографии, суши, танцы, путешествовать, вкусный чай, кофе, кино, мечтать, цветы, снова фотографии, лето, пирсинг, солнце, море, пляж, тратить деньги, индивидуальность, взаимность, искренность, мода, шоппинг, много спать, экстрим, парней!» Это я списал из интернета! Настоящая женщина начинается с 23х лет. А до этого это только строптивые и капризные козы! Масло масляное: капризные это и есть — козы! И ещё вдобавок ненавидят родителей, хоть здесь они правы! За что их, спрашивается, любить? Посмотрите сами на этих родителей: сидят за праздничным столом, жрут салаты оливье, и при этом ещё морализируют! Поневоле начнёшь нарезать себе руки бритвой. Но разговаривать с такими девчонками вживую я обычно стесняюсь. Прямо какое-то наказание! Уж на что я им доказываю, что я «не родители», я свой, социально близкий! Я такой же враг застолий с родственниками и салатов оливье, как и они! «Хочу лежать с любимой рядом, а с нелюбимой не хочу..». Но любая «двадцатилеточка» смотрит на меня из четвертого измерения и презрительно делает бровкой! И на том спасибо! Снимки, которые делали люди Соколова, были сделаны в бассейне, куда они, видимо, проникли следом за купальщицами. Оба снимка были не очень чёткими, но правая грудь и толстая коса третьей хариты видны были отлично. Такие косы бывают только у одноклассниц, которые сидят в среднем ряду на третьей парте! Жалко, что они не похитили её с такой косой прямо из бассейна, это был бы самый романтичный ход. Прямо в розовом купальнике! Тогда я готов был бы без раздумий выступать в роли своего афганского соседа! Ведь в рассказе Соколов мог вообще не знать Валерия в лицо: предположим, он приезжает к нам в коммуналку, шантажируя соседа его старым долгом, отдаёт приказы, но вместо Валерия чеченцы по ошибке забирают меня. Приковывают к батарее, чтобы меня не профукать! И тут из бассейна привозят мою хариточку! Или даже всех трёх! Конечно, бред! Но очень скоро выяснится, что каждый из этих вариантов я использую в киносценарии, и американцы будут ими очень впечатлены!

Иногда я замечаю, что весь текст идёт у меня с восклицательными знаками. Тогда я пытаюсь от них удерживаться, но, фактически, большинство точек это только завуалированные восклицательные знаки. Словари сообщают, что этот

знак ставится для выражения изумления, призыва, сильного чувства или волнения, и указывает на эмоциональный характер сообщения — ничем таким в моём случае не пахнет! Может быть всему виной неуверенность в себе, и они нужны мне для баланса. Но как можно быть в себе уверенным, если ты живёшь один как перст и на стульях не развешены женские панталончики? И как можно быть уверенным, в том, что из трёх незнакомых краль, я вытягиваю именно счастливый номер?

Самый большой идиотизм в жизни- по ошибке, выбрать в героини не ту хариту! Со мной это случается сплошь и рядом.

Глава 61.

Но в любом случае эти три замшевые профурсетки из бассейна существенно облегчали мою ежедневную работу над повестью! Я рассматривал их фотографии в среднем пару раз в день: перед уходом на студию, после работы или перед сном. А об одной из них, о своей заложнице, думал даже чаще. Знаете, на кого было похоже лицо этой фарфоровой куколки? На испуганный портрет Натальи Николаевны, который висит у нас в коридоре за вешалкой! От таких красавиц надо бежать подальше! Но как от них убежишь?! Её плечи, её волосы и брови! Настоящая реинкарнация Гончаровой! Впервые я понял это, когда утром стоял в очереди в ванную комнату, а в коридоре пожилые сёстры Нехведович ругались из-за уборки с заспанной, нечёсанной Зинкой. Сильное зрелище! После этих баталий рассматривать красивых девчонок и проводить литературные сравнения — не грех! Для армянского писателя средних лет никакой патологии в этом я не вижу, и уж таково наше компьютерное время! Когда мне нужно было вдохновиться, я просто включал экран, делал покрупнее третью хариту и начинал потихонечку обмирять: настоящая женщина мечты! Господи, за что ты послал мне такие испытания?! Эта заложница из бассейна была чуть земнее, чем сказочная «гринписовка», но обе, именно обе, всем махровым идиоткам с конкурсов красоты дали бы ровно сто очков вперёд! А мне даже не нужно двух: одну любую нормальную женщину в мою жизнь, чтобы чуть-чуть согреться!

Господи, как мне вообще нравится этот пол!

Надо успокоиться, выпить ещё немного водки и продолжать писать!

У Зинки мне по-прежнему ничего путного выведать не удалось. Где-то она с географом встречается. Но где, она не знает. Говорит, что «в какой-то квартире». Место не очень конкретное. Успел он всё-таки, стервец, после своего визита ко мне, по пути сговориться с Зинкой! Дело, конечно, молодое!

«Как ты себя чувствуешь?» — спрашивает меня по телефону тёща. А я не чувствую. Мне нечего ей ответить. Я выпил сегодня большую бутылку «петровской» водки на двоих с Денисом. Это надо было так бездарно надраться! Просто потому, что в Кронштадте на дамбе снимать было очень холодно. Эти экологини с Сахалина, при которых работать намного уютнее, уже обменялись опытом и вернулись обратно в Корсаков. И восточная красавица, с тремя каплями корейской крови, растворилась в морозном воздухе. Рассказывать о своей жизни мне больше сегодня нечего. Соседи по коридору напротив праздновали именины, и человек пять гостей выходили в коридор покурить и спьяну лезли ко мне обниматься. А меня это спьяну раздражало. Особенно, когда стоишь в коридоре и ведёшь с тёщей идиотскую светскую беседу. Хоть она — хорошая тёща. Лучше у меня не было и может быть уже не будет. Но, ни одна, ни две, ни даже три разговорчивые тёщи не заменят одну, самую молчаливую жену. Но я не стал тёще этого рассказывать, а она всё тараторила и меня не отпускала! Тогда я сообщил ей, что участвовал в голосовании болельщиков на тему "Лучший игрок "Торпедо" в сезоне-2002". Я чувствовал по тёщиному молчанию, как она морщится, и что обо мне думает, но мне нужно было, чтобы она от меня отстала. Футбол на тёщ действует магически!

«Знаете, кто победил? Зыря из Перми! «Пермяк — солёные уши!» Тёща ругнулась по-татарски и сказала, что её от моего футбола тошнит, и чтобы я не морочил ей голову солёными ушами. Интересно, чем тёща живёт без футбола? Что ею движет? Зачем вообще живут на свете тёщи? На этот последний вопрос ответа не существует!

Глава 62. БРИТАНКИ

Правильный способ писать — выдумать себе героиню и в неё попутно влюбиться. А потом «развлечься обратно»! Главное, чтобы об этом никто не узнал, и я всегда стараюсь себя не выдать.

Настоящая писательская страсть, напоминает мне 100% мясные котлеты из сои! Натуральнейший продукт!

Как с похмелья трещит башка! Даже о женщинах не могу больше думать. Вообще я пришел по жизни к выводу, что на большинстве женщин вполне можно жениться.

И хоть я ненавижу эти разговоры, что у каждого человека есть его половинка, но про себя я решил, что вот ещё одна последняя половинка и всё. И на этом я ставлю большую жирную точку!

Я за жизнь встретил столько своих половинок, что ими можно населить небольшой приморский посёлок. А вот моя единственная официальная жена не была мне не только половинкой, она не была даже моей четвертинкой, не в алкогольном смысле этого выражения! Она не была создана из моего ребра! Да и рёбер на всех не напасёшься! В городе я селить свои половинки не хочу. Мне нравится, когда у них крепкие загорелые ноги, и они босыми бродят по песку. Или по ракушкам. Но вот занятий всем этим моим половинкам, мне пока не придумать.

Жизнь, тем временем, неумолимо мчится мимо. Еще лет пять такой скуки, и не суждено мне будет сидеть напротив желанной половинки за тарелочкой постных щей. Может быть, и к лучшему. Главное, это поклоняться идеалу! А то, если красавицу, на которую даже взглянуть страшно, затащить к себе в постель, то и из неё тоже выходит весь воздух! И остаётся обычная, неуверенная в себе девочка, с обидами, с комплексами, стесняющаяся, нуждающаяся в защите. Поэтому не нужно затачивать красавиц в свою постель! Пусть они остаются на подиуме недоступности. Хорошо было бы о моих делах с кем-нибудь перемолвиться. Но обо всей моей истории с заложницей я никому рассказывать не мог. А потрапаться хотелось ужасно! Это фантастическое свойство людей — желание поделиться тайной, которой нельзя делиться! Я знаю очень мало людей, которые могут хранить в себе подробности любовных связей.

Англосаксы выяснили, что их прекрасные дамы неспособны хранить чужие тайны дольше двух дней, еще точнее — 47 часов 15 минут. Для этого они опросили опрос среди 3000 британок в возрасте от 18 до 65 лет. Главной причиной, по которой эти леди нарушают молчание, является «непреодолимое желание проговориться», и желание «сбросить» чужую тайну как нелегкое бремя.

Учтите, что почти треть, 27% этих британок сообщают, что уже спустя сутки забывают о нарушенном обещании хранить тайну! Я решил больше никогда в жизни не доверять своим тайн британкам! Мне даже стыдно признаться в том, что моя самая любимая литературная героиня — британка! Но ей-то я точно не доверю никаких тайн, потому, что она проживала в Британии около двухсот лет назад!

Пока соседские деньги у меня не кончились, я мог отказаться на время от документального кино и съездить куда угодно, погреться на солнышке. Да ещё по пути додумать эту захватившую меня историю! Тут и сценарий и проза, и личное — всё в одном флаконе! В Британию в конец 18 века, я бы к ней тоже, конечно, съездил. Но туда никакие поезда не ходят. А в сегодняшний Лондон

меня не затащишь, и не уговаривайте: наткнёшься ещё, чего доброго, в районе Кингс-роуд на Абрамовича, а я не хочу видеть его самодовольную рожу.

Глава 63.

Строго говоря, это не трагедия, а чистое счастье: вот так начать отношения. Быть скованным одной декоративной цепью с красивой девушкой, и вырвать её из рук злодеев! И ещё в конце, чтобы всё хорошо кончилось! Теоретически получалось, что этот козёл в тренировочных штанах (то есть, фактически, я) выиграл Джек-пот! На меня сваливается такая женщина, и я могу в её глазах выглядеть графом Монте-Кристо.

Вот такая романтичная чушь лезет мне в голову среди бела дня, хоть Граф Монте-Кристо тут совершенно не причём! Он вообще никого не спасал и только всех мочил! Я вообще не могу придумать, что за литературный герой мог быть спасителем юных дев?! Шрек, Дон Кихот, Ставрогин или какой-нибудь «человек-паук» из американских сериалов! На самом деле несчастных девушек невозможно спасти, потому что они сами тянутся к самым отъявленным монстрам. Руками от них не отодрать! Сосед-географ — это ещё не худшее, с чем может столкнуться рядовая столичная принцесса! Собственно, мой сосед был не драконом, а именно туповатым рыцарем, но почти всегда один другого стоит! Оставалось только домысливать, что же она делала, прикованная цепью, в ванне с этим козлом в гимнастических шаровалах. Мне не хватало ни воображения, ни информации. Лично меня, как читателя, невозможно увлечь самой бурной фантазией. Мне нужны только голые факты! Или хотя бы голые! Я когда-то служил продавцом в одной капиталистической стране и продавал целые кипы порнографических журналов, и там бывали правдивые истории, а бывали сексуальные фантазии — они отличаются как день и ночь!

Вряд ли там, в подвале, сосед говорил заложнице нежные слова или объяснялся в любви. Но почему бы, собственно, и нет! Дайте подумать!

Мне сразу станет легче писать, как только я начну относиться к этой прекрасной заложнице лично! Только нужно не отвлекаться, никаких больше «сахалинов», мне надо менять масть! Пока я пишу, для меня должна существовать единственная женщина на свете: не «корейка», не «китайка» и не «болгарка»! Есть ещё «вьетнамки». Это тапочки на большой палец. Страшно неудобные! Господи, как мне сейчас важно себя завести! Всего-то делов: превратить мечту в плотскую женщину на большой палец и влюбиться. Некоторые проблески уже имеются, я начал её ревновать к этому географическому козлу. Закон обратной силы не имеет, а вот ревность ещё как

имеет! Я буду писать романы и повести о ревности!

Если дать мне волю, то именно женские романы — мой удел!

Всю эту х@рню, которая выходит под женскими именами в Америке пишут мужчины, потому что романы авторов-женщин лучше продаются!

Глава 64.

КАК Я ПИСАЛ РАССКАЗ

Умение быстро писать ещё не компенсирует неумение быстро думать.

А думаю я очень медленно. Если бы проводился конкурс тугодумов, то я был бы там в первых рядах. Конечно, с тех пор как я решил стать главным героем, дело пошло чуть-чуть живее. И я был невероятно доволен собой, прямо светился в темноте от гордости. Редчайшая возможность — лепить геройню под себя! Чтобы она обладала качествами, которых мне явно не хватает. Мне нужна была настоящая авантюристка! Без правил, без руля, с самыми шальными глазами!

Читателю должно быть сразу ясно, как и за что она попала в заложницы! Бог шельму метит!

Надо сказать, что писать прозу от своего имени — это главная слабость писательской техники, так считал Марсель Пруст! В случае Пруста, не совсем понимаю, кого он имел в виду.

Рассказ время от времени тормозил, буксовал, не продвигался вперёд по много дней. Потому что я не могу писать, не продумав все детали.... В моей ситуации была обратная сторона, которую я не сразу осознал: я, ни за что на свете, не стал бы изображать себя афганцем! Я же там, в Афгане, не был и, надеюсь, уже не буду. И чужих лавров мне не надо. У «армянских» собственная гордость, а я — армянский моряк! И даже, к сожалению, не подводник! Служить мне пришлось на самом старом тральщике. Его должны были разрезать ещё при «царе Никите», но даже резать не стали, настолько он старый. Меня призвали во флот с третьего курса! Какая-то была компания, что военкоматы гребли всех студентов. И я, как человек, который знает, что такое тангенс и котангенс, попал в сигнальщики.

Кто же тогда знал, что меня укачивает! Там тебе не палуба — на палубе качает слабо! А чтобы семафорить — это х@.. знает куда, надо лезть! Как результат — абсолютно героическая морская биография: через полтора года меня списали. За «Афган» такую биографию не выдать.

Я же говорю: постепенно материал складывался и начинал жить помимо меня. И под него стал меняться я. Ещё я мечтал придумать какого-то нового себя. От чучела горохового из коммуналки меня самого воротило. Я знал заранее, что я

скажу, подумаю, сделаю. Для начала необходимо было изменить осанку: я тянул себя за нижнюю челюсть и череп, и достиг существенных результатов.

Позвоночник расправился, и заметно изменилась походка. Я стал ходить по коридору как Юл Бриннер, но для свободного повествования мне нужно было ещё учиться и учиться.

В коридоре я наткнулся на томящуюся Зинку. Она сразу оценила мою походку и спрашивает, «ну ты что, надумал?»

— Ты про что Зина? Ааа, про это.... Зинка! Ну, зачем я тебе нужен! «Когда бы, Зин, жизнь домашним кругом я ограничить захотел», то ты, Зин, у меня первая кандидатка. Но ты ведь, Зин, замужем! Не могу я при живом муже. «Ты для меня должна покинуть

Постылый дом и шумный свет, —

Тебе другой дороги нет!»

— Да он ничего не узнает!

— Тем более. Ты мне лучше Валеркин телефон дай!

Но она показала мне кукиш. Зинка — это живой источник феромонов, из неё их можно выделять как из тутового шелкопряда (лат. Bombyx mori)! Если вы серьёзный исследователь, то обратитесь на фабрику «Невские берега», и попросите на проходной позвать вам Зинку. Не пожалеете!

Глава 65.

СПОРЯТ ДЕНИС И ВАРГА

Если Денис и Варга начинают спорить, то снимать становится невозможно. У Варги серьёзно болен брат, поэтому в последний год он трясётся над каждой копеечкой, всё время ищет работу и очень злобствует.

Я ухожу куда-нибудь в пельменную, беру порцию с уксусом, со сметаной и с маслом, но обязательно в одной тарелке, вытираю тарелку булочкой, возвращаюсь, а они еще топчутся на прежнем месте. Тема дня: «Должен ли честный врач сегодня вообще уйти из медицины?» Liberte-egalite-fraternite! И до кучи ещё моралите!

— Высокопарные слова засунь себе в ж@...

— Сама лексика смехотворна... наглые рожи дерут деньги.

— Врачи- это честь народа! Если хочешь представить себе «НЕЧЕСТЬ» народа, то это врачи!

— А твоя Дума- это честь народа?

— При чём тут Дума? Дума живёт по понятиям.... Ты же, козлина, даже не слушаешь собеседника! Для кого я распинаюсь?

— А ты знаешь, что в колбасу добавляют кенгурутину? Мороженая кенгурутина с войны хранится на военных складах!

— При чём тут кенгурутина, идиот?

— К слову!

— Так тебе только врачи или может тебе ещё весь народ не нравится?

— Ой, заладил! Какой народ?

— Такой! Южнокитайский!

— Вот и кушай себе этот народ, а лечиться надо ездить за рубеж. Где работают нормальные профессионалы. Туда же, кстати, и твоя Дума ездит лечиться. Да и врачи, которые побогаче, уж им-то точно не придёт в голову лечиться у своих!

— Давай успокоимся!

-Вызови их всех на дуэль!

Я не хочу участвовать в диспуте по самым прозаическим причинам: у меня болит зуб, и на фоне болезни зуба их соображения меня не слишком волнуют. Чтобы зубная боль прошла нужно расслабиться и хорошо думать обо всех людях. Включать ли в этот круг врачей, я ещё не решил. Я не очень доверяю врачам, но на отношения полов мои чувства не распространяются. У меня было несколько близких врачей, но они в основном работали на официальную зарплату, хотя и не все. Книжку Гаррисона никому из моих подружек-врачей держать в руках не приходилось. Но всё это мелочи, потому что они прекрасно понимали, что все люди — смертны, а перед смертью, что с врачами, что без врачей, всё равно не надышишься! Бог дал, Бог и взял! Если вы помните «Королевскую рать» Уоррена, то там крошка Дафи говорит, что «у учительниц эта штука на том же самом месте», и это очень жизненное высказывание. И вот если так миролюбиво обо всех думать, то зуб, даже на ветру, потихонечку проходит, и я могу приблизиться к двум этим монстрам, которые продолжают изрыгать проклятия.

Я подвёл черту под их разговором: «Господа! Резюме: «володи устименки» куда-то испарились или их вывели дихлофосом. Лучшая часть молодёжи ушла в торговлю недвижимостью и компьютерами, а корыстолюбивая — подалась в медицину. Иными словами, врачи это самые обычные люди, от которых не нужно ничего требовать. И если Варге это не нравится, то он может перестать пить водку и начать здоровую жизнь».

«Бросил пить, курить, е..@..., начал спортом заниматься!» подытожил Денис, и на этом мы закончили диспут и стали снимать фильм о присяге врача.

Фильм был заказным, и можно было особенно не усердствовать. Мы с Денисом снимаем как узбеки: что видим — то снимаем!

Глава 66.

Что чувствуешь, когда заканчиваешь рассказ или повесть? Абсолютная пустота, выжат, просто как тряпка для пыли. Вот к этому ощущению я каждый раз оказываюсь неготовым. Надо оставлять себе какой-то запас, а то меня может унести ветром. Трудно проверить, оставляю ли я тень на мостовой, потому что нет солнца, но в остальном меня нет. А в мире при этом ничегошеньки не изменилось. Я хотел бы посмотреть на Толстого, когда он заканчивал свои романы. Думаю, что граф как угорелый начинал бегать по паркам за девками, а Софья Андреевна сидела, чертыхаясь, за «Ремингтоном». И не надо ухмыляться: Ремингтон начал выпуск печатных машинок 1 марта 1873 года, и только через месяц «дедушка Толстой», которому было в тот момент 44 года, засядет за «Анну Каренину». До его возраста у меня есть ещё некоторый разгон, эта мысль меня успокаивает, и я тоже иду побродить по парку. Никаких девок тут нет и в помине! Но я вспоминаю, что в самом углу парка росло несколько конских каштанов, а мне очень важно найти пару не расколовшихся плодов и таскать их в карманах. Если в сентябре я не нахожу каштанов, то год складывается у меня неудачно. Правда, если нахожу, то это тоже ещё не гарантия.

На этот раз везуха! Нашел 4 отличных колючих каштана, мне хватит их на целый год. В школе мы такими каштанами кидались. Это очень ценный факт, но мне не с кем им поделиться. Жизнь собачья, даже про каштаны рассказать некому. Или на тебе пашут, или ты никому не нужен, промежуточных состояний нет. Сегодня Зинка подала мне конвертик с коротенькой запиской от Валеры. «Пришли мне с 3. деньги».

— Зинаида Ионовна! — попробовал я. — Скажи ему, что я хочу с ним встретиться где-нибудь в метро!

— Он сказал, что не сможет.

— Тогда скажи ему, что те, от кого он прячется, в метро не ездят!

— Он сказал, что дело не в этом, а просто тебе самому подставляться не резон.

— Ну, попроси его тогда мне позвонить. Но ведь он, сволочь, не позвонит!

— А на это он велел передать, чтобы ты не беспокоился, что он точно позвонит.

Я отдал Зинке конверт с деньгами и письмом, и ни о чем больше её не спрашивал. Хорошо, что я эти сомнительные деньги не растратил.

Глава 67.

ПОВЕСТЬ НАПИСАНА И ПОЯВИЛАСЬ В СЕТИ.

Я показал готовую повесть тёще, и она долго внимательно меня разглядывала. «Катастрофа в том, — печально сказала она, — что ты ничего не в состоянии выдумать, ты можешь описывать только то, что с тобой произошло! А писатель должен фантазировать!» Тёща в меня не верит! Точнее не верит, что я когда-нибудь стану финансово привлекательным! Но всё-таки она вывесила мой текст на каком-то женском сайте! Туда ему, в высшем смысле, и дорога!

Я не маленький, и мне не нужна опека, но я ненавижу Интернет и всё что с ним связано. Есть, конечно, во всемирной паутине какая-то гарантия того, что у нас снова не будут сажать, но при этой власти гарантия довольно слабенькая! Ещё я ненавижу читать с экрана, и даже переписываться по компьютеру стараюсь поменьше. Но тёща считает по-другому, и я стараюсь с ней не спорить.

Надо собираться и идти на съемки. Толку от меня на съемочной площадке всегда очень мало, но мне легче писать окончательный текст, если я вижу всех своих невыдуманных героев.

Не знаю только опять, в чём мне идти на дневную съемку! Мне нужно жениться, но только чтобы кто-то за меня выбирал, в чём мне выйти на улицу. «Мужчина для мяса, а женщина для штей!» Для «штей» — это Зинка. Таких вкусных щей как у неё я не ел в своей жизни. Но добытчик я для неё совсем неподходящий. Главное, что у меня очень низкая самооценка: вот что меня губит! Смотришь тупо на полки с рубашками, и ничего самому не выбрать. Надоела вся одежда. Отдам её бомжам. Или пенсионерам из 12-ой квартиры напротив!

Ещё надоело есть еду. Но если её не есть, то вообще тоска. Если в какой-то момент пищеварение упразднят, потому что придумают энергию альфа, то сразу все вздоют. Я же первый и вздою. Делать в этой жизни будет абсолютно нечего. Меня и так мучают такие тяжелые предчувствия, так что любая работа выпадает из рук. Нужно остановиться и заново пересмотреть всю свою жизнь, но всё никак не решиться.

Глава 68.

Фильм назывался простенько — «Клятва Гиппократа». Пока мы доругивались в машине на тему клятв, мильтоны-регулировщики остановили Варгу на перекрёстке.

Варга отвратительно водит, к тому же, за такую нервную езду, его то и дело останавливают чуткие гаишники. Прирождённые радары!

Мне не выговорить ГИБДД, потому что от этих букв меня может вырвать. Варга выполз из машины, побазарил с ментами и пришел обратно злющий.

Буркнул, что «просят, козлы, полторы тысячи!»

— За что?

— Говорят, что документы у меня не совсем.

— И что ты им сказал?

— Я сказал, что есть только 300.

— А они чего?

— А они говорит, что ну, дай хоть пятьсот! У вас есть?

Мы собрали с Денисом 140 рублей, и я сказал, что есть ещё жетоны на метро.

Варга пошел спросить, вернулся, сказал, что менты говорят, что «хрен с ним, давай жетоны».

— Они всё-таки лучше врачей, — заметил Варга, садясь за руль, — врачи жетонами не берут.

И мы поехали дальше в медицинский вуз на съемки фильма о клятве врача.

В Библии написано «не клянись». Потому что клятву нельзя выдержать. Сам я часто давал клятвы и никогда их не выдерживал.

Тогда какого чёрта я еду на эти съемки? Идеальная позиция сценариста, когда ты совсем не понимаешь, о чём ты пишешь. Как эти идиотки, которые пишут сериалы про прокуроров и ментов. Я даже не понимаю, чем клятва отличается от обета. Я не понимаю, что такое клятва, я не понимаю, какие проклятия человек призывает на свою голову, если её не выполнишь! И, кроме всего, цивилизованная страна не имеет никакого права принимать клятвы, от человек, который не может их выполнить.

Вот она, эта клятва. На ионийском диалекте Ὄμνυμι Ἀπόλλωνα ἵητρὸν, καὶ Ἀσκληπιὸν, καὶ Ὑγείαν, καὶ Πανάκειαν, καὶ θεοὺς πάντας τε καὶ πάσας, ἵστορας ποιεύμενος, ἐπιτελέα ποιήσειν κατὰ δύναμιν καὶ κρίσιν ἐμὴν ὅρκον τόνδε καὶ ξυγγραφὴν τήνδε. Могу ещё на каком хотите!

Per Apollinem medicum et Aesculapium, Hygiamque et Panaceam juro, deos deasque omnes testes citans, mepte viribus et judicio meo hos jusjurandum et hanc stipulationem plene praestaturum. Для татуировки я бы выбрал греческий!

Заказчиком был ректор, светский бонвиван, который просил напускать розовых слюней, и рассказать о благородной роли медиков в современном обществе. Видимо, мы должны были говорить с ним с благоговением. Но Варга шепнул мне, что у этого придурка так блестит лысина, что трудно снимать. Я предложил написать ректору на лысине что-нибудь фламастером. Я знаю одно короткое и ёмкое слово. Катастрофа для настоящих учёных, когда к ним в гости

приезжает съемочная гопкомпания вроде нашей. Я слушал учёного-ректора и размышлял, может ли вся каста врачей быть клятвопреступниками. Я много раз читал оригинальную клятву, но наши прохиндеи вынули из неё самую суть. Вот послушайте: Клянусь, Аполлоном-врачом, Асклепием, Гигеем и Панакеей и всеми богами и богинями, беря их в свидетели, исполнять честно, соответственно моим силам и моему разумению, следующую присягу и письменное обязательство: считать научившего меня врачебному искусству наравне с моими родителями, делиться с ним своими достоинствами и в случае надобности помогать ему в его нуждах; его потомство считать своими братьями, и это искусство, если они захотят его изучать, преподавать им безвозмездно и без всякого договора; наставления, устные уроки и всё остальное в учении сообщать своим сыновьям, сыновьям своего учителя и ученикам, связанным обязательством и клятвой по закону медицинскому, но никому другому.

.....

Что бы при лечении — а также и без лечения — я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной. Мне, нерушимо выполняющему клятву, да будет дано счастье в жизни и в искусстве и слава у всех людей на вечные времена, преступающему же и дающему ложную клятву да будет обратное этому.

В российской клятве была тонкость, которую не сразу и заметишь. Это была клятва НИКОМУ! Не местным богам, не Всевышнему, а просто закону беззаконной страны. Такая клятва, соответственно, и не стоила ничего. «Клятва игрока».

Режиссёр Акимов писал, что этика режиссёра — это понятие очень простое. Оно означает только, что режиссёр не должен спать с актрисами. Раньше, до исторического материализма, при царе Горохе, и даже при большевиках и эсерах этикой врача считалось — не грабить пациентов!

«Ой!, — сказал мне Литвиненко. — Не делай мне вырванные годы! Опять начинается твоё занудство! Не надо морализировать. Снимаем, то, что они просят, и потом делаем ноги!»

Глава 69.

Денис сегодня куда-то вырядился. На съемки наш Дон Гуан сегодня с нами ехать не может! Седую прядь он или замазал или выстриг. Я осмотрел его с большим сомнением. Но Денис нанёс предупреждающий удар.

— Слушай, умник, ты что диссидент?

Этот вопрос застал меня врасплох. Я не диссидент, скорее, я просто выродок. Я когда-то читал про такой психологический опыт: в зале находятся испытуемые и подсадные утки. Потом показывают чёрный шарик и подсадные утки начинают кричать, что шарик красный, а испытуемые, естественно, сначала удивляются, а потом начинают сомневаться. Большинство людей не выдерживает давления зала, и если весь зал начинает орать, что шарик красный, то им тоже начинает казаться, что красный. Только два процента продолжает чёрный шарик видеть чёрным. Это — выродки! Таких выродков советская медицина как раз и искореняла в психушках. Я не думаю, что с тех пор что-то изменилось! Я довольно бестолково всё это объясняю, а Денису я и объяснить не стал, но если вы случайно прочтёте эти строчки, то я вам сообщаю под самым большим секретом, что шарик — чёрный!

Глава 70.

И не только шарик чёрный, а ещё и давно ожидаемый день тоже оказался чёрным: мне позвонила моя редакторша и порвала со мной, как она выразилась, «все человеческие и творческие контакты»!

Почему-то так получается, что я со всеми людьми обязательно вступаю в конфликт. Редактор была единственным человеком, связывающим меня с литературным миром, и теперь эта ниточка порвалась. Лопнула с треском! Кроме м@та и половых органов, она считает, что своей повестью я разжигаю национальную, межэтническую и этнополовую рознь! Что моё повествование — это чистой воды провокация, и ещё что-то в этом роде, я не всё запомнил и, в конце концов, просто положил трубку. Я не могу выносить, когда меня так откровенно ругают. Шьёт мне 282-ю статью УК, часть первую, хорошо хоть не вторую! Латышская еврейка! Самое неудачное «этнополовое» сочетание на свете: быть латышкой по содержанию и еврейкой по форме. Это хуже чем армянин с китайцем! Если уж ты еврейка, то для чего связывать свою жизнь с латышами, не понимаю, хоть убей! Или наоборот! Видимо, м@том, я задел её латышскую сущность, а чеченские протагонисты задели в ней глубинный еврейский интернационализм! Или наоборот. Я не сказал ей ни одного слова в ответ, только расстроился и напился! Никогда больше не свяжусь с редакторшами! Я вообще устаю от полукровок, но от судьбы не уйти! Про себя я мечтаю встретить юную бакинскую армянку, но они уже все перевелись, и что с ней делать тоже не совсем ясно. По именно этой, моей, 282-ой статье во Франции судят Бриджит Бардо: она выступила против мусульманского

праздника, когда, после паломничества, джигиты режут тучи овечек! Страшное зрелище! Но в одной камере с Б.Б. я сидеть не готов! Она же 34-го года рождения! Она могла быть моей прабабушкой! Она намного старше Пугачихи, и я категорически против! Я даже готов снять все свои античеченские выпады, лишь бы вместе с Б.Б. не садиться!

ВСТАВНАЯ ГЛАВА ВЕЧНЫЙ СУД

Вы, наверное, думаете, что зал суда — это торжественный зал с дубовыми скамейками, но это совсем не так! Это же вам не уголовные дела, куда приводят преступников-олигархов, со скрученными руками, а самый банальный гражданский суд начала 19го века, описанный товарищем Гоголем. Где-то должна висеть его мемориальная доска! Вонючая комнатаёнка, с обязательным портретом президента, в которую еще не всегда втиснешься! Потому, что там, например, разбирается проплаченное дело о наследовании дачного участка!

Вообще, что о себе думают люди, которые идут в судьи, в чиновники или и в милицию, нам с вами знать не дано! Это особая порода людей! Лучше о ней ничего не говорить, настолько она особая! Люди «г».

И театральные бабы из московского Союза тоже очень особые! Они шептали в коридоре суда гадости нашим божьим одуванчикам, нашим ветеранкам-свидетелям, угрожали им, и доводили их до гипертонических кризов. Но делали это не со зла, *nothing personal, strictly business!* Потому ещё, что лето стояло душное. Шёл зной из Иудейской пустыни, через Ливан, Грецию и к нам! И всюду мёрли люди. Этим малягинские бабы и пользовались! Главное, что и они, и судья делали своё чёрное дело не со зла: им сказали делать, вот они и делали. Орали ни с пеной у рта: « Пусть Моська лает на Слона, а мы только восстанавливаем ЕГО честное имя и справедливость!» Я даже допускаю, что они сами в это верили. А какие-то тёмные силы за нашей спиной, обеспечивали им крышу. Телевидение снимало процесс без меня и вроде бы сохраняло нейтралитет, и я рад, что я со своим носом ни разу на экране не появился. В Петербурге у телезрителей сразу возникает мысль, что всякая носатая сволочь лапает наше национальное достояние! Что поделаешь, люди так воспитаны. Я отношусь к этому как к данности, но я же говорю, что на Аляску всю носатую сволочь отвезти невозможно, потому что царь её полтора века назад втюхал! Там теперь США! Мировой жандарм, оплот империализма! Можно, конечно, предложить американцам обмен: Россия отдаёт им всех носатых, а Америка меняет их на негров! На афроамериканцев! Но я хотел бы заранее увидеть

афроамериканца, на которого меня обменяют! Я готов въехать в его «хижину дяди Тома», а он пусть въезжает в мою коммуналку! Это будет справедливый обмен! Когда-то я смотрел в кино старый американский фильм, где младший Фонда с дружками проезжает всю Америку на мотоциклах. Красиво ужасно! И их расстреливают у канадской границы какие-то жлобы из маленького американского городка. Просто так! Потому что молодые Фонда и Никольсон очень не похожи на других! И мотоциклы не похожи, и очки, и вообще их лица принадлежат какой-то другой цивилизации. Я не понимаю, к чему я сейчас это вспомнил. К чему, к чему?! К статье 282, часть первая. Исправительные работы до одного года или штраф, но может быть возьмут свининой!

Глава 71.

*…где убудет несколько материи, то умножится в другом месте.
— из переписки Ломоносова и Лаувазье.*

Это принцип, на котором стоит мир: именно за него Лаувазье гильотинировали французские гпу'шники! Но со мной закон сохранения вещества реализовался впервые. Обычно материя только убывает. И вот впервые праздник пришел на мою нечётную василеостровскую линию! За суд с Театральным союзом, за вынужденный контакт со всякой VIP-сволочью, ко мне с неба спустился ангел-паж из кинофильма Золушка, и заговорил со мной на мягким украинском наречии. Паж закончил закрытый пансион в Англии и режиссёрские курсы в Лос-Анджелесе.

Я думаю, что в выражении «яблоко от яблони» есть явное преувеличение. Дети олигархов, если их подержать в пансионах Англии, и пропитать духом свободы, становятся принципиально лучше своих отмороженных родителей. Может быть, они менее самобытны, но на наших глазах выводится порода гладких и благополучных людей, от которых, за сто лет, Россия почти отвыкла!

Конечно, этот процесс идёт волнами, и он ещё ждёт своего исследователя. Дети старых большевиков тоже были человекообразнее своих отцов! Внуки членов брежневского политбюро на кухне слушали антисоветские песни Галича! Это не помешало им одуматься и ворочать сегодня наворованными миллиардами! Но всему своё время.

С юным пажом из Золушки был такой же ангелок женского рода, смотревший ему в рот, они поворковали и упорхнули. Эти богатые малявки, поклонники Бритни Спирс, ждут меня на Украине! Зовут ангелочка Володя: он хочет купить у меня права на повесть и снять по нему фильм на студии Довженко или даже в

Москве. Такое ощущение, что это происходит не с тобой. Зато когда получаешь по голове в подворотне: тут уж полная уверенность, что это происходит именно с тобой. А к подаркам судьбы мне привыкнуть трудно. Тёща всегда ворчит, что за подарок с неба обычно приходится сильно расплачиваться! Хоть я бедный, мне платить нечем, но тёща говорит, что, чем заплатить, всегда сыщется!

Дамира Феттаховна не верит, что на свете когда-нибудь появится художественный фильм, где в титрах будет стоять моё имя! Да я и сам в это не верю, но тёща еще большая пессимистка, чем я. А хотел ли я оказаться в титрах? Не знаю, тогда я об этом ещё не думал.

Я с важным видом думал о том, что весьма вероятно мне предложат писать сценарий, почему бы и нет! А значит, идей у меня должно быть в три раза больше, чем их уместилось в моей повести. И угол зрения должен быть другим, менее банальным. Из Валеры мне больше не выжать ничего, проехали. Но есть ещё несчастная заложница, которую мне нужно найти, заново приковать к батарее, измерять её давление и пульс, pH определённой среды и всё что нужно для будущего сценария. Эти данные очень пригодятся! К моменту, когда мне действительно позвонил географ, я уже знал, что я буду у него клянчить...

-Слыши, тебе чего?

Я очень люблю, когда ко мне обращаются с этим бандитским «слышь».

— Валера, рад, что ты живой, но я тут пишу рассказ о заложниках! Не о вас, а вообще. Но всё с твоей подачи! И мне хочется поболтать с той девушкой. Ну, с той, понял? Что тебе стоит? Устрой!

В трубке воцарилось молчание. Я слышал урчание у него в животе.

— На х@... она тебе сдалась? — наконец спросил он.

— Я тебе правду скажу, «честное писательское», я сам не знаю. Чего-то хочу у неё услышать, что может понимать только она, заложница.

— Телефон я тебе, армян, дать не могу, но я знаю, что она сейчас в Питере. Её видели в баре у пермских... Не знаешь? Так я и думал, что не знаешь, тюфяк! А бар не слишком далеко от нас. Ночной клуб «69». Адрес дать? Ну, сам узнаешь. На канале. Проститутки и наркотики, с этим там всё в порядке. Особенно не подставляйся. Накличешь, бл@..., на свою ж@...

— Как её зовут-то хоть?

— Карандаш под руками есть? Её зовут Ирина Пумина. Кликуха «Пума»!

Больше не скажу ничего.

— На фотографии она какая была? Правая левая?

— Я тебе что не говорил? Маленькая такая шмакодяvка, с пирсингом.

Всё, бывай!

Прокол. Я воспыпал чувствами не к той! Wrong address! Отрабатываю задним ходом.

Глава 72.

*О дождик желанный,
Твой шорох предлог
Душе бесталанной
Всплакнуть под шумок...
(Paul Marie Verlaine -БП)*

ОДИНОЧЕСТВО

Такого раньше не было. Мне стало тяжело заставлять себя писать за деньги. Бальзак писал за деньги, Дюма писал за деньги, Александр Пушкин и Александра Маринина писали за деньги, так что же ты строишь из себя костромскую ц@лку! Конечно, можно собраться и выдавить из себя 20 тысяч нужных знаков, но не нужно врать себе, что меня от этого не убудет. Меня именно что убудет. Написать 20 тысяч этих поганых знаков и бегом к зеркалу, смотреть, чего у меня убыло. Жизнь пуста! Страшно тяжёлый период, пока не обзаведёшься очередной дурой из провинции, которая серьёзно к тебе относится. Надо посоветоваться с психологом. Интересно, для чего люди живут? Я не о себе, я говорю обо всех остальных. Родишься и дальше уже никуда не деться: точка невозврата, the point of no return.

Дальше все живут по инерции, как инерциоид Толчина, про который Денис хочет снять очередной свой авантюрный фильм. В двух словах, чтобы не отвлекаться: в монастырских книгах есть упоминание, что на рубеже 17и18 веков монах Андреа Гrimальди Воланде сделал аппарат из пробкового дерева с ртутным двигателем и совершил на нём перелёт из Лувра в Дувр и обратно. Даже самым витиеватым армянским мозгом я пока не могу придумать Денису на эту тему никакого сценария! Как он меня уже достал!

— Денис, ты хочешь именно про монахов?! А ты знаешь, что монахам нельзя не то что т@-т@, а даже думать про т@-т@ нельзя!

Денис слушает очень внимательно про т@-т@.

— И дело даже не в т@-т@! Говорят тебе, что всех, кто в эту тему сүёт свой нос, сажают. Ну точно как про убийство Кеннеди! Доброму не кончится.

Заколдованная тема. Мало тебе? И дело решается не в Кремле, а намного выше!

Я поднимаю глаза к небу и Денис поднимает глаза к небу....

Пожимает плечами. И вот так выглядит каждый мой день.

Моя миссия: контактировать с идиотами и поднимать глаза к небу.

Раньше меня удивляло, что царь Давид на старости лет наелся жизнью. Я думал, что этим наесться нельзя. Но сейчас появились первые ласточки понимания. Может быть, это знание того, что с тобой ничего значительного уже не произойдёт. Время сокращается, я это чувствую. По часам таких тонких вещей не определить. Скоро Исландия рухнет в пучину и всему на свете придёт т@-т@! И ни чуточки не жалко.

Если это и есть настоящая жизнь, то ей легко можно наесться. Судьба ведёт, парки и мойры хоть и тянут свою бл@.. нить, но делают это формально и вяло.

Сосед мой, Славка Фролов, перешел уже в десятый класс. С дредами его настоящая катастрофа. Его все гоняют! У учителей ощущение, что он никогда не моется. Я бы себе тоже завёл такие патлы, но у меня не хватит терпения. С сентября Славка начал приводить в гости одноклассницу Люсю К., чтобы она закручивала ему волосы и мазала их воском. Потом они целуются с ней на чёрной лестнице. Люська — баскетболистка, трёхочковые кидает просто шикарно. Голоса её я ни разу пока не слышал. Славкина мамаша их гоняет. Это называется сменой поколений! Хочу обратно в десятый «б» класс! Для начала можно сдать угол, «студентке, безекса». Вместоекса плести дреды и на школьном дворе кидать трёхочковые. Будет жить за перегородкой и платить мне на хлеб. Для privacy можно купить бамбуковую ширму, есть очень симпатичные китайские ширмочки.

«Давай подадим в страсбургский суд! — просит меня Литвиненко.

Это отличная идея, главное, что она связана с нетленной кулинарией! «А ты не хочешь, чтобы твоя очередная повариха тоже подала на тебя в страсбургский суд! — отвечаю я Денису. — И зря не хочешь. Думаешь, что там, в Страсбурге лучше? Такие же сидят гады, люди «г», только чуть по-французистее! Жрут страсбургский пирог, с телятинкой!»

Да что там пирог! Еду вчера со съемок через Кировский мост, и вдруг всё перегорожено, все холуи, вся охранная сволочь останавливает транспорт, и из черной машины выходит серый, стёртый, самодовольный мудак, VIP персона! Ему, понимаешь ли, понравился закат. И он 20 минут держит на мосту наш трамвай и заодно весь город, который возвращается с работы. Сволочь фотографирует: у него хобби фотохудожника! Вот она вся наша жизнь. Вырождение людей и торжество сволочи. Моё любимое выражение сформулировал секретарь Павла 1 ещё в 1797ом году: «Жалоба возвращается просителю с надриением, просителя выслать». Что может измениться в стране за 200 лет? Ничего! Всех людей очень жалко, все на свете идиоты или приурки,

других я пока не встретил. Залезу под одеяло и буду по ним плакать в мокрую подушку. Как Вертинский.

Глава 73.

ЗИМА

Всё-таки для сценария мне придётся искать «шмакодявку» с фотографии. Никуда от этого не деться. В повести она у меня неопытна и прекрасна, а зато географ — упрям, амбициозен и вульгарен.

Отстаю всюду на ход. Девушки с пирсингом меня, ну, совсем, не интересуют. Даже ещё меньше. Зачем я сейчас тащусь посмотреть на это чучело, логически объяснить невозможно.

Начало зимы, выпал первый снег. Что-то похожее было в «Евгении Онегине». Бар «Sessanta nove» располагается на канале Г., очень рекомендую! Я шел по каналу и со злостью швырял снежки в тёмную воду! Двадцать лет назад в этом месте мы шли втроём, и я об этом вспомнил. Но тогда был бесконечный день бесконечной жизни, а сейчас была почти ночь и мне было не по себе.

Я давно не выношу ночную жизнь. Куда ни войдёшь, дым столбом, но я никогда не могу в этот дым включиться. Битком торчков, торчушек.

Свеженьких! Дебютанток! Нельзя сказать, что это меня не заводит. Конечно, заводит! Когда молодые женщины только начинают торчать, то они выглядят так пышно, что приходится прищуривать глаза! А потом сгорают аки свечки. И я бы с ними сгорел, но не судьба. Когда-нибудь потом. А вообще я не очень люблю молодёжь. Я в этом смысле похож на Чарльза Бронсона. В половине своих нью-йоркских фильмов он эту молодёжь всю подряд мочит! Как увидит тинэйджера — сразу нажимает на курок! «У молодых своя жизнь, с ними даже не о чём трахаться!» — говорил один мой приятель. И с этим я тоже согласен. Я не припомню, когда я последний раз был на дискотеке. Жарища! Всегда, как в набитом потном трамвае.

А меня раздражает и этот трамвайный грохот, и пульсирующий свет, и то, что наркотики тебе предлагают прямо за стойкой! Колёса — мои колёски, клубные наркотики. мицубисики, бабочки, собачки! При коммунизме все будут жрать эти мицубисики! Цитирую нашу звукооператоршу : «ничего хорошего в этих колёсах не вижу: трясёт и очень хочется еб@ться!» Девки нажираются колёс, а их партнёры пьют самое жлобское пиво.

Но всё оказалось не так печально: бар куда меня послал Валерка, был заведением скорее для юных алкашей, чем для наркоманов. Средненькая такая молодёжная туса. Даже в туалете было прекрасно: очень чистенько, аккуратно и

в красно-белых тонах. Синтетику никто не нюхал, и не бахал, и шприцов раскиданных не было. Во всяком случае, в мужском. В женский я решил не заглядывать. По вене, кстати сказать, чаще гонят в женском,

А тут «по вене» гнали Гребенщикова, от которого меня мутит! У стенок, по краям, стояло столиков десять. Я их не пересчитывал в полуслучае, все танцевали грудь в грудь. Особенного быдла не было, а девки с пирсингом может быть тут и были, но тоже не до фига. Я их пересмотрел по одной, никаких Ирин тут не было. Свой писательский долг я выполнил и можно было поставить галочку. Нет, так нет!

Даже чудесно, что я смог уберечься от этой встречи. Практическая надобность незаметно исчезла, оставалось одно любопытства. Я так и не решил, чего я могу ей такого волшебного сказать.

У меня никогда не бывает отношений ни с какими «Ирами», даже товарищеских! Мне противопоказаны все на свете «Ириши» и «Ирины», я проверял это по гороскопам!

Глава 74.

Я уже думал закончить тему врачей, но ко мне пришел Варга и сказал, что написал поэму в прозе. «Как, б@..., Иван Тургенев». И попросил дать её оценку. Я забыл сказать, что Варга всегда расчёсывает усы и волосы собирает сзади в косичку. Косичка не очень длинная, может быть, раньше она была гуще. Я прочитал его поэму и пожал плечами.

— Варга, ты хочешь, чтобы мы с тобой были как Пушкин с Вяземским? «Друг мой Вяземский, целую тебя в твою поэтическую жопку!» Что? Еще как писал! Хотел поделиться творческой победой!

— Ты лучше по существу, — сказал мне Варга.

Не имею понятия, что мне ему сказать «по-существу». В глубине души я подозреваю, что никакой поэзии в прозе не существует. Нет такого, чтобы немного мальчик и немного девочка! Это всё выпендрёж! Я не понимаю фантазий Бертрана, на холодильнике есть даже его томик, могу вам уступить. И не очень люблю Тургенева. То есть, я его просто не перевариваю. Я даже очень осторожен с людьми, которые его любят. С одной деятельницей театральной культуры я из-за Ивана Тургенева сразу разошёлся навек. Но не станешь же Варге всё это молоть. Человеку с косичкой сложно что-нибудь объяснить! И я попросил Варгу дать мне почитать его вещицу на вечерок! Сказал ему: «Здорово! Граф и камер-юнкер отдыхают! Но не могу при авторе по-настоящему её оценить. Кто-то может, а я — нет! И вслух мне читать не нужно. Я отлично

разбираю любой почерк. Тут я, можно сказать, эксперт. Недавно разбирал почерк на чеченском, и с очень большим успехом».

Это удивительное наказание — читать чужие тексты. Своими произведениями я, между прочим, никого не нагружаю, потому что мне просто наплевать! Текст — это часть меня, и какое мне дело, что я кому-то не нравлюсь? Чего хочет от меня Варга, я тоже не знаю. У меня не поворачивается язык ругать молодого автора. И хвалить эту чушь тоже стыдно.

Собственно, поэма она была не о врачах, а скорее о больных, но какое-то отношение к медицине имела. Особенной поэзией в прозе там не пахло, ничего вот такого «гаспаровского из тьмы» тоже не было.

«- Тебе, Энрикес, серьги и перстень маркиза д'Арока! Тебе, раз ты убил его из карабина, когда он ехал в своей почтовой карете.

Энрикес надел на палец окровавленный топаз и вдел в уши аметистовые серьги, выточенные в виде капелек крови».

Хоть Варга болезни тоже описывал довольно художественно!

«Чего ждёшь ты, дорогой мой человек, уж и ногу твою оттяпали выше колена, и не за один раз, а в три приёма, и два инфаркта уже спели свои ледяные гимны, и дышать тяжело, и чего мне перечислять тебе весь известный тебе букет...! Так на что надеешься ты, дорогой человек мой, когда снаряды уже ложатся рядом?». «Объясни мне, пожалуйста, для кого ты это пишешь? Ты понимаешь, что ни твоя проза, ни моя проза на x@... никому не нужны? Просто, чтобы выразиться? Ну, тогда пиши». Варга немного смущается, но я смущаюсь в три раза больше. А как можно читать чужие листочки и не покрываться влажным потом от ужаса? Именно оттого, что сейчас нужно будет что-то писателю изречь!

Я сказал Варге, что в принципе он перспективный прозаик! По масштабу он не уступает половине питерских авторов. Но тематика, которая так его трогает, она именно в этом жанре совершенно неуместна. Или вот как у Бертрана он должен писать о врачах что-то колдовское, а не ругать их по чём свет!

— Уверяю тебя, мой хунгарский друг, что они этого не стоят. Они не романтики. Обычные бизнесмены. Ты не должен писать поэмы о бизнесменах. А твои пассажи можно выложить на какой-нибудь психиатрический сайт. Я могу дать тебе сайт известного психиатра профессора Киссина.... И кончай писать о политике — политика губит прозу! Давай, вперед! Глаза боятся, а руки пишут.

P.S. Друг мой Варга! Ты хотел, чтобы твоя проза увидела свет, считай, что ты один из двух моих соавторов!

Глава 75.

ВСЁ-ТАКИ ГОЛЛИВУД

Украинский ангелочек сделал неверный выбор. Перед ним была задрипанная Москва и волшебный Голливуд. Призадумаешься! Для него это как выбирать между Тимошенко и Януковичем, между Зигфридом и Брунхильдой, между Мао Цзе Дуном и Ким Ир Сеном! Мне лично нравятся все шесть, но приходится выбирать. Потому что меня наградили свободой выбора, хоть я об этом никого не просил. Тяжелее ноши в этом воплощении я не испытывал. Платон считает, что душе предоставлена свобода выбора при каждом воплощении, причем троекратное пребывание души в теле философа через три тысячи лет освобождает ее от дальнейших переселений, но вот как попасть в это тело, остаётся загадкой! Никаких рекомендаций Plato не оставил. Остальные души обречены на 10000-летнее пребывание в здешнем мире, пока они не окрылятся. То есть, целых 10000 лет, таким нерешительным людям, как я и мой продюсер Володя, придется выбирать между всякой сволочью. И всегда не между чёрным и белым, а всегда между чёрным и чёрным — это главная идея афинской школы! И хоть мой юный продюсер поставил на чёрных, но ставить нужно было на чёрных, но не на тех. Мосфильм торговался, а 8-я студия из Лос-Анжелеса сразу сказала «Да!», «ищите переводчиков».

Jawohl!

Через неделю Наташа Мельникова из Бостона начала переводить сценарий на английский, и я постепенно стал готовить себя к чуду: вот-вот я попаду в непостижимый и ненавистный мир кино. Главное, что выбор был сделан. «Лучше х@.. в руках, чем п@... на горизонте!» сказал мой самопровозглашенный литературный агент. Им оказался довольно близкий родственник по отцовской линии из Магнитогорска, и я положился на его спорное суждение и согласился. Лучше бы я этого не делал. «Как на тоненький ледок. Выпал беленький снежок. Выпал беленький снежок, Ехал Ванечка-дружок. Ехал Ваня, поспешал...». Дальше я не помню. Но ледок оказался тоненьkim. Аминь.

Глава 76.

Графа Монте-Кристо из меня, пожалуй, не выйдет.

Очень скоро выяснилось, что я не чувствую, как нужно делать фильмы для американцев. Кто должен писать сценарий, в тот момент я тоже ещё не понимал. Вроде бы делаем мы, но вроде бы и не мы. Уже создана сценарная американская группа, но Володя мне объяснил, что и я могу представить на рассмотрение свой

вариант.

С нами работает американка Phyllis, и она просит в проект сценария внести много изменений. Ей совсем не нравится и непонятен образ девушки. Нет интриги!

Phyllis считает, что женскую роль для сценария придётся перерабатывать.
Сердце вешун, не зря я попёрся в этот молодёжный бар!

Образ девушки это объективно лучшее, из того что у меня было в повести.
Залью её горючими слезами!

Главная установка американцев, что в сценарии не должно быть литературы.
Любая литература — это враг сценария.

В письмах Phyllis мне очень вежливо рекомендует всю психологию засунуть в одно место, а она хочет действия и лихих американских мазков. И для фильма лучше, чтобы действие происходило частично в России, но основная часть всё-таки в Америке. Потому что для американского зрителя действие должно происходить в Америке. Иначе этих мерзавцев в кинотеатр не загнать!

Американцы — все люди «g (джи)». Люди будущего! И последнее коллективное решение американской «инициативной группы» звучит для меня как похоронный марш Ф.Шопена! Я убеждаю Володю, что сценарий мы можем написать только сами, но, оказывается, по финансовым причинам это невозможно! И если Phyllis уверена, что героиня должна быть американкой, то она ею, рано или поздно, будет! Лучше всего, дочкой американского консула в Питере! И умыкнут её прямо с Фурштадской, с бывшей Петра Лаврова! Редкая чепуха!

Как я не выношу баб писателей!

Если выбирать между писательницей и «просто-американкой», то я, несомненно, выбрал бы «просто-американку». Но вот американке-писательнице, на вторую чашку весов положить уже нечего, на земле противовеса нет, это уже просто та-та! Можно, конечно, послать всех в задницу и ничего не подписывать, но как на такое решиться? Я успокаиваю себя и начинаю думать о самые хорошие вещи. Всё зависит от того, о какой Phyllis думать. Это может быть дочь Ликурга, которая повесилась на миндале, когда ожидала из Трои своего жениха. А может быть пьяная гетера, которая скакала верхом на Аристотеле, на глазах изумленного Александра Македонского! Не знаешь, кого и выбрать!

Глава 77.

Существует самое главное девичье достоинство, которое перевешивает все дипломы, банковские счета, остроту ума и даже размер груди! Новая соседка —

настоящая пепельная блондинка, с громадной копной волос!

По Зинкиным сведениям, была замужем и ещё не разведена! Перспективный кадр. Но это совсем не то, о чём вы подумали. Она — совсем не писательница! Думаю, что и не читательница! Она — будущая докторица, учится и работает фельдшером на скорой. Зелёные глазища, высокие скулы — умереть и не встать! По вечерам «д-р Аксёнова» залетает домой в белом халатике под распахнутой шубкой. Белый цвет — цвет девственности. Это мой любимый цвет! Ещё пара трёхминутных встреч на кухне и я смогу написать её биографию! Мой друг Л.Д. постоянно упрекает меня в том, что в прозе меня интересуют только бабы, а в мире столько несправедливости, что можно было бы писать... не знаю, о чём, я всегда недослушиваю его до конца. Но все мои любимые художники рисовали только женщин. Рисовали, лепили, описывали, и этим поиском идеальной женщины стараюсь заниматься и я. Но идеальная женщина обязательно должна иметь прошлое, а у женщины в 23 года прошлого просто нет, ему неоткуда взяться. Это издержки мирной жизни. И вот в этом самом узком литературном смысле можно только пожалеть, что нет гражданских войн и раскулачивания, нет ссыльных декабристов и коммунистических лагерей, и идеальная женщина сегодня встречается только в книжках.

У меня так сложилась жизнь, что я всё-таки видел женщин, хлебнувших лагеря. Это прекрасные женщины, но очень уже немолодые. Годятся только в прабабушки. А вот юных таких женщин нигде не встретить. Испытания проходятся по юной женщине фрезой. Но настоящие испытания требуют другой эпохи. Вполне возможно, что десятки тысяч сегодняшних проституток, в героическую эпоху, становились бы боевыми санитарками, «канками-пулемётчицами» и полярными лётчицами. А пока приходится таскаться по ночным проспектам и лечиться в КВД № 2 на улице Чайковского. Но я подозреваю, что из-за кошмарного образа жизни у всех проституток может быть душа, а у медицинских студенток даже души ещё нет. Жизненный опыт в виде поцелуев в густонаселенных общагах и у стройотрядовских костров, замужество на третьем курсе после сдачи «фармы», и всё такое прочее в зачёт не идут. Увы!

С одной стороны — нашествие провинции, с другой — это всё-таки не та «дурочка из провинции», о которой я мечтал!

Ту, свою, идеальную женщину я узнаю сразу. Мой идеал это провинциальная манекенщица: рост 180 см, вес 58 кг, грудь 95 см, талия 62 см, бёдра 94 см, цвет волос блондинка или шатенка, глаза голубые, кожа, если можно, с пупырышками, ... Я больше люблю бёдра 90, но с таким узким тазом самой ей будет никогда не родить! На моих глазах Питер мельчает, нужных параметров

не встретить! Брачные конторы рекомендуют искать босниек или сербок, которые после бомбёжек таскаются по Европе и не могут найти себе места. Среди них, конечно, нет блондинок, но шатенок сколько угодно! Тем более, что с блондинками мне обычно не везёт. Это не мой фасон. Шатенка, тоже, конечно, шатенке рознь! Шатенок в мире около 540 миллионов, и чтобы разобраться в таком числе шатенок, одной жизни мало! Вот такая сплетается у меня в голове песня про идеальных женщин.

А пока я выступаю как «человек- невидимка» Гéрберта Джорджа Уэллса, потому что эта медработница чаще всего меня вообще не видит. Вроде бы глядит в твоем направлении, а видит только бутерброд с докторской колбасой, который ты съел, и для неё этот бутерброд завис в пустом кухонном воздухе.

Глава 78.

PHYLLIS

Конечно, я отношусь к той категории людей, для которых основная часть жизни — это не блондинки и не шатенки, а каторжная работа. Арбайтен, Арбайтен !!!

Все узловые точки моей жизни, которые держат меня за горло, следует искать здесь. Но в большие деньги, которые я получу от американского проката, я не верю. Я получил письмо из Калифорнии, и в который раз пожалел, что согласился участвовать в фильме. Да и на черта мне их деньги? Предположим, с неба на меня сваливаются миллионы! Но на что их тратить, как, с кем, зачем и где? Это же целая культура! По идее, нужно их умно вкладывать, чтобы получить ещё больше денег! Но я и с этими не знаю, что делать! Заводы, фабрики, месторождения никеля и футбольные команды мне не нужны. За границу я не хочу, чтобы не видеть их заграничные рожи. (Я говорю не о боснийках и не о сербках!) Остаётся переводить деньги на детские дома. Так пусть себе сваливают с неба деньги прямо в детские дома! Почему нужно всё перекладывать на меня?! Что я негр им что ли, шляться по детским домам и смотреть, не разворуют ли чиновники чужие сиротские деньги! Понятно, что разворуют!

После этого короткого вступления я перехожу к письму госпожи Phyllis N.
Hello, Juri!

My name is Phyllis N., I'm the American writer on this project. Volodia has given me your contact information and suggested I contact you regarding story points.

I have a number of questions about Chechen fighters, their history and their families, etc. and I was hoping I could e-mail them to you or perhaps we can arrange a call. Also I want to know more about Iron Johnny and the girl. My international calling plan is rather good so I would be happy to originate a call. My contact information is below. Please let me know what would be convenient for you.

I'm also very anxious to come to Russia. It's been a dream of mine for some time.

But I am afraid that it's a bit dangerous now so better some day I'll be waiting for you in Kiev.

Many thanks. I'm quite excited about the material and I look forward to talking with you.

Warmest Regards,

Phyllis

1. What are the actual names of the story's protagonist and his female companion? What are their addresses and actual ages?
2. Can you provide me with information and details about their actual lives, such as their educational backgrounds and their places of residence up until now?
3. Is it possible to get some sort of contact information for them, such as their addresses, emails, and telephone numbers?
4. In regards to the ranks of Chechen fighters, I have the following questions. I am especially interested in the actual name of their military leader as well as that of the young Chechen poet.
5. How long have they been involved with the military unit, and what did they do previously during times of peace?
6. Where do their families live? Would it be at all possible to contact any of their family members and speak with them in English because I do not speak any of the local languages.
7. I am very interested in the young Chechen poet. Had he been published before he joined Chechen military ranks? And if so, where was he published?
Where can I get access to his original writing? Does he speak any European languages, and what are his life plans?

Глава 79.

На ходу читая письмо, я пошел на кухню ставить чайник. «Ох ты, дура какая, мамочки!».

Где же берутся такие идиотки? Но самое противное, что она права. Она своим курьим, древнегреческим умом поняла, что рассказ не выдуман, а срисован с

натуры!

Вот это было самым отвратительным. Тут меня прихватил Зинкин муж, пожарник, и спяну начал жаловаться на своё пожарное депо? Что весь парк изношен «до мозга костей» и автолестницы нуждаются в замене. Я смотрел на него, совершенно не врубаясь в проблему. До каких «мозга костей»? Я разговаривал с ним в третий раз в своей жизни. И каждый раз он допытывался у меня, из какого я караула. Повезло, конечно, Зинке: наверное, о том же самом, про второй караул и про автолестницы, он ей бормочет в постели! Чтобы Мостового не злить, я ему поддакивал.

Пожарник воспыпал ко мне уважением, после того как я подарил ему 2 кг. свинины, чему он был страшно удивлён! Я тоже удивляюсь, когда мне что-нибудь бесплатно дарят.

Было воскресенье, соседи шумели, и я с трудом прислушивался к тому, что мне бормочет пожарник. Денис взял с меня слово вытянуть из пожарника нестандартное кино. Литвиненко вечно ищет городские сюжеты, на которые он сможет выколотить деньги в Госкино. И пожарники ему вполне могли подойти. На коленях у брандмейстра сидел пьяный кот, и тоже рассеянно его слушал. Во всей квартире сильно топят батареи, поэтому пьяный пожарник сидел на кухне в одних трусах. Вот она вся моя жизнь, сплошной сюр: пожарники в трусах и коммунальная кухня с котами. Ещё эта заноза в халатике чего-то себе готовит и фыркает в моём направлении.

— Вы фыркаете в отношении меня или в отношении кота? —
поинтересовался я. И хоть она не удосужила меня ответом, но мне уже передавали её слова, что холостяков в моём возрасте следует остерегаться. Дескать, все нормальные люди в этом возрасте женаты! Может быть, так и есть.

В конце концов, чайник закипел, я освободился от пожарника и вернулся к экрану, к отложенному американскому письму! К письму образованной древнегреческой идиотки, из враждебной, нам с пожарником, цивилизации. Вообще гетеры и авлетриды — высшие слои проституток, принципиально отличаются от проституток с Тверской! И не чем-нибудь, а уровнем своего довольно высшего образования! Об этом писал ещё Геродот. Но плевать я хотел на её образование! Я ей не отдел кадров! Я вообще не желал иметь с гетерами никаких дел. Но есть закон жизни: если ты кого-то избегаешь, то тебе обязательно подсовывают эту встречу. Провидению важно, чтобы я разрешил свой конфликт с Америкой! Хорошо бы ещё понять, зачем! Мне лень переводить письмо, но суть там заключается в том, что Phyllis просит дать эмейлы всех чеченских деятелей, чтобы она могла завести с ними личную

переписку. Я представляю себе, что бы сказали на это чеченские деятели, что бы они сделали с мамой Phyllis, с её папой Ликургом, и даже с самим Аристотелем, который играл с ней в лошадки! Но не смогут клятые мусульманские бойцы ничего ни сказать, ни сделать! Улеглись они в ржавой клеёночке на чужой земле, дожидаясь момента, когда их обнаружат чёрные ленинградские следопыты.

Глава 80.

Так сложилась жизнь, что ни с кем и не посоветуешься. Вокруг такие друзья, что и врагов заводить нет никакого смысла.

А посоветоваться с кем-нибудь мне обязательно нужно: выполнять ли мне безумные приказы этой американской дамы? Была бы хоть какая-то контора, что ли, «ЭЙ, ДАЁМ СОВЕТЫ!». Чтобы там сидел какой-нибудь умный армянин или, в крайнем случае, еврей, и за умеренную плату посыпал тебя в нужном направлении. Я знаю умного психолога, который проводит семейные расстановки по Хеллингеру, и он готов советовать кому хочешь, но дорого, сволочь, дерёт. Кого ни спроси, но всегда знаешь, что люди тебе ответят, а хорошо бы иметь хоть одного человека, ответ которого спрогнозировать нельзя. Наконец, я спросил на рынке рассудительного мясника-армянина. Даже купил у него из вежливости пол кило печеньки. А потом говорю, «... Сурен-джан, я не буду тебя посвящать во все детали, но скажи, выполнять ли мне приказы иностранки которые оскорбляют меня, как личность, но какая-то логика в них есть». Сформулировал я довольно нескладно. Мясник посмотрел на меня как на полного придурка. Я думал, что он сейчас меня пошлёт, но он задумался и спросил. — Из какой страны будет? -Из Америки. -Америка серьёзная страна. Там много армян. Пожалуй, тебе стоит прислушаться. Печёнку в холодильник не клади, сразу зажарь!

— Спасибо, дорогой! — и я зашагал прочь.

Нашел отличного кандидата для будущего бюро советов. Можно посыпать к нему прямо на рынок. Печеньку я отдал Зинке, совершенно нет сил, её жарить.

Хорошо! Идём на компромисс! Для начала, я поищу Утюга! А свободолюбивых чеченцев, пусть Phyllis, и вся её македонская рать, ловят самостоятельно. Я им не нанимался! Всё это у нас с Phyllis рано или поздно закончится скандалом и взрывом. У меня поразительное умение наживать себе врагов.

Даже с новой лебёдушкой-соседкой я уже повздорил дважды.

Соседская девушка каждую секунду ждёт нападения. На безобидную шутку

она отвечает такое, что лучше бы она просто треснула мне по роже. Я не могу придумать, как себя вести! И взять нельзя и не взять нельзя, проще застрелить: «два поцелуя в грудь, контрольный — в голову». Я ей говорю: « Есть такой анекдот, пьяный гладит ослика и говорит, «Зайчик, что с тобой проклятые тимуровцы сделали!» Анекдот ей почему-то понравился.

Глава 81.

АКАДЕМИКИ

Я выяснил на съемках невероятные вещи! Пожалуйста, приготовьтесь, хоть к этому «приготовиться» нельзя! Каждая пятая женщина Земли вступала в половой контакт с инопланетянами! — это доказал, именно доказал, действительный член Европейской академии естественных наук Сергей Сперанский. Инопланетяне "Дзеты" спали с каждой пятой земной женщиной.

Я давно предполагал, что это так! Мне только не хватало доказательств! Как удачно, что я сейчас не женат! Но я не понимаю, как, узнав об этом на работе, вы можете спокойно являться к себе домой. Представляете, вы возвращается домой из НИИ, а она, абсолютно, как ни в чем не бывало, говорит своё «Вовка, сходи за макаронами!» А глаза наглющие, верить им нельзя ни секунды! С другой стороны, всё-таки четыре пятых женщин именно с этими конкретными инопланетянами «Дзеты Б» может быть и не спали! Не довелось! Что вам от этого легче? Разумеется, нет. Но, конечно, от скандала эта статистика всё-таки немного удерживает.

Чтобы понять, как себя вести, человечеству нужно время! Сам академик Сперанский просит мужчин не устраивать никакой паники, и стараться своим жёнам пока ничего не говорить!

В газеты информация ещё не просочилась, но вот что пишет о людях «Дзета» один очень авторитетный сайт! «Дзеты», которые появляются на нашей планете, только мужчины. У них есть половые органы, но, очевидно, естественную способность к размножению они утратили. Семя «серых» помещается в матку искусственно, чтобы создавать гибриды дзетов с людьми. У пришельцев нет предпочтения перед какой-то определенной нацией. Исследования половых контактов с инопланетянами ведутся в нескольких странах, но активнее всего в Китае». Вот такие дела!

Звучит очень правдоподобно, особенно про гибридов: среди моих знакомых таких добрая половина. Но мне, как документалисту, непонятно, что тут снимать! А снимать нужно, потому что аванс уже истрачен!

Мы думали-думали с Денисом и решили идти на поклон к главному

специалисту «по всем вопросам метафизики» безумному академику Лохвинцеву. Это тот профессор, который первым описал геном людей «джи» и предложил свои критерии классификации вторичного излучения! Что это такое, я не вполне понимаю. То есть, каждое слово отдельно я понимаю, но я не понимаю их вместе. .

Академик нас принял вполне приветливо, хоть до инопланетян мы так с ним и не добрались! Чего-то академик напутал и начал громить попов. Представьте себе «Жирика», но постарше и поменьше ростом. В разговоре он вскакивает на стул и плюётся! Начал он оплёвывать ирландских ксендзов, которых судили за педофилию, а закончил бедными попами, которых мне стало даже жалко! Академик начал с того, что институт православия имеет такое же отношение к Богу как советская милиция. «Российская», переспросил Литвиненко, и профессор начал поглядывать на него, как на полнейшего идиота и морщиться. Потом он продолжал говорить, что это только институт соблюдения общественного порядка. Разновидность ГАИ! И ни один правитель России к нему иначе не относится. Мне кажется, что Лохвинцев начитался писем Толстого, которые я уже упоминал. Потому что из самого известного письма цитат было много. «...Как к духовным авторитетам к ним могут относиться только самые тщеславные или уж совсем глупые люди! А правители люди не глупые и очень хитрые.»

«Какие-какие?»- переспросил Литвиненко. — И какой Толстой, Алексей или Лев? Как бы его за такие высказывания не взяли за жабры!» Академик поперхнулся, посмотрел на Литвиненко с ненавистью, но сделал вид, что не слышит.

Я понял, что Денис академика просто-напросто дразнит. Денис был взбешен, что ничего не сняли про дзету, его эта тема касалась лично. Спросил меня одними глазами, снимать или нет? Какого хрена нам этот академик сдался?! Я ему точно так же просемафорил, снимай! Раз приехали, другого шанса не будет! Пригодится! Хоть Денис и шепнул мне, что не знает, куда это можно будет пристроить! К себе в коллекцию?

А мне понравился пассаж Лохвинцева, что «Россия — единственная на свете страна, где женщины намного лучше мужчин!» Только в этом академик Лохвинцев видит уникальность России.

(Идею я решил записать и выдать за свою!)

Но, добавил Лохвинцев, «... мужчины, которых они рожают, настолько хуже женщин», что вообще ввязываться в этот процесс он нам лично не советует. Литвиненко сказал, что вот это ему советовать уже поздно, и шепнул мне, что

ему ужасно хочется курить. Ещё секунда и он умрёт. Я бы тоже покурил или выпил, я всегда страшно устаю от академиков. И не от академиков тоже.

— Это всё прекрасно! — сказал я Денису, когда они с Варгой вышли на лестницу, — жалко, что всё равно придётся вырезать!

— Просто не по теме. Крамольного я ничего тут не вижу, — ответил Денис — кому эта чушь может быть интересна?

Литвиненко ничего не понимает, он — беспартийный кобель, и тонкости религиозных разногласий, кажутся ему безопасной словесной игрой! В конце концов, я прямо спросил академика, а как технически выглядит половой контакт с пришельцами? Но он отмахнулся и сказал, что у него на нас больше нет времени. Хорошо бы теперь моему другу Денису Литвиненко не пришло ещё в голову снимать про вторичное излучение! Аванс за эти съемки я брать ему не советую! Лучше работать бескорыстно, за чистый интерес!

Вот я бескорыстно начал курс реабилитации соседки. Не поверите: занимаюсь этим из чисто гуманистических соображений. Натренирую её на нормальную женщину. «Doctor needs a doctor». У меня есть один испытанный рецепт, но до него ещё очередь не дошла. Пока спрашиваю её, «почему принцесса одна в выходные»? Мгновенно отвечает, что ждёт принца. Я ей посоветовал искать среди пожарников, и она закусила губу, но ничего не ответила. Одно очко в нашу пользу. Теперь при встрече я церемонно интересуюсь, «как юный принц?» Она отвечает, что юный принц пока пробирается сквозь густые заросли. А пока попадаются какие-то очень толстые и пожилые принцы. Заведующие кафедрами с геморроями и подагрой. Я тоже так себе представляю датского принца: у него должны сильно отекать ноги и совершенно замучить одышка. Шнуровать обувь приходится, прислоняясь к дверному косяку.

Глава 82.

Мне предстояло найти человека, которого не видел больше двадцати лет. Целая жизнь! Время вообще идёт отвратительно быстро. А с 18-ти до 37-ти, вы не поверите, пролетает как школьная перемена. Имя фамилию и год «утюгова рождения» я знал. Можно было ещё поднапрячься и вспомнить его месяц рождения и даже школу. Соколов учился на Кирочной, там было две школы. Кажется, он учился в той, что поближе к Литейному. Для очистки совести я даже прошелся по Кирочной, но там уже не было кинотеатра, и вместо школы стоял навороченный лицей. «Утюгов» туда не берут. Какая-то абсолютная чушь! Не было нашего клуба, не было тренеров. Даже с того памятного момента, когда он вошел в коридор нашей коммуналки, уже прошло два полновесных года. Ещё

потянуть немногого и Саня может умереть от старости!

Тем более, что годы идут урожайные: по людям просто проходят косой! Конечно, «американская» дура права: Сашка являлся ключевой фигурой моего географического триллера. Сашка Соколов был боксёром. И Сашка был бандитом. Нет Саши Соколова и нет никаких концов. Где же ты Саша? И сколько ещё нормальных пацанов осталось в живых из нашей боксёрской секции «Трудовые резервы»? Утюг, Утюг! Здесь, на фото, вся твоя жизнь в этом зале, пропахшем кисловатым мужским потом, который мы будем помнить всю свою бездарную жизнь. Я достал из шкафа альбом с фотографиями и протёр его указательным пальцем. Открывать альбом мне было боязно. Да у меня и без альбома все эти морды стоят перед глазами: там вы, мальчики, сфотографированы со своим старыми пробитыми тренерами Юрием Ахметовичем и Лазарем Семеновичем. Вот она вся наша когорта! Семёныч, по кличке «Драный», когда-то проиграл по очкам Лагутину, а Юрий Ахметович работал ещё с самим Засухиным! Кто сейчас его вспомнит, а это был великий боксёр! Где же все, ребята с чёрно-белых фоток, сейчас бы еще разочек с вами побучкаться! Игорёха Резник был в легком, и Димка Волков в лёгком! Витёк Шалин, он из моей школы, и работал во втором полусреднем, а друг мой Борька Леенсон — полутяж. Почти никого не осталось, в живых только двое. «Все на подбор, с ними Драный-Черномор!» В наших широтах такие герои давно уже не водятся. Вот ты и сам, Утюг, стоишь в чёрных боксёрках! На язычке сохранился еще год выпуска и артикул. Напечатано всё стойкой советской краской, которая не смылась и не стерлась за много лет. Даже краска, бл@, оказалась более стойкой, чем мы! И всё пахнет этим вечным советским запахом, и боксёрки, и фотографии, и бинты. Выцветшие, но не от стирки — «..боксерские бинты никогда не стирать — говорил Ахметыч. — вывешивать на веревку и пусть сохнут!» Эти полинявшие от времени х/б ленты длиной 3м. валяются и у тебя, и у меня на шкафу — драгоценнейшая реликвия. Мои бинты выкинут в мусор брезгливой женской рукой при посмертной уборке. Зинка, зараза, и выкинет, или партизанки — эти всех переживут! Но вот бинты-то, они сохранят запах прежней жизни, а тебя самого больше не будет! Накрыли нас волной бандитские годы, когда эти пидоры, люди «g», раздербанили нашу страну в Беловежской пуще.

Товарищи мои, боксёры моей юности, за кого подставляли мы свои последние яйца? Не знаете? А надо было знать. Кстати, о блондинках.

Глава 83.

В Риме, при виде блондинок, автоматически останавливается транспорт! Я много раз видел это своими собственными очами! Читательница! Если вы — блондинка, то вам туда прямая дорога! Останавливаются даже римские трамваи! *Come porti i capelli bella bionda?!* И вот с такой сказкой для итальянцев, я живу в одной квартире. Два раза в день «сказка» выходит на коммунальную кухню, Но я не итальянец и уже слишком взрослый для сказок. Соседку я начинаю побаиваться. На первый взгляд, между нами, кроме постоянных стычек, совершенно ничего не происходит. С удовольствием смотрю, как она залетает домой во время дежурств и отзванивается диспетчеру «...169-я, вызов на «плохо с сердцем», едем на станцию». Проводит дома несколько минут и снова исчезает. У меня идея: предложить Литвиненко поснимать кино о каретах скорой помощи! Это ничуть не хуже пожарников! Там таких блондинок сто тысяч. Героинь чьих-угодно романов, но только не моих. И вот тут можно порассуждать на тему профессии моей будущей избранницы. Разумеется, никакой медицины, психологии и филологии! Учило, актрис и бизнеследи тоже не нужно. Остаются, как я говорил, обладательницы ранимых душ — проститутки, официантки и продавщицы. Дальше я буду решать жребием, и к этой теме придётся ещё вернуться.

Соседка уже спрашивала меня, «а чем же я таким занимаюсь?» Я ей наврал, что я химик, технолог-лакокрасочник. Но она посмотрела внимательно и задумчиво сказала, что «ты не очень похож на химика».

Меня немного передергивает, когда малознакомые люди ко мне обращаются на «ты», но это интеллигентская доисторическая чушь, и с этим я научилсяправляться. Но фельдшерица может на ходу залепить что-нибудь про оральный секс или про эрекцию, и тогда я не нахожу ответа и смущаюсь. Я слышал пару её разговоров по телефону и для исследователя нравов — настоящий простор. Один разговор был очень резким, так, действительно, говорят только с брошенными мужьями, во втором она сказала : «...короткий половой акт и только с презервативом...». Хорошо бы еще, конечно, понимать, кому это сказано, но сама ироничная лёгкость, с которой она это бросила, меня сразу немного завела. Блондинка чувствовала, что по коридору кто-то идёт, притормаживала разговор, и завершения я не слышал, но принцессы и снегурочки с такой лёгкостью про презервативы не трендят! Тем более в 23 года. В этом возрасте я, к стыду своему, был ещё совершенным телёнком. Но девчонки вляпываются в отношения полов намного раньше. Правильно это или нет, я не знаю. Девушки это всего лишь материализация того, что в них вложили

их возлюбленные друзья. А они вкладывают всегда только пошлости, и при этом очень недовольны, когда их ангелочки изваляются в грязи и запачкают крылья. Наверное, есть исключения, но я за свою жизнь с исключениями сталкивался мало. Самое странное, что когда я начинаю писать об этой недоучившейся докторице, получается какая-то заведомо взвинченная чепуха: я себя не совсем контролирую. Это полная нелепость, потому что никаких возвышенных чувств она у меня действительно не вызывает. Но меня сводит с ума розовая резиночка трусов, которая заметна, когда она нагибается. Розовые трусы — это моя слабость. Уговорить её попить вместе чай тоже пока не удается. Она всё правильно понимает — говорит, что она уже пила чай, и это очень плохо кончается.

Глава 84.

ПОЧЕМУ ИМ ВДРУГ ПОНДОБИЛСЯ РАССКАЗ

Для чего американцам понадобился рассказ, мне до сих пор не вполне понятно. Первое, что приходит в голову любому автору — «исключительное качество прозы» — к реальности никогда отношения не имеет. Тем более к американской реальности. Никита Хрущёв любил повторять, что «американская душа — потущенный свет»! И это потрясающе верно. Я продолжаю думать, что кроме чеченской темы для американцев там не могло существовать ничего. Им, видимо, понравилось, что чеченцы в рассказе воюют со своими братьями-чеченцами, и делают это ради богатых русских. Мало того, нас эти типы сразу попросили ещё немного развить чеченскую тему и для фильма углубить психологический национальный конфликт.

Как раз в том году была годовщина то ли войны, то ли какого-то подписания, и тема героического народа Чечни шла как горячие пирожки.

Я чего-то прошипел в разговоре с Киевом по поводу чеченской тематики, и продюсер Володя ответил по телефону: « Залышимо всэ, як воно вже иснует в оповиданни.

Алэ ж мени потрибна допомога в диалогах. Мэни трэба допомогты тильки трошки можно сказать чисто символыично».

Символыично так символыично. Зробым, как твоей душеньке угодно.

Но я был уверен, что живописать чеченцев в конечном счёте придётся мне.

Пока в наших головах трепетала романтическая любовная драма, в синопсисе американцев это выглядело вот так:

«.. и вот отряд во главе с полевым командиром Хавашом Балтиевым отправляется в Россию для выполнения деликатных операций во славу

пророка». На американский слух звучало весьма заманчиво. Ты им хоть всю Америку взорви, но интеллигентные американцы, на свою голову, пекутся о мусульманах! «Интеллигенты и милиционеры единство демонстрируют своё!», пел во времена застоя один товарищ, и этот принцип для интеллигентов работает во все времена.

Володя сказал мне, что они просто пока не чувствуют чеченского материала, и они нас обязательно услышат. Но хорошо бы мне для этого выползти из тени, и появиться на сцене. Если Володя начинает умолять меня приехать, значит, Phyllis в Киеве. Вот застрели меня, не поеду! Почему? «По кочану!»

В Чикаго говорят, если тебе не нравится погода, то «подожди 5 минут, и погода изменится», прекрасное выражение! Но наши сценаристы были родом не из Чикаго.

Глава 85.

В Рамблере на запрос «Саня Соколов, Ленинград» выпадал только Высоцкий с песней, «в Ленинграде городе, у Пяти углов, получил по морде Саня Соколов...» и так далее! Я люблю эту песню. Я люблю это место в Питере : в двух шагах стоит институт холодильной промышленности, «холодильник»! У меня начинает трепетать сердце: это настоящая ярмарка невест для олигархов и бандитов! Но где искать невест для VIP-персон, я, может быть, и знаю, а вот не VIP, а просто рядовых бандитов, у нас искать можно только через знакомых. Ещё лучше, через знакомых в ГЭБЭ. Вот там, «у них», должна быть картотека на всех, кто чуть выше травы. И на всякий случай, на всех, кто ниже. То есть, на всех. Если вы читаете эти строки, то вы там тоже есть, не переживайте! В Восточной Германии была картотека на всех граждан с образцами запаха и пота. Мне нравится такая постановка вопроса! Восточные немцы — тоже все наши люди, люди «g»(«джи»). По их картотеке «Утюга» можно было вычислить в один момент! Вы просто не представляете себе, как он потеет! Если вам не мешает запах пота, особенно пота спортсменов, то значит, что вам не приходится в часы пик ездить в метро! Вот где нужно торговать дезодорантом Рексона! Ещё там, в метро мне всучили диск с адресными данными всех петербуржцев, но это было явно палёное фуфло. И подходящего мне Александра Соколова на диске из метро не было. Меня там тоже не было — офигенная популярность! Наверное, это были базы данных телефонной или сотовой сети, а может быть даже база министерства внутренних дел, но в нашем конкретном случае они не работали. Причины могли быть разными: «Утюг» мог не оформлять телефон на себя, мог покупать б'ушные карточки, или, не приведи

Господь, его уже просто не было на свете!

-Дай мне его данные, и через два дня я скажу тебе, жив он или нет! Тоже мне бином Ньютона! — сказала моя тёща.

— Татарская мафия? -спросил я.

— Типа того! — ответила тёща.

Но она сдержала своё слово — через два дня я оденусь поприличнее и поплетусь на прием к крутому деятелю международной логистической конторы Соколову А.И., известному по боксёрской кличке «Саня-Утюг». По-другому его никто никогда и не называл.

На ходу я буду решать, что именно мне следует сказать «Утюгу»! Эврика! Я расскажу ему о проблеме с тёткой Чарлея и попрошу силовой помощи. Тем более, что суд мы пока проиграли! История временно закончилась! Себе я сказал, что надо учиться проигрывать. На это, собственно, нам и отведен весь срок жизни! Противно только, что проигрываешь всегда и всё! Постановления суда я положил на подоконник перед Всевышним! Пусть полюбуется! Но Всевышнему приходит слишком много писем, а Божьи мельницы мелют медленно. А вот мне приходит мало писем, но на днях тоже пришло письмо, и тоже как Всевышнему, поэтому я Его очень хорошо понимаю! Пришло оно из Псковской области, г. Дно! Письмо для меня — это потрясающее событие. Мне давно уже никто не пишет. Мы отвыкли писать и получать письма. Никто уже не помнит, что конверт нужно облизать языком, чтобы его потом заклеить! Наши дети вообще не поймут, что значит эти драгоценные строчки в надушенных конвертиках. У меня есть электронная почта, но проверяю её я только у тёщи, и присылают мне в основном объявления, которые не пахнут, но я иногда радуюсь и им. А тут настоящее письмо от женщины! «У меня родился сынок, — пишет мне одна работница питания из этого города. — Будете проезжать мимо, заходите к нам с мужем в гости! Я считаю вас нашим крёстным отцом! Живём тяжело, денег не хватает! Если кому-то нужна повариха, то я бы приехала на заработки!» Мне лично пока повариха не нужна, но я ответил ей гладенькой записочкой. Ну не вступать же мне с девчонкой в долгую переписку! О чём я должен ей писать? О харче? Я намекнул, что про работу постараюсь разузнать. Вам, кстати, не нужна надёжная повариха? Отличница, красный диплом! Грудь, третий номер!

Раньше в каждой интеллигентной семье была домработница! Теперь прислугу могут себе позволить только гаишники и бандосы! Надо не забыть поинтересоваться у Утюга! Может, в городском собрании, кому-нибудь из братков, понадобится помочь на кухне. И девочка заодно заработает. Денису я

рассказал про письмо, но этому типу всё как с гуся вода! Обормот даже не расстроился! «Может тебе что-то сделать на гипофизе, на шишковидной железе, — спросил я, — говорят, помогает! К врачу обратился бы ты что ли...ты хоть представляешь, как бы с тобой поступили в Китае?» Зря я уступил Денису эту простушку «со Дна». Ведь она именно то, что мне в жизни нужно! И ведь первым её увидел я, и свинина, которую он ей возил, тоже моя. В конце концов, существует же право первой встречи! Никто это право пока не отменял.

Глава 86.

Дождь со снегом. Съемки отменены. Весь день торчу дома и, от нечего делать, пикируюсь с соседкой. Писатель должен живописать героинь именно своего поколения. Любая женщина сегодняшнего дня для Тургенева и для Бестужева-Марлинского будет развращенной порочной девкой. И, наоборот, усредненную европейскую шлюху, последних четырех веков, сегодня можно рекомендовать в Армию спасения. Время к черту сносит все барьеры. И на практике я чувствую, что я сам стал отставать от течения жизни, пора мне на покой. Я задавлен соцреалистическими рамками, и из этих рамок мне никуда не деться. Я смотрю на женщин сквозь розовые очки.

Пора уже писать сказочки про крокодила Гену. И лучше, чтобы там вообще не было героинь, которые в 14 лет уже трахаются с одноклассниками, а в 23 это уже полный атас! Опытные, циничные. Бывалые-перебывающие. Какие там к черту принцы! Вот и блондиночка моя как раз из таких. «Детям до 16-ти рекомендуем....!» Надо разграфить её белый халатик: справа описывать достоинства, а слева — недостатки. Справа стоит — поразительная способность к адаптации. Такая адаптация может быть только у дикарей. Через неделю она быстренько перезнакомилась со всеми соседями, и уже давно делает в квартире уколы и ставит банки. «Даша-севастопольская»! Даже не могу понять, почему, в этой юной докторице меня раздражает решительно всё. Вплоть до того, как она вытирает руки о передник. У меня просто устоявшаяся неприязнь к медработникам! Девчонка мне постоянно дерзит, даже если я не даю повода. А я сажусь на кухонную батарею и абсолютно бесцеремонно её осматриваю — «*A la guerre comme à la guerre.*» Блондинка говорит, что не любит людей, у которых нет в жизни цели. Точное попадание, «бинго»! Я именно из никчемного поколения: старые цели пережиты, а до новых, я, к счастью, не дожил.

Свяжись я с такой особой, мы бы оба задохнулись от тоски. Выход обычно появляется только в сексе. Тогда появляется повод для общения и для последующих разговоров. Разумеется, только о сексе. То есть,

любовников заводят для самоутверждения или, чтобы потом было, что обсудить по телефону с подругами. Я подозреваю, что и в древней Греции любовников заводили с той же самой целью. Чтобы на греческом языке обсуждать типы оргазмов. С той поры добавился только греческий оргазм по интернету.

К докторице сюда уже являлся какой-то тип и заявлял на неё свои права.

Наверное, это и есть муж «объелся груш». Самоуверенный, наглый и ревнивый. Видимо, его бесят все мужчины, которые бросают на неё взгляды. То есть, решительно все. Козлина неопределенного возраста. И в самом влюблённом состоянии должно быть видно, что это за чудак на букву «м». Значит, у неё самой что-то не в порядке! Чёрт его знает, что у девок на уме, когда тащут в Загс своего очередного избранника. Лучше прикусывать язык и их не спрашивать.

К двадцати трём годам все женщины уже прошли хорошую школу с плохими учителями. Как результат: цинизм и при этом крайняя незрелость! Не помогает и советская «мама-завуч в деревенской школе»! Гляжу на дочь и очень живо представляю себе её стальную маман.

В любом разговоре наши прямые не пересекаются. Внешне она довольно хрупкая, но и это обманчиво. Отвечает прямолинейно и всегда какую-то изнанку проблемы, о которой говорить не принято. Зато я знаю что-то, чего не знает она. Что подстерегает любую блондинку через двадцать лет: она будет весить вдвое больше. Мало кому удаётся этого избежать. Но я поберегу девочку и обойдусь без пророчеств. Это, конечно, несчастье, когда тоненькая бледная ива начинает весить сто кило! Их мужьям нужно ставить бронзовые памятники! Мне памятник не грозит.

Но в каком-то смысле, я свою соседку понимаю и жалею: я тоже ищу принцессу. Только образ моей принцессы становится всё более размытым.

Глава 87.

-Гениальность полов не выбирает! Нет, нет, это я не вам! — говорю я уличной торговке. К гениальному выводу про гениальность я пришел, сегодня, когда покупал у абхазской женщины мартовскую мимозу. «Вслух разговариваешь, плохой признак!» — сказала цветочница. Я никогда не видел, чтобы у молодой женщины было сразу столько золотых зубов! Нужно разбогатеть и тоже сделать себе золотой рот! Чтобы уже никто не задавал никаких вопросов! Мимозу я собираюсь подарить, сами понимаете, кому. Первый дружеский жест. Ещё не факт, что от меня она этот пустяк примет. И уж точно отпустит реплику, от которой у меня похолодеет脊на. Не понимаю, чего я к ней привязался?

Видно, для души мне больше нечем себя занять. Я могу написать подробный список дел, которыми я ненавижу заниматься. Но мне не написать и двух строк, чтобы объяснить, чего же я в жизни хочу. В этом мире всё совершается только от неумения себя занять: из-за этого люди едят, пашут на какого-то дядю, спят друг с другом (или с «каким-то дядей»), рассказывают басни о любви. Лишь бы внушить себе, что ты чем-то серьёзно занят. А я серьёзность своей работы никогда не переоцениваю! Особенно в кино. Особенно сейчас. Я совершенно не чувствую, чего же я такое стряпаю! И лучше эту стряпню не пробовать!

Выяснилось, что сценарий документального фильма и сценарий игрового кино абсолютно не похожи друг на друга. Я вечно вляпываюсь в историю, из которых нет нормального выхода. А вывод всего один: не суйся не в своё дело. Большинство людей занимается именно вещами, в которых ни черта не смыслит, и я не исключение! И уже никуда не деться. Формально, я продолжаю писать сценарий по своей повести, но перо само выводит какие-то новые повороты, совершенно далёкие от текста. Мистика! Я открываю рот, как гоголевский Пацюк, и в рот ко мне залетают непрошенные галушки.

Пока я занят решением вопроса: как на минимуме героев и сюжета раскрутить драму. В футболе это называется, как сделать финт на пятаке или на носовом платке. И оживить невнятный текст сценария. Но всё равно получается пресно! Для кассового фильма сценарий должны писать дебилы, и всё будет отлично. Я сам смотрю только фильмы, которые делают американские дебилы. А с интеллектуальными амбициями российского «технолога-лакокрасочника», написать сценарий для миллиона зрителей невозможно. Вот такая западня! Идёшь по лезвию бритвы: или скучно, или пошло. И приходится бить по голове страстями.

А в мирной жизни бурных страстей мало.

Глава 88

Но они тоже случаются. Эту главу я предпочёл бы написать в тайне, в первую очередь, от самого себя. Я не знаю, как это сделать. Произошел взрыв атомной бомбы местного значения. Такого развития событий я не ожидал в самых нелепых снах. Белокурая барышня меня чуть не изнасиловала! *Violentia feminina* — это увлекательная тема, но теории женского насилия я предпочту не касаться.

Я встретил соседку на улице, выпившую и зарёванную, когда она около нашего дома пыталась сесть в последний мартовский сугроб. Сугроб прямо из Окуджавы. Из его левой армянской половины.

«Видна птица по полёту красна девка по соплям». С этим утверждением я, из вежливости, согласился, но всё-таки поднял пьяную красавицу из сугроба и начал умолять её подняться домой. А блондинка твердила: «Сосед пошёл на х@.., никуда идти отсюда не желаю!». Сначала я уговаривал её, потом тащил, наконец, взвалил её на себя и отнёс к лифту. Она оказалось довольно плотненькой, я думал, что она ничего не весит, но это не совсем так. Дальше она категорически отказалась идти к себе в комнату, объясняя мне, что ОН туда заявится, а д-р Аксёнова никогда в жизни больше не желает ЕГО видеть. Этот «ОН» — это собирательное мифическое существо мужского пола, которое прилично зарабатывает, и завязывает презерватив тремя узлами, чтобы кто-нибудь по ошибке не забеременел.

После каждого такого знакомства, я склоняюсь к тому, что мне ближе всего идеи феминисток. Но я пока не могу удосужиться и выяснить, в чём они точно заключаются. Не проверив, записываться туда не стоит. Короче, мне удалось вытащить феминистку из сугроба, а дальше мне ничего не оставалось делать, как только забрать её к себе и положить на свой диван, а самому устраиваться в кресле. И тут она сделала мне непристойное предложение (словами и не только), на которое я вынужден был ответить отказом. Честно говоря, я был польщён. И я понимаю, что всю жизнь буду себя упрекать за ложное понимание порядочности. Какого чёрта отказывать девушкам в таком пустяке! Но не мог я воспользоваться тем, что она такая пьяненькая несчастная дурёха. Хотел, но не мог! И, если можно, я больше ничего я не стану объяснять. Я сел за стол и заставил себя десять раз подряд написать себе записку. Я выводил её каллиграфическим почерком из прописей: « Нехорошо пользоваться слабостью запутавшегося провинциального дитяти! ». Игуменъ Пафнутий руку приложил. Правильнее тоже закавычить. Может быть спящая женщина — это моя тема. Спящая женщина — это моя спящая муза.

Я стал убежищем для соседок, «пряткой» от мужей. Можно себя натренировать на коммунального евнуха.

Глупее всего, что я не заснул ни на одну секунду. Первую половину ночи я ждал, что за ней явится придурок-муж, и я представлял себе, как я буду драться с ним на шпагах. Если я его заколю, то мне придётся на ней жениться! Кюхельбекер наверняка бы заколол и женился! В таком направлении уносили меня её винные пары. Жизнь перемешивается с литературой, а литература с жизнью. Но поступки и образы столпов нашей поэзии и прозы всё-таки для меня понятнее и реальнее образов их героев. Вот А.С.Пушкин, наверняка, начал бы приставать к моей соседке ещё на улице, прямо в мартовском сугробе, взрывая

пушистые бразды! Но я не готов сейчас говорить о Пушкине, я вернусь к нему позже. А вот босой граф изнасиловал бы её в коммуналке, испытывая страшные угрызения совести. И вытолкал бы её на обледеневший балкон, чтобы она его не раздражала, не мешала ему думать и не вертелась под ногами. Недаром его главные героини постоянно лепечут что-то возвышенное с балконов. Фёдор Михайлович от крайнего напряжения лишился бы тут сознания, и бедной фельдшерице пришлось бы его целую ночь откачивать. С желчной гримаской Набокова тоже всё понятно! У Гоголя фельдшерица ни за что на свете не выживет до первых петухов. А члены Союза советских писателей, стройными рядами, сдали бы её первому же наряду милиции, который проедет мимо. Вот какой кавардак может устроить в литературе одна простая русская девчушка из Вологодской области! Но все эти писательские реакции — это, всё-таки, совершенно живые и естественные формы самовыражения. Это куда лучше, чем сидеть и смотреть с обречённым видом в одну точку.

А всю вторую половину ночи...

Глава 89.

МАРТ

А всю вторую половину ночи я ждал, что она проснётся и повторит своё предложение. Но не дождался. Стоило ей ехать в столичный город, чтобы оказаться в этом жёлто-сером сугробе. Сугробов хватает и в Вологде, поглубже и почище! Я не помнил, в какой момент я начал обращаться к ней вслух. Вообще я замечаю, что я действительно начал разговаривать вслух. Это признак надвигающейся одинокой старости. Мой монолог сводился к тому, что, генетически, природа и жизнь выступают против образования женщин. Но вот филогенетически ещё страшнее образование мужчин. То есть, возможно, образование мужчинам и необходимо, но только не в той области, в которой они собираются работать. Иначе из тебя вышибут все оригинальные идеи и превратят в подёнщика с замыленными мозгами. Чего-то такое я в кромешной темноте плёл. Разумеется, моё понимание связано с тем, что я так и не получил в жизни никакого диплома, но, я в какой-то момент с удивлением понял, что никакое образование не делает людей счастливее. Во всяком случае, прямой связи тут нет. Мужиков при этом не жалко, а женщин я бы поберёг. Самые образованные женщины, которых я встречал, были глубоко несчастны, и уж на семью у них точно времени не хватало. Употребить своё образование на пользу семье они тоже не умели. Но всё происходит по спирали, и образование женщин, как недавно стало реальностью, так же естественно, и уяннет. И на кой

черт тогда молодым румяным девкам корячиться и учить начертательную геометрию, вейсманизм-морганизм или *Phänomenologie des Geistes* Гегеля. Конечно, к необходимости образовываться хорошую ручку приложил автор «Воскресения» и «Крейцеровой сонаты». Но это-то и вызывает наибольшие сомнения в правильности современных педагогических идей. Толстой был гением неправильной оценки будущего! И прошлого! Ведь кроме Шекспира, которого он ненавидел, сжигал его книги и плевался, ещё граф презирал геометрию Лобачевского. Считал её верхом бессмысленности. И графа Толстого до дрожи бесил спектральный анализ, к нему он относился как к личному врагу! Непонятно, где граф о нём вообще мог услышать, ведь никакого «научпопа» при стариане ещё не было! Видимо, от своих самых продвинутых крестьянок, от вечерниц и заочниц, которых он называл своим «орудием наслаждения». Больше у меня никаких свежих идей не появляется. Но студентки-бестужевки не успели сообщить графу, что, дай ему волю и власть, на свет никогда бы не появились, ни квантовая механика, ни даже теория относительности! А они-то к «*Géométrie imaginaire*» Лобачевского и к спектроскопии Млечного пути имеют самое прямое отношение! И вот такое «орудие наслаждения», в прошлом из вологодских крестьянок, лежало у меня на кровати. И орудие сладко посапывало. Поэтому меня несло и несло! Видимо, я пытался донести до неё информацию болгарским методом обучения «во сне». Когда-нибудь, через много веков, она проснётся и всё вспомнит. Перестанет дерзить и станет женщиной, с которой легко молчать. Молчание может рождать тему. А может и не рождать. Тогда это просто молчание. Или «молчание о совершенно противоположных вещах». Чего греха таить, чаще всего мы молчим о разном. Ни с кем на свете нет резонанса! У большинства женщин способность резонировать безнадёжно утрачена. И хоть большинство из этого большинства испортили мужики, а это, разумеется, так, но зачем было позволять себя портить? Дальше я молол что-то про отношения полов, и аналогии этому из мира звёзд, планет и из животного мира птиц. Если говорить о блондинках, то конечно, приходит в голову любовь странствующих альбатросов, вернее альбатросок *Diomedea exulans*. Здесь аналогии напрашиваются совершенно волшебные и вечные: есть белоснежные чувства, но только без мордobia, разводов, алиментов по суду и привычного мужского хамства.

— Белокурая красавица ты спишь? — спрашиваю я, на всякий случай.

— Нет, я не сплю, я слушаю про любовь альбатросов. — ответила она совершенно внятно. Наступила неловкая тишина, а потом, видимо, я заснул. Утром её уже не было.

Глава 90.

Март

Если я дотяну, то лет через тридцать я перечитаю свои дневники, и от таких подробностей начну торчать от счастья. Зинка проводит весеннее собрание жильцов на кухне, по поводу замены ржавых труб. «Надо, товарищи, принять решение, по-скольку денег мы будем скидываться на ремонт». Торжество социалистического реализма в отдельно взятой квартире. Обычно я говорю Зинке своё «я принимаю решение большинства», но на этот раз я попёрся на это собрание, по некоторым мистическим причинам.

Но она где-то задерживалась.

И тут пожарник Мостовой убил меня своим вопросом: «А твоя, дома?».

Ну что за народ?! И трёх дней не прошло! Как простой народ всё остро чувствует! «От людей на деревне не спрятаться, Нет секретов в деревне у нас».

Я гордо ответил простому народу, что «моя» дежурит, но я за неё заплачу! На самом деле, народ уже очень сильно меня достал. Всё-таки любить людей намного проще, чем любить народ, особенно свой.

Пора уходить в глубочайшее подполье, в самый Медвежий кут. Чтобы хоть годик вокруг меня не было никакого народа. Ни своего, ни чужого.

А то жизнь пройдёт, и ничего путного не напишешь. А свой главный роман я пока не только не написал, я его даже не успел ещё понять и осмыслить. Потому что голова всё время забита какими-то идиотскими сценариями о бандитских буднях. И к себе в прозу давно не получается вернуться. Я давно задумал роман об одном царе. Царе царей. Из его жизни вытекает вся литература всех веков. Из каждого его шага, каждого слова, каждой строчки. Но мне нужны годы, чтобы с этим справиться. Прежде всего, нужно остановить свою собственную пляску мыслей. Важно никого не видеть. Ни на каких баб ни на секунду не отвлекаться, а уж и Денис, и американцы справляются со сценариями без меня. Своего творческого значения я нигде не преувеличиваю!

Я бы выбрал самую глухую тайгу, но без электричества писать трудно. Значит, надо подводить черту под этой жизнью и забираться в Грецию. Так сказать, к истокам настоящей фракийской Phyllis, превратившейся в миндалевое дерево! Декорации там подходящие, а «янакис, ставракис» и обсуждение оргазмов на греческом языке мне особенно мешать не будут. Буду откладывать деньги весь следующий год и всё к чёрту брошу.

Глава 91.

Март

А.М. Соколов, начальник отдела логистики, было написано на его позолоченной табличке! После 90-х те, кто остался жив, живут хорошо, но для этого очень многих пришлось замуровать. И позолоченные таблички у них не только с фамилиями, но и с датами! Надо признаться честно: если твоё имя пишут на табличках, если у тебя красивые блестящие визитки, то жизнь твоя удалась! В приёмной Утюга сидела длинноногая секретарша! Удар «ниже пояса»! Вот она принцесса моих грёз! Это тебе не фельдшерица скорой помощи! Мамочка моя дорогая, так я представляю себе «мгновение остановись»! Ноги растут от плеч, я давно такого не видел! Мне хватило бы не то, что одной такой секретарши, мне бы хватило даже одной такой ноги! Это не хуже золотых зубов. Хорошо хоть моя тёща не видит всего этого блеска, я уже слышать не могу её бесконечные упрёки! Саня меня ждал: я назвал себя на входе, и он вышел ко мне навстречу, мурлыкая, как котяра. У «Утюга» никогда не понять, насколько искренне он рад. «Енгибарян! Это ты! Откуда ты, бл@..., взялся! Ну как ты, армян? Как ребята?» О чём это он?! Какие ещё на х@.. ребята? «Енгибаряном» меня называл наш тренер! Это была единственная армянская фамилия, которую он мог запомнить. Я всё ждал, что Сашка спросит, зачем я к нему явился! Но он не торопил меня, улыбался во весь санированный рот и не спрашивал. При Соколове всё время находились, какие-то суровые личности с накаченными в залах затылками. Эти амбалы сидели за своими персональными компьютерами, но не знаю, что они там делали. Было не видно. Если судить по сосредоточенности, то смотрели порно сайты или раскладывали пасьянсы. Вряд ли программировали.

Глава 92.

Март

Посещение собрания жильцов было моим единственным осмысленным поступком за неделю, всё остальное было форменной глупостью. Этой весной на моём лицевом счету была ещё глупость в квадрате: ни сном, ни духом не ведая, что Phyllis рулит, и что за историческое прошлое у этой гражданки, я отправил в Калифорнию длинное письмо. Там яsarкастически объяснял, что в нашей культуре давно не принято брать эмейлы литературных героев! И какое-то ещё глумление в том же роде, что не принято просить квитанцию железнодорожного билета у Анны Карениной или брать заключение о смерти у прозектора больницы Святого Пантелеймона. Тон моего письма был действительно

нравоучительным до рвоты, такое на меня изредка находит! Понятно, что никакая американка не станет обижаться на российских недоумков, но я больше всего сердился на самого себя. Да и вообще, саркастические письма — один из самых неудачных способов достичь взаимопонимания. А до женщин вообще никакой сарказм дойти не может! Они будут ещё внимательнее разглядывать строчки вашего письма и искать ваши самые слабые места! Только, чтобы вас побольнее задеть.

Мой продюсер Володя тоже большой молодец: спросил меня, почему, действительно, нельзя послать в Америку данные моих героев! «Кино это очень трудоёмкий процесс, раз так у них принято, почему же нельзя это «зробыть»!

И застенчиво попросил меня в следующий раз обязательно с ним посоветоваться. Потому что всё-таки мы с ним партнёры по бизнесу! Но он не хуже меня понимает, что состоятельная американка на всякую шваль из третьего мира обидеться не может, не так они устроены! Я покаялся и обещал ему быть погибче! Володя уверен, что мы должны показывать Phyllis готовые части нашего сценария.

Но здесь я упёрся и сказал «нет! дуракам пол работы не показывают». Этого можно было и не говорить, целая работа им тоже не подошла.

Глава 93.

Март

Современный бандитский клуб это вам не малина на Лиговке. Предлагаю вниманию проспект: « ...слабосолёным шотландским лососем с укропом и медово-горчичной заправкой, салатом из телячьего языка и жареных лесных грибов, запечённым филе альпийского ягнёнка с томатами и так далее... Оказавшись на нашей летней веранде, Вы вдруг почувствуете себя вдали от городской суэты. Удобно устроившись

на плетеных стульях или мягких диванах, насладитесь блюдами европейской и китайской кухни». З@стрелись! Больше я не запомнил. Ничего особенного, хоть это много выше моих стандартов. И это лучше чем беляши из беспризорной собачины! Нет, я вижу, что вы меня не понимаете! Дело в том, что у Утюга мамка работала билетёршей в Панораме, в зелёном зале, а отец у него — школьный военрук, и ни мать, ни отец про альпийские телячьи языки никогда в жизни не слышали. А их буйный сынишка выбирает между городским собранием и солидной фирмой, и всюду он свой, плоть от плоти, как корюшка в Неве.

— Что ты будешь?

— Заказывай сам.... Держи салфеточку...

— Мерси.

Вот на этой клубной салфетке запросто можно написать всю историю государства российского. Здесь всё: и власть, и рабство, и сильные мира сего, и дворовая челядь с балалайками. Всё это с партийно-комсомольским привкусом и с медово-горчичной заправкой из Евросоюза.

Повара и *maître d'hôtel* на салфеточке тоже на подбор итальянки и натуральные китайцы (*made in China*), и даже официантки сплошь одни «нерусские». Это такая специальная национальность! Скоро ею заселят всю Россию! Отец мне говорил, что в его бакинском детстве так играли в войнушку: были русские и «нерусские». И те и другие были в основном армянами и евреями.

— Посидим как люди! — предложил Утюг, и помахал кому-то в другом конце зала.

Надо было мне в начале девяностых не уезжать, а тоже податься в бандиты, и жизнь пошла бы веселее. Может быть ещё не поздно! Голубая кровь, хозяева жизни! Аристократия х@рова нового времени! *Qualis rex, talis grex!* А так же вся королевская рать! Что ж за страна такая без выбора: «вы за ГПУ или за бандитов?» Нужное подчеркнуть. Я и за тех и за других! Вы мне все любы, жалко, что вы не держите меня за своего! Я даже в ваших клубах чувствую себя как Лев Николаевич Мышкин, обязательно опрокину какую-нибудь бочку с фикусом, но что удивительно, Утюг здесь был просто дома!

От растерянности со мной всегда случается недержание речи. Я дал себе слово ни о чем ему не говорить и ничего о себе не рассказывать, потому что за лишнюю информацию Утюг меня накажет. И сразу же стал вываливать ему и про суд, и про соседа-географа, и про тётку Чарлея. Соколов моментально смекнул, что надо молчать и только слушать! Ещё он вычислил, что я мечтаю «заказать» толстого театрального председателя и весело расхохотался.

— Почём? — спросил он, наконец. всё ещё покровительственно посмеиваясь.
-За три тыщи? — сказал я.

Утюг снова засмеялся. «Вези его сюда, — посоветовал он, — и дай три тысячи китайцам, они его за эти деньги отравят! Подожди, я вернусь, пойду, поздороваюсь с человечком.»

У меня была ровно одна минута успокоиться, и дальше надо было срочно уходить в сторону и вспоминать что-нибудь из комсомольского детства, но я же говорю, что я себя не полностью контролировал. Нужно каждый раз консультироваться с психологом или никогда не оказываться на чужой

территории. Последний раз, больше не буду! Конечно, я сразу вывалил ему и про наш «общий с ним» рассказ, который американцы собираются экранизировать. Тоже за язык меня никто не тянул, и винить я могу только себя. Но Утюг меня гипнотизировал, и мне было не остановиться. Он даже когда улыбается, у меня идут мурашки по коже, а когда он сердится, то лучше никому этого не видеть.

— Иш, ты какой прыткий оказался! — ухмыляется Саша Соколов. — Ну, и дальше чего? Чем ещё с тобой поделился господин Топольницкий?

Если ты можешь промолчать, и сосчитать в голове до ста, то тебя примут в индейцы, но меня сегодня не примут.

Всё, что я говорил «дальше», было лишним. Про соседа лишним, про записи — лишним. Когда я рассказал про публикацию, Саня поднял бровь.

Самой главной ошибкой было что я ляпнул, что искал Валерку и героиню-заложницу, но безрезультатно. Хоть на это у меня хватило ума: сказал «исчезли, как в воду канули!» Он внимательно на меня посмотрел и ничего на это не сказал. Но ноздри раздул.

Ещё я зачем-то дал ему понять, что его самого нашел по требованию американской дуры. «Нормальный ход, не переживай, мы её еще используем!» успокоил меня Утюг.

Время от времени он сообщал мне, что ему нужно «об этом обо всём» поразмышлять и может быть даже кое-с кем посоветоваться.

— И ещё, Енгибарян, я преподнесу тебе маленький сюрпризик! Это совпадение! Ведь и я тоже собираюсь делать кино. Мы с тобой, что называется, коллеги!

— Про что? — спросил я, предельно осторожно.

— Про «селя ви», про шальные годы — какая разница, про что? Про то, что я могу найти деньги на кино и знаю, что и как надо снимать.

По всем пунктам я был на противоположном полюсе: я ничего не хотел снимать и не мог найти на это деньги.

— Может, пока ко мне пойдёшь работать? — задумчиво спросил Утюг, ковыряя вилкой в рыбе. — Ну, смотри! Мне надёжные люди нужны. Но ты хоть понимаешь, чего ты там уже со своим продюсером подписал? Может быть, это вообще пшик! А то есть серьёзные люди, они могут финансировать пять таких картин!

Когда мы уже выходили, Утюг постучал меня по плечу и добавил.

— Если тебя позовут подписывать, то ты с Саней сначала посоветуйся. Очень тебе рекомендую. Чтобы не попасть в какую-нибудь западню... . Мы с тобой

пойдём широким фронтом!

Мы уже начали собираться и вышли мимо швейцара на Стремянную. До метро мне было два шага и мне хотелось поскорее оставаться одному. Было всё-таки чувство, что меня немного изнасиловали.

— По прошлому тоскуешь? А вот у меня никакой тоски нет! Она появляется только с позиции тёплого горшка. Или у тех господ, у которых родители никогда не сидели и умерли своей смертью!

Тёплый горшок — это именно про меня!

«Но жизнь ещё не закончена, — сказал Соколов, широко улыбаясь. — Ещё все успеем сесть!»

— Я тут, скорее, не сяду, а лягу! — ответил я, но он меня уже не слышал.

Странно, что Утюг-Соколов стал реальностью, а не просто строчками прозы. Я вежливо помахал Соколову. Я начал успокаиваться. В спокойном состоянии я ни с кем никуда не хочу идти широким фронтом.

Глава 94.

Март

Сегодня Варга снимал любопытный сюжет: шел снег с дождём, и перед входом в «Петроградку» лежал бомж. Я сразу вспомнил о запечённом филе альпийского ягнёнка с томатами, прямая ассоциация... Сердобольные женщины втачивали его в вестибюль метро, а мильтоны вытаскивали его на улицу. В метро Варге снимать не разрешили, и он снимал только с улицы. Сердобольные женщины каждый раз менялись, а смена станционных мильтонов была всё время одной и той же. Все мильтоны — люди «g», с абсолютно пустыми и жестокими глазами. Одна из милиционеров даже была женщиной. Она кричала Варге, «ты, еврей давай топай отсюда!». Варга не еврей, у него просто интеллигентное лицо. И ему пришлось снимать издалека, с самым большим увеличением. Я подошел в момент, когда отъезжала карета скорой помощи, но они бомжа тоже не взяли. Бомж был насмерть пьяным, смердящим и очень грязным. «Запечённое филе». Дотрагиваться до него было неприятно. Но понятно было, что на улице он скоро замерзнет. Есть на свете какие-то добрые люди, которые готовы возиться с такой бомжатиной, но это точно не я. К тому же нам нужно было уже возвращаться на студию, и мы в последний раз втачили пьяного в метро и ушли. Руки теперь будет не отмыть! «Для кого ты снимал? — спросил я Варгу. Варга — один из немногих людей, с которыми я говорю на «ты».

«Да х@р его знает, — ответил он, — наверное, для себя». Варга иногда меня удивляет.

Когда я подхожу к дому, я машинально проверяю: если у дома стоит «скорая», то значит, что я её через две минуты увижу.

Это по-прежнему совершенно ничего не означает, кроме того, что жизнь моя пуста и ищешь любой повод, чтобы отвлечься. Я замечаю «скорую» ещё со Среднего, от самого угла. Но я не всегда успеваю с ней поравняться: коричневая плюшевая шубка мелькнёт вдали и карета медленно отъезжает.

Глава 95.

Апрель

Знаете, Утюг — оригинальный человек, с ним не скучно. А я больше всего на свете ценю оригинальность, но находиться рядом с оригинальными людьми физически опасно. Хоть, вроде бы, они тебе явно ничем и не угрожают. Спокойнее, когда они угрожают.

Но нет, Утюг встречает меня в дверях своей конторы, а в руке у него моя повесть, перевязанная ленточкой. Мы проходим к нему в кабинет мимо закрытых дверей, и у меня подозрение, что за парочкой дверей сидят боевики в масках. Не могут не сидеть! Знаете, как лётчики-истребители сидят в кабинах на боевой смене. Животом я чувствую, что скоро взлёт. Животом я чувствую, что Утюг призадумался, как бы меня с моим фильмом та-та.

Может быть, я просто приписываю ему такие мысли, но именно эту информацию я считаю с его взглядов, движений и не слишком искреннего тона. Безумно не люблю манеру, когда меня прихватывают за локоток, а Утюг работает на самой близкой дистанции. Для меня — слишком близкой! Но вообще мне нравятся бизнесмены! Мне нравится их стиль: бизнесмену всё должно проносить прибыль! Становление российского бандита-бизнесмена это песня сегодняшнего дня! Это светлый образ телекультуры!

Он формируется у нас на глазах, вызревает как матрос Вакуленчук с «Потёмкина», и готовится сесть в правительственные кресло!

Современный бандюган — это ленинская кухарка, которая обязана хоть немного поуправлять государством! Отдадим ей министерство культуры. Г@вна не жалко!

А жалко, что единственную знакомую мне кухарку, всё-таки трудно представить в роли министра культуры. Потому, что она невероятно маленького росточка. Впрочем, если говорить серьёзно, то министром культуры должна быть обязательно крупная женщина с пышной грудью! И только в импортных лифчиках! Тут мой выбор, без намёка на рекламу, *Verdissima High Seduction!* Министр культуры должен повышать либидо своих деятелей, как китайское

Фужуньбао, как истолченный пенис северного оленя и исчезающей тибетской сайги! С государственной точки зрения это правильнее, чем ставить на эту должность номенклатурного чекиста, который может повысить либидо только у сэра Элтона Джона! А я не понимаю, почему мы должны заботиться об этих сомнительных деятелях буржуазной культуры!

Но мне следует отказываться от штампов: кругом не золотой и не серебряный век, на глазах меняется генерация людей. Не старое время! Дядя Фёдор говорил, что есть словарь «русско-собачий», а есть «охотниче-пастухачий»! Но это для зелёной детворы! А взрослым работникам культуры нужен словарь исключительно бандитско-гпу'шный, и кому-то с этим придётся примириться, а кому-то насовсем «с экрана» исчезнуть. Это и есть прогресс! И это здорово! Ведь и следов культуры Майя на планете тоже почти не осталось.

Мне нравится этот термин — «работник культуры»! От него веет разведённым индолом, карбинольными (-С-ОН) и карбонильными (>С=О) функциональными группами, сложными эфирами и соединениями жирного ряда! ((Вообще, запах работника культуры, как ни странно, зависит от наличия макроциклической структуры, и числа членов циклогексанового кольца. Если их, этих углеродных атомов, в кольце 5-6, то это работник культуры первого звена, сельские клубы, небольшие библиотеки, 6-9 — дает переходный запах, это, так сказать, культурная массовка, но, зато, 9-12 атомов — с запахом камфоры, это уже, приблизительно, скользкий редактор телевидения Останкино, 13 — соответствующий запаху смолы или кедра — почти весь поэтический ряд и весь блатной Мосфильм, второго и третьего поколений, 14-16 атомов углерода в кольце обуславливают запах мускуса, и вот именно тут помещается оригинальный («коренной») Мосфильм, вся Рублёвка и, в основном, руководство многих министерств, в том числе и министерства культуры! Уже с 17-18 членами циклогексанового кольца запах становится особенно неприятным, и я не буду указывать на конкретный род занятий, но интересно, что после 18-ти атомов и более, работники культуры либо вообще не пахнут, либо пахнут очень слабо. А сейчас ячучувствую сильнейший запах форциклимена, имеющего двойную связь в боковой цепочке, и из-за этой пустяковой двойной связи запах делается совершенно невыносимым!))

Я снова отдвигаюсь от Соколова: он, сволочь, потеет и пахнет форциклименом совершенно как раньше, но Утюг придерживает меня за плечо и заявляет без особенных предисловий: «Рассказ нормальный, ничего себе рассказ. Возвращаю на родину с орденской ленточкой, можешь ею торжественно перевязать себе член. Но криминальный фильм тебе из такого

рассказа не сделать, кишка тонка!»

Я забыл объяснить, что наш разговор протекает в середине рабочего дня серьёзной государственной конторы, и мой друг Соколов разговаривает со мной, прохаживается по кабинету, спровоживает посетителей, смотрит на экран, огрызается по телефону и хлопает секретаршу по яблочной попе.

Я стараюсь отворачиваться и не комментировать вслух каждое его действие. Но если закрыть ладонью глаза и зажмуриться, то на ударе по секретарской попе можно было бы и остановиться отдельно! Я вообще за лирические отступления. *Ratio decidendi*, право на лирическое отступление, введено Апулеем и отполировано Мелвиллом — это писательская передышка, когда ты уже совсем исписался и тебе больше нечего сказать. Она особенно необходима, когда ты занят психологией спермацетовых китов, но и Ass spanking тоже имеет глубочайшие корни. Фактически, это единственное действие, которое выделяет нас из мира животных и ставит нас над ним! Этот шлепок — он и намёк, и напоминание, и предвкушение! К сожалению, сакральный смысл этого действия, важнейшего теста на женскую зрелость, понимают не все женщины, но секретарши Утюга всё понимают правильно и очень адекватно.

После такой, ещё одной, секундной передышки я открываю глаза и продолжаю слушать разглагольствования Соколова. Его я тоже представляю себе большим спермацетовым китом.

— Рассказ — интеллигентский. Компрене? Это не комплимент. Откуда в тебе это? Ты же бл@.. был нормальный парень! Материал, о котором ты пишешь, его надо чувствовать. Не в обиду. Зрителю должно быть страшно от начала до конца. Надо так снимать, чтобы девки на креслах писали от страха прямо в кинотеатрах. Правда, Вика? — обращается он к самой обалденной секретарше.

— Правда, Александр Иванович!

— Видишь? И Вика меня поддерживает, а Вика у нас не тяп-ляп, Вика у нас человек с опытом и вкусом! Она видела виды. Она знает, что такое писать от страха! Иди, девочка, принеси нам кофе.

Секретарша, постукивая каблучками, удаляется за кофе.

— Сань, давай лучше без Вики, а то я чего-то нервничаю.

— Правильно нервничаешь, — кивнул Соколов, — тут есть от чего нервничать.

Но, наконец, мы устраиваемся, уже безо всяких секретарш, в очень низких креслах, и Соколов продолжал свою лекцию. В современном кино я сам не понимаю ни бельмеса, но меня поражает уверенность, с которой он вещает. Просто какой-то канал «Культура»!

«Вот так выглядят бандиты новой формации», хочу я пошутить, но шутка застrevает у меня в районе верхнего нёба.

Всё-таки Утюг страшно говорливый, я еле успеваю следить за его речью. «Про Махмуда- седого это тебе кто, Валерка рассказал? Ты его в мёртвые не записывай! Этот ещё может всплыть, если его там в e@.. Ичкерии не кончили. В империи чеченцев!»

Сашка вскакивает, стучит кулаком по столу и снова недовольно садится. С Ичкерией у него явные нелады!

— Трупы врагов надо возить в чемоданах, у тебя их должны быть полные багажники. Но надо их не просто, бл@..., возить, ты их должен возить с восторгом. У тебя совсем нет в рассказе кощунства, а без этого современный фильм снять нельзя. Ты боишься ругательств и надругательств. Это видно без фонарей!

Всё правильно, мне остаётся только кивать и поддакивать.

— Рассказ, предположим, может быть про любовь, хоть это литература для старух, молодая девка про чувства читать не станет. У меня таких знакомых нет! А уж фильмы про любовь точно никому не нужны. Про любовь надо было снимать в девятнадцатом веке! Какая сейчас в та-та любовь, сам подумай! Хочешь, спросим у Вики? Она не секретарша, она у меня референт!

Я дико устаю от встреч с Утюгом, и должен хотя бы на одну главу прерваться...

Глава 96.

Апрель

Сообщаю, что уже довольно долго моя ночной гостья меня избегает. Скорее всего, тоже не хочет идти ни с кем «широким фронтом».

В квартире я д-ра Аксёнову не вижу. И о резиночке розовых трусов я могу только мечтать! Вообще «розовые трусики» это неотъемлемая часть любой натуральной блондинки. Это общее место! Но вот тема цвета женских трусов обычно недооценивается прозаиками! Почему? Загадка. Американские брачные агентства чаще всего делят своих клиенток именно по этому пункту! Это один из первых вопросов, который задаётся в их брачной анкете. И именно по этим признакам находят себе жертв многоопытные брачные аферисты! «Бойтесь красного цвета, не доверяйте зелёному, соблазнуйте чёрному, и не давайте себя обмануть владелицам разноцветных коллекций!» — вот что написано в пособии «Брачная азбука»(New York, 1998), и с этими советами приходится считаться! Но у меня хватает американских проблем и не связанных с цветом трусов.

Последние события — это вообще песня! Я вам всем серцем советую, не старайтесь связать свою жизнь с кино! Это не искусство и это не жизнь, это странный бизнес, где все свои, чужаков там нет, и посторонних людей этот мир обязательно отторгнет!

Снова из Киева взвинчено позвонил продюсер, и срывающимся голосом прорыдал в трубку: « Вона хочэ зминыты имия геройини. Цэ имия сьогодни нэ продается».

Я прошептал в трубку, что сей момент я не могу говорить, что я на съемках.

Пусть молодой человек сперва-наперво успокоится! Через час Володя перезванивает, его всё ещё лихорадит, но я уже готов его слушать.

Беда в том, что я как-то ухитрился отключиться от нашей американской трясины, ми надо долго соображать, на каком я свете. Вспоминать, что я новоиспеченный сценарист, а не только пофигист и бывший химик. Не подходит имя Елизавета? Ну, нет, так нет, было бы предложено. Только не нужно истерики.

Этот продюсер Володя — ещё тот фрукт! Через день он звонит и просит меня приехать. Детский сад какой-то! Американские сценаристы очень хорошо устроились: они по очереди, это называется вахтовым методом, сидят в Киеве и работают над сценарием. То-то меня всегда удивляло, что в американских фильмах под строчкой сценарий стоит жуткая куча народу.

— Непонятно, — спрашиваю Володю, — на что им сдался ваш Киев?

Но у продюсера на всё сразу есть разумный ответ.

— Сценарной группе нужна обстановка, похожая на Россию! Они — настоящие профи!

Володя не добавляет, что профи живут в гостинице его отца, который их кормит и поит. А в Питер американцы ездить осторегаются. Их предводительница «прекрасная Phyllis» боится, что питерские бандиты возьмут её заложницей. Прямо из Пулково!

«Начиталась идиотских рассказов и во всё поверила», — хочу сказать я, но, из осторожности, себя удерживаю.

— Скажи мне по-совести, зачем я тебе нужен? — спрашиваю я продюсера.

— Они каждый день выбрасывают что-то новое из твоей повести! И я не выдерживаю давления!

Вот это мне уже понятно. Теперь переходим к злосчастному имени. Мне тоже раньше не нравилось имя Елизавета. Но я с ним постепенно сжился.

Сейчас мне было уже действительно всё равно. Я бы мог предложить ещё с десяток имён не хуже. Меня бы устроило любое женское имя, кроме имени

«Нина». Нина — это настоящий караул! Это имя опаснее любых красных трусов! Но нельзя всё-таки так легко сдаваться. Хватит того, что мы им сдались в хрущёвский «カリбский кризис»! Надо вести себя так, чтобы этой калифорнийской бабе неповадно было через день что-то менять. Дай им только пальчик, и они отхватят руку по локоть! Поэтому я говорю Володе: « Пока стоим на своём! Скажи, что, по личным причинам, тебе важно сохранить именно это имя! Дуры всегда сентиментальны. Но особенно не настаивай! Пусть называют, как хотят. Пропади они пропадом».

— Только не называй американским именем! — кричу я, вешая трубку.

Лучше бы про американское имя я вообще даже не упоминал. «Не буди лиху, пока оно тихо»: я не ждал подвоха и воспринимал игру с именами как безобидную глупость. Но очередная истощенная телеграмма моего продюсера вернула меня на землю: «Терминово вылитай! Воны хоть зныщицы Елизавету». На всякий случай я переведу с «южнорусского наречия» на наш «северный русский»....

«ВЫЛЕТАЙ!!! Они совсем хотят уничтожить Елизавету!»

Началось! Пошла уже полная кастрация (лат. *castratio*, от *castrare* — оскоплять) рассказа, о которой добрые люди меня предупреждали. Первым об этом меня предупреждал добрый автор «Снегов Килиманджаро». Он советовал писателям никогда не иметь дел с Голливудом. И не брать на главные роли ни Грегори Пека, ни Авы Гарднер. А я его не послушал! Никто никогда никого не слушает- это наша общая человеческая беда!

Не буду никуда вылетать, тем паче «терминово» (что бы это могло значить?), пусть они там все застрелятся.

И вот полный разных мыслей, закипая и чертыхаясь, я через неделю столкнулся на кухне с соседкой. Я даже не успел к этой встрече приготовиться.

Может быть, кроме нас там кто-то и был, но я кроме этой белой копны волос никого больше не видел.

«Привет моралист! — сказала она, не оглядываясь. — Признавайся быстренько, чего я тебе такого предлагала? «Трахни меня»? Угадала? Вот и трахнул бы, чтобы мне была наука!»

Господи, ну что она такое бормочет! Да ещё вслух. Но, видимо, ей абсолютно всё равно. Я с этим сталкивался: заболевание называется «*Sincerus patologicus*». Распространено среди борцов за гражданские права. Излечивается только гильотиной. Я стоял и смотрел на неё во все глаза, потом отвернулся и тихо шепнул: « Доктор Аксёнова, вы всё испортили. Это была лучшая ночь в моей жизни!»

И вот тут она совершила что-то диковинное: подошла, прижалась сзади и поцеловала меня в спину.

Сказала: «Прости меня, пожалуйста, не уезжай только надолго никуда!» и исчезла.

Я ничего не успел ответить. Какая-то чепуха. Может быть, она ясновидящая вологодская ведьма? Но если она это про мою Грецию, то я мог нечаянно трепануться об этом ночью. Не исключено, хоть я этого не помню. Язык как помело. Пока получается слашавый бразильский сериал. И «Дон Педро», конечно, немного влетел, надо честно себе в этом признаться! Меня это обстоятельство не слишком радует, но дело поправимое. Не в первый и не в последний раз!

Глава 97.

Апрель

— Знаешь, Сань, я может быть и не против «Вик», но у тебя такие низкие кресла и такие длинноногие референтки, что очень рассеивается внимание! А как я могу отвлекаться? Ты же даёшь мне профессиональные советы, и я слушаю тебя очень внимательно!

Саня не слишком много внимания уделяет моему бормотанью. С таким же успехом я могу беседовать с графином!

— Сынок, — говорит он, тем временем. — Пойми, ты не обязан ставить фильм сам! Есть специально обученные люди, которые тебе помогут! У тебя пока есть каркас, это уже что-то, будет от чего отталкиваться, а теперь нужно наполнить её криминальной плотью! Можешь ты сам это сделать? Нет, не можешь! Что ты знаешь о бандитах? Ничего! Ты же сам не можешь даже заработать серьёзные деньги! Хочешь, поедем в Чушку, и я тебе по дороге всё расскажу?

-Нет, Сашка, не могу в Чушку. И о криминальном мире знаю мало. В этом ты прав.

— Не знаешь, так узнай. Не х@р делать об этом кино, если не знаешь. Что ты хочешь, чтобы у тебя было плотью сценария? Наркотики? Проституция? Это нормальные отрасли народного хозяйства, которые надо крышевать. Там где бандиты, там у тебя должны быть проститутки. Они ходят парами! Вот это среда, в которой ты должен себя чувствовать как рыба-фиш! А только потом уже заложники-х@южники и дочки каких-то небогатых олигархов, которых держут в подвалах! Без олигархов нельзя, потому что картина будет неполной! Учи, никогда ни бандитизм, ни проституция, ни наркотики не могли бы существовать

без прикрытия каких-то высоких сфер. Кто-то наживает на этом громадные деньги. Ну а делиться-то надо! Вот тебе и сценарий! Как автор, тему выбираешь себе по интересам. У нас свободная страна! Кому-то из писателей нравятся наркотики, кому-то нравится проституция. А отчего они могут не нравиться, сам посуди? И дальше входишь в глубину вопроса! Чтобы ты был знаком с проблемой не со слов, не по наслышке! Ты должен пороху понюхать! Вот ты пишешь «стрелка», но ты не понимаешь, что такое настоящая стрелка! Напомни мне потом. Но проституцией я бы лично заниматься не стал: слишком мало денег и постоянная напряжёнка, жуткий нервяк! И я не настолько люблю шлюх, чтобы посвящать им жизнь, не знаю, как ты! Но совет для настоящего фильма я тебе дать могу: если ты серьёзно занимаешься проституцией, то тебе всю шоблу-@бу: таксистов, чиновников, наркотики, администраторов гостиниц — всех сразу требуется держать в руках! Со всех нормально получать и при этом п@здошибь всех постоянно! Вот для этого тебе нужны или чеченцы, или плотное прикрытие милиции! Так, чтобы администраторы боялись, чтобы у них даже мысли не было съюлить.

— Сань! Милый человек, у меня фильм не про проституток!

— Перестань! Все фильмы про проституток, других фильмов не бывает! И учти, что гостиничная проституция держится на командировочных чиновниках — у нас в стране это самый отлаженный бизнес! О чём это говорит? Ты же ездишь в командировки! И не лепи мне горбатого! Ты что не спал с бл@...? Вот то-то! Мне не нужны твои разъяснения!

Резюме: раз бандитизм и проституция существуют, значит это выгодно власти — арифметика простая! Теперь мы всех расставили по местам. Вот это осмысленный фильм о заложниках. Дело не только в деньгах, дело в принципе! Я тоже не схожу с ума от денег. У меня на этой почве крышу не рвёт. Но чтобы заработать деньги нужно обязательно чем-то рисковать. Без этого деньги не заработать.

Утюг останавливается у окна и кому-то там машет. Это удивительно кстати. Мне удастся вставить хоть слово!

— Мне-то, Сань, чем рисковать? У меня же не криминальные хроники! И потом, Саня, я не пытаюсь ничего особыенного заработать.

— Невозможно сделать хороший фильм, если не хочешь заработать. Об этом я тебе и твержу. Не хочешь заработать, отдай другим! И чтобы сделать фильм про какие-то якобы чувства, тебе, прежде всего, нужен подходящий антураж! У тебя всё слишком стерильно! А зритель любит чернющий юмор! Чёрно должно быть, как у негра в ж@пе. Зритель ждёт чего? Чтобы было по-хорошему

страшно! Вот тогда расцветают чувства! Лучше всего, чтобы ужас проживал с тобою рядом. Жизнь должна соседствовать со смертью. Возьми любой питерский сериал: половина действия происходит в моргах. Ты думаешь, это случайность? Это очень важно для зрителя: их успокаивает сознание, что плохих людей на свете становится меньше!

Честно сказать, меня немного мутит. Всё-таки американский вариант был глупым, но не таким кровожадным! Я думаю, что он насмотрелся Гая Ричи, и теперь развивает его темы на чеченский лад. Конечно, если делать смешно, то всё это обилие трупов воспринимаешь как шутку, но какое это имеет отношение к моему фильму! Или может быть уже не к моему?

-Слушай Саню, сынок! Я тебе не какой-нибудь х@й с горы. Учи, что для хороших людей я очень добрый человек, совершенно не палач и не зверь, но я должен объяснить тебе, как сделать классное кино, про чеченцев и про х@енцев. Чтобы ты шел в ногу со временем, ведь это самое главное? Чего-то ты приумолк!

— Приумолкнешь тут, Саня!

Мне всё меньше хочется что-нибудь снимать. Я где-то читал, что волк, почувствовав, что его сейчас захлопнет капкан, выбирается назад шаг в шаг, след в след. Надо брать пример с волка!

Ещё Соколов говорит, что по сценарию у него тоже есть разные соображения, но практического значения они пока не имеют .

«А чего бы тебе, кстати, русского сценариста не найти?»- добавляет он, почти повторив слова Литвиненко.

Я обещаю Утюгу, что подумаю.

— Не х@й тут думать! Куда тебя подвезти?

-Сань, да я сам доберусь.

— Сам доберешься попозже. Чего тебе грязь месить? Вот прибудут узбеки и таджики, отпидорасят нам тротуары до блеска, тогда будешь ходить сам.

Жалко, что соседка не увидела, на какой машине я подъехал к дому!

Всё-таки я соглашаюсь с Соколовым, и в очередной вариант сценария добавляю восемь трупов. По повести они у меня до конца оставались живыми, но у меня накопилось уже столько разных вариантов текста, что и я сам, и мои легендарные чеченцы в поворотах сюжета совершенно запутались!

Глава 98.

Апрель

Вот вы не знаете, что такое армянская судьба!

Я, к сожалению, этого тоже не знаю, и поэтому повторяю себе перед сном:

кровное родство для меня — святое дело!

Но это в теории!

А на практике у меня живёт родственник по отцовской линии! Тот самый, который хочет стать моим де-факто литагентом, и своей болтовней о литературном успехе он меня уже окончательно задолбал. Представьте себе Фрунзика Мкртычана, но только нос ещё вдвое больше. Нос — просто на пол лица! Что-то среднее между тапиром и сайгаком. Я вообще не понимаю, зачем армян создают с такими большими носами! Я вижу только лишнее свидетельство тому, что армяне принадлежат совершенно другому времени. Потому что на современной Земле такие носы совершенно бесполезны. Их никак нельзя использовать. Их не согреть! Если бы у японцев были такие носы, а вы представляете себе, какая давка в японском метро, то там понадобилось бы вдвое больше вагонов! На такие носы не хватает носовых платков, и я вам скажу, что их даже не прокормить! В смысле, что не их, а их обладателей. Приехал ко мне на три дня, но живёт уже две полных недели. Правда, ходит в угловой Гастроном и сам с удовольствием готовит. В остальное время слушает Боку. Это вам ничего не говорит, вы же не бакинцы! «...осенняя роса на листьях пожелтевых...». И вздыхает. Говорит, что «там уже другой народ, прежними остались только названия улиц». Утешать его я боюсь, я точно знаю, что дядя Артурчик мне ответит. Он скажет, что я не совсем армянин и уже совсем не бакинец.

Строго говоря, города Баку, по которому можно тосковать, на свете уже нет. И Древней Греции тоже давно нет. Пора привыкнуть. И Александрия, где жили египтяне, это не сегодняшняя арабская помойка.

Впрочем, меня трогает эта проблема. Потому что и во всей России похожая ситуация- её стали заселять какие-то новые люди. Во всём, как всегда, виноваты русские бабы! Не надо было им вступать в половой контакт с инопланетянами. Сомнительное удовольствие, а на свет производится на редкость пустая генерация людей, у которой нет, и не может быть, никаких своих ценностей! Но дядя Артурчик, он не из инопланетян. Он земнее всех земных. Могу отпустить его к вам на неделю погостить, будете довольны.

— Ну и что говорят твои товарищи, бывшие бакинцы? — рассеянно спрашиваю я дядю Артурчика.

— Говорят, учи матчасть!

— Слушай, Артур, объясни мне: я всю жизнь слышу этот анекдот про матчасть, что он такое означает?

— Да был такой анекдот, немцы поймали в лесу одного авиатехника.

— Армянина?

— Да, нет, просто авиатехника, не перебивай, пытают его в гестапо: «Рассказывай, русиш швайн, технические характеристики советского Ил-2!». А он божится, что, мол, не в курсе дела! Бьют его день, бьют два, потом он сваливает и попадает к нашим.

— К армянам?

— Нет, просто к нашим! Пожалуйста, не перебивай, дорогой! И те спрашивают, ну, как там в гестапо? А он отвечает: «ребята, учите матчасть: если на зубок знать не будете, то беда, там за это так п@здят, так п@здят...»

Артурчик всё время обещает уехать. Ходит сейчас по нашей квартире и со всеми знакомится. Вчера сказал мне, что «тут у вас блондиночка такая ошивается в вельветовой курточке, тебе надо обратить внимание. Поверь Артурчику, я тебе плохого не посоветую! Эта девочка создана как раз для тебя. » Я проворчал Артурчику всё, что я о нём думаю. Живёт у меня и ещё суется, во что не нужно. Артурчик — это копия деда, западает на всех подряд. Но мой дед влюблялся исключительно в армянок! И не всегда в совершеннолетних! Ещё точнее, всегда в несовершеннолетних! Но бабушки Ануш он побаивался! Уж как она его честила, кричала: «бесстыдник, старому ослу помирать пора, а он девчонок щиплет! Думает, что он и на том свете развернётся! А на армянском том свете, там не забалуешь!»

Глава 99.

Апрель

В воскресенье телефон долго трезвонил в коридоре, пришлось выползать из-под одеяла и самому снимать трубку. Оказалось, что именно меня.

— Енгибарян, прислать за тобой водилу!

— Да нет, Сань, доброе утро!

— Доброе!

— Не надо водили. Я поеду на метро, чтобы не разучиться.

Вцепился в меня как краб. Это вам не романтичная гетера из Древней Греции, тут хватка пожёстче!

Я, действительно, совсем забыл, что мы опять договаривались на выходные, но я решил, что теперь хотя бы не нужно будет решать проблему завтрака. (Как

бы ни так!)

Утюг живёт в громадной квартире в центре города, и хоть он предупредил меня, что всегда открывает сам, но дверь мне, кланяясь, приотворила филиппинка, и метнулась в коридорную тень. А потом уже показался сам маэстро Соколов, обмотанный полотенцем. Филиппинке он меня не представил, хоть я и пытался расшаркаться.

— Успокойся, она не по этому делу!

— Да мы все, Саня, — сказал я, — уже не по этому делу!

-Это ко мне! — прокричал Соколов в глубину квартиры и загадочно мне улыбнулся. Я снова вспомнил эту улыбку. Ничего хорошего она мне не сулила. Так он улыбался на ринге, и у меня снова промелькнула мысль, что Утюг что-то задумал и только прорабатывает варианты. В этот момент произошла ещё одна странная вещь. Я читал об этом только в «Мастере и Маргарите». В жизни так не бывает. В этот момент вдруг я остро вспомнил свою детскую подружку Нельку Кошкину, её запах, губы, всю, коричневые шерстяные рейтзузы. Нам по семнадцать лет, мы уходим с тренировки, а на улице зима, и меня ждёт девчонка Нелька, в руках у неё билеты на последний сеанс в Спартак.

Ещё я успел подумать, что эта проходная история никого кроме меня заинтересовать не сможет. Скорее всего, не заинтересует и саму Нельку. Живёт она себе где-нибудь в «Чикаге», и измеряет рост в футах, а вес в фунтах. А тогда в кино мы сидели на самом последнем ряду и совершенно не следили за фильмом. Ерейкой она уже была, но никаких фунтов и никакого Чикаго не было ещё и в помине. В кинотеатре Спартак стоял дикий холод, и все девки в зале кутались в шубы. И она тоже. Ещё на ней была замшевая юбка и шерстяные каштановый рейтзузы, афигенно тёплые. Ну, такие финские рейтзузы, вы не можете их не помнить! И это было самое тёплое место на всей Земле. Сегодня я отдал бы всё на свете, чтобы вернуться в этот кинозал, и всё продолжалось бы по-другому. На этом видение кончилось, и я стал отвечать на вопросы Утюга. И краем глаза обозревать его квартиру.

Квартира у Утюга — блеск! Громадная мещанская квартира, размером с княжество Лихтенштейн. Эрмитажный паркет прямо от Пиотровского! Думаю, что этот большой делец от искусства сам его к Утюгу и завозит! Большое ему спасибо!

В такой дом не стыдно устроиться полотёром! Я, между прочим, — классный полотёр! И обожаю фильмы про полотёров, правда, я пока смотрел только два: один Данелии и один — братьев Васильевых. Полотёр — это очень философская специальность, но это проявляется только на очень дорогом паркете! Чай был в

порядке, English Breakfast Tea, только дорогой. Саня важно объяснил, что это специальный чай для five-o'clock tea, но пожрать он не предложил, а попросить я постеснялся. И зря!

Я сидел у Утюга часа два, и больше не видел в его Лихтенштейне ни одного человека. Ни жены, ни дочери, ни собаки, ни домработницы из Юго-восточной Азии, ни какой-нибудь заваляющей старенькой тёщи. Куда-то их Саня от меня спрятал!

Тем на обсуждение у Соколова было две: деловая и лирическая. (Разделить темы я так и не смог.) Утюг повторил мне, что он собирается стать кинопродюсером! (Я слышал об этом уже в третий раз, но деликатно и понимающе кивнул головой.) Экранизировать он собирается собственные истории, но пока о саниных планах, кроме меня, ещё никто не знает! (Я удостоился особой чести! Что-то похожее я испытал во втором классе, когда меня избрали звеневым, это одна лычка на рукаве.) Своим коллегам Саша говорить остерегается, потому что они деловые люди и могут не то подумать. Что вроде он меняет масть, а это не так! (Вот это вопрос спорный.) Но поделиться с кем-то из людей искусства нужно! (Совершенно не по адресу.) Я не могу всё-таки понять, какого чёрта меня сюда занесло. Может быть, мне всё это только снится? Может быть, это ещё не настоящая жизнь, а преджизнь, мне просто заранее показывают, что тут меня ожидает. Хоть бы предоставили какой-то выбор, что ли? Если можно выбирать, то я выбираю «против». Я хочу, чтобы мне выпала такая жизнь, где вообще не будет Утюга-Соколова. Но всё-таки это не сон. Слова постепенно отпечатывались в сознании, и самое ценное из того, что Соколов сказал было: «дело не в сценарии, а в самом контракте — я обмозговал это с нашим юристом: если ты подписал контракт только с продюсером, то история ещё не окончена. Учил химию? Отсюда эта химическая реакция пока идёт в обе стороны...» Нет, это совершенно не сон.

Химию я, к сожалению, учил.

«Как бы мне тут в этой реакции самому не выпасть в о...» — подумал я, и поднял глаза на Соколова, и, вы не поверите, он прочитал мои мысли и отвернулся.

Довольно щекотливый момент!

Но мы его проехали, и Утюг начал рассказывать, что он собирается снимать, а я делал умное лицо.

— Я всё могу прекрасно записать и сам —, сказал Утюг. — Но руки очень жёсткие, совершенно не гнутся пальцы, и я пишу с ошибками. А от тебя ничего особенного не требуется — просто запиши мне это в письменном виде. Я могу

нанять для этого и машинистку, но старух я нанимать не хочу, и старухи-машинистки страшно много курят, а молодую машинистку я домой не потащу...

Я зрительно представил себе, как Саня тащит домой молодую машинистку. Она упирается, хватается по пути за водосточные трубы, но Саня неумолим! Главное, что народ всё это видит, но никто эту парочку не останавливает. У нас в Питере живёт деликатный народ. Но вообще-то, если честно сказать, я не думаю, что на свете существуют молодые машинистки. Тут Утюг призагнул! Он мыслит какими-то советскими категориями. С другой стороны кто-то же должен записывать за высокопоставленными бандитами, не все же они закончили МГУ! Как хочется жрать, это только в богатом доме чувствуешь такой волчий голод.

— И мне нужен кто-то типа тебя, скромный сценарист, который не слишком стремится к успеху.

«Это точно!» — сказал красноармеец Сухов.

Утюг — хороший психолог. Он смотрит на людей и прочитывает их суть.

Ещё минут через десять я обещал связать Саню со своим киевским продюсером. Как бы он моего киевлянина не съел. Смотрели фильм Гринуэя: «Cook the Thief His Wife & Her Lover». Там именно такое и происходит. Закоптят его как поросёнка и съедят в бандитском клубе. От голода в голову лезет совершенная гадость, выйду отсюда, и прямым ходом в пирожковую!

Перед моим уходом Утюг с гордостью показал мне фотографии жены и двух дочек — Аллочки и Ирочки. Утюг хороший семьянин, это его прекрасно характеризует. Чего не скажешь обо мне. Я посмотрел на фотографию и сказал, что жена красивая. И дочки очень интересные, просто блеск! Классные дочки! У меня было ровно 10 секунд, поглядеть на фотографию и небрежно вернуть её Утюгу. Я сказал все вежливые слова, которые говорят в таких случаях. Никогда не нужно открываться. Не нужно говорить лишнего. Не нужно проявлять никаких эмоций. Это ключ к всемирному успеху.

Утюг был удивительно удачно женат: он был женат на одной единственной Нельке на свете. На той самой Нельке в коричневых рейтузах, про которую я вспомнил. Дух её, что ли, тут присутствовал, и я его почувствовал. Самое ужасное, из того, что мне сказал Утюг, и эту мысль я от себя тщательно отгонял, что он воспитывает дочку жены, то ли Аллочку, то ли Ирочку. У меня был большой выбор! Неужели она была беременной? Ни слова не сказала. Ни пол словечка. Просто испарилась из жизни и всё. И чего теперь я должен делать? Сейчас закрою за собой входную дверь и сюда больше ни ногой.

Глава 100.

апрель

БУДНИ

Дамира Феттаховна выяснила, что для защиты моих авторских прав, одной публикации достаточно. Только не в интернете, а в бумаге!

Вот оно, это место! Если хочешь свести меня с ума, то публикация «в бумаге» это идеальная тема для обсуждения. Хоть никогда не ходи к тёще в гости! Начнём с того, что я не хочу защищать свои авторские права! Во-первых, они никому не нужны и на них никто не покушается! Я как девственница из Килифариевского монастыря, на которую нет мужского спроса! Во-вторых, нет никакого во-вторых! Но разумному приземлённому человеку, моей исторической тёще, такие простые и ясные вещи не втолковать.

«В бумаге или на бумаге?! — бросаю я ей надменно. — На какой бумаге? На рисовальной двенадцатикопеечной бумаге печататься я не собираюсь! Мне нужна качественная небелёная хлопчатка. А её делают только в Арзамасе- 29, который находится, черт знает где, в тайге, в 2тысячах км. и от настоящего Арзамаса, и от вашей татарской Казани. Этот город наполнен аномалиями, и что он делает с психикой человека, описание не поддаётся! Вы хотите, чтобы я туда тащился? Пожалуйста, я прямо сейчас могу вылететь! Мне не нужно изысков, мне подошла бы и скромная бумага Рембрандта, которую Сассия ван Эйленбюрх отливала ему с личным клеймом, чтобы потомки через 400 лет давились от чёрной зависти! Вот на такое «в бумаге» я ещё могу согласиться, иначе я буду печататься только в воздушной сети! На худой конец, мне подойдёт бумага с водяным носорогом, на которой напечатано «Первое фолио»! Конечно, на Западе есть фирмы, которые за жуткие деньги делают приличную ручную бумагу. Да, она собирается на крахмале, но основой, я надеюсь, что вы, Дамира Феттаховна, это понимаете, остаются волокна! Нет. Вы послушайте! Добавляете туда клей, добавляете пищевой финский крахмал. И какой-нибудь сухой пигмент, он-то и придаёт бумаге белизну! Вы можете взять титановый пигмент, а можете, и это самое смешное, и обычный кокаин, если вам его для бывшего зятя не жалко! Потом, при острой необходимости, вы снова берёте свою ценную бумагу, промываете, растворяете и снова становитесь обладателем кокаина! Можете нанюхаться до смерти! Или моя дорогая интеллигентная теща хочет, чтобы я печатался на простой туалетной бумаге? Так пусть она так прямо и скажет!

Вот две отличные марки прямо в её же компьютере Туалетная бумага Katrin Plus Toilet 240! Артикул: 11281. Двухслойная белая туалетная бумага из

целлюлозы премиум качества в стандартных рулонах. Исключительно мягкая. Особенno рекомендуется для использования в отелях и высококлассных ресторанах». Или вот хорошая харьковская бумага, недорогая, если тёща хочет на мне сэкономить: «Бумага туалетная. Товар от производителя. Туалетная бумага из макулатурной основы. Соответствует ДСТУ 4267:2003. Возможен экспорт».

Теперь переходим, дорогая Дамира Феттаховна, к издательствам! Издательство Блаунта с бумагой с носорогами я уже упоминал. Ни у Сытина, ни у Маркса я печататься не смогу, они, как известно, не печатают армян. А в Посеве и Гранях я не стану печататься сам, потому, что я не в ладах с НТС'овцами. И их всё равно рано или поздно переведут в Москву, прямо на Лубянку! В советских издательствах я не готов печататься из-за первого отдела, а современные издательства, которые все бл@.. на понтах, мне психологически не по зубам. Что у нас осталось? Остаются массовые кухонные изд-ва Москвы и Ленинграда с пятью закладочками на папиресной бумаге и 4 копирочками! Низкий им ото всех нас поклон! Вот все эти издательства назывались «Надежда». Надежда (по фамилии Петрова) на человекообразное государство, но по этой фамилии никого в стране больше нет. «Протяну я Надежде ладони пустые!» А вы говорите «в бумаге»!

— Ты хочешь есть? — спрашивает меня бывшая тёща. — Тогда помой свои ладони пустые и садись за стол. Хватит мельтешить у меня перед глазами. Кухонные издательства тебе не подойдут, а почему тебе, кстати, не напечататься в каком-нибудь скромном литературном журнале. Где-нибудь на Урале или в Сибири? Ты же говорил, что там сидят вполне милые люди?

Это, конечно, можно и нужно обдумать! Платят там чудовищно мало, даже по моим меркам. Долларов по 8 за рассказ и 12 долларов за повесть! Но относятся к авторам невероятно уважительно. Если сравнивать бюджет журнала «Литературная Пермь» и «The New Yorker», то эти 12 долларов гонорара соответствуют 75 тысячам долларов за небольшую американскую повесть, а это, извините меня, вполне приличный гонорар!

Я люблю публиковаться в журналах за пятьдесят шестым меридианом, но ни одним градусом западнее! Проза в них не хуже и не лучше, чем в двух столицах, но в редакторах нет никакой столичной спеси. И они вступают с авторами в переписку и пишут очень хорошие и внятные письма.

«Всё понятно, — сказала тёща, — татарам два раза не объясняют! Вот туда и пошлём!» Когда я уже спускался по лестнице, она проорала мне сверху, что мне обязательно нужен литературный агент, иначе такого «лопуха как ты,

обязательно облапошат!» Все поют в один голос!

— А у меня уже есть литагент! — злорадно ответил я. —

Самопровозглашенный! Как эта сомнительная республика Косово. УЕФА и ФИФА моё Косово ещё не признали!

Кстати, и само «Косово» мне каждый день твердит, что с договором мне торопиться не следует! Я молчал, молчал, наконец, не выдержал.

— Артурчик, — взмолился я, — Счастье моё! Если я дам тебе слово, что без тебя не подпишу ни одной бумажки, ты сможешь, хоть на время, вернуться к себе в Магнитогорск? Тебя семья заждалась! А у меня тут с тобой никакой личной жизни нет!

Редкий случай, когда Литвиненко меня поддерживает! Денис считает, что это не по-товарищески поселять у себя дома родственников. Он не кавказский человек, он не понимает, что значит «родная кровь»!

Но действительно, я подозреваю, что если дядю Артура не торопить, то «родная кровь» не уедет никогда.

— Что он делает дома целыми днями? — в бешенстве допытывается Литвиненко.

Что я могу на это ответить? Слушает армянские песни! Боку!

— С какого ещё боку? — хватается за голову Денис.

Я терпеливо рассказываю Денису, что запомнил ещё две песни, но их-то, в основном, он и слушает. Первая — хорошая песня про маму. Здесь мне непонятно сразу две вещи: кто такие песни пишет и на кого они рассчитаны? Намурлыкать песню я не могу, но слова там приблизительно такие:

«Здравствуй, дорогая головушка седая, здравствуй, дорогая жизнь моя ...» .

Если Денису так уж необходимо, то он может покликать в интернете.

Кстати, эту красивую песню Артурчик слушает с таким скорбным выражением лица, как будто он Яков Шестой шотландский, подставивший под топор свою мамашу, бедную Марию Стюарт.

А вторая песня «про малолетку». «Про малолетку» мне понравилась!

«... с малолетки в лагерях ютился, вором стать, мама-джан, вела меня судьба!»

Отличные слова. Попросил его списать. Особенно хорошо там про судью, «... сынок судьи он ест в тепле конфетку, а меня послали в малолетку!» Эта тема нам с Денисом особенно близка!

Но Денису не нравится наша армянская песня, он отворачивается и скрежещет зубами. Просто какой-то сексуальный серийный маньяк!

Глава 101. НЕДОСКАЗАННОЕ ПУШКИНЫМ

Доктор Аксёнова — спящая царевна. Поцелуешь и пропал! «Я часто себя спрашиваю, зачем я так упорно добиваюсь любви молоденькой девочки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь? К чему это женское кокетство?». Приехали! Вы хоть понимаете, куда меня занесло? Княжна Мери, 8ой класс. Лермонтов бы удавился, узнай, что его изучают в школе! Я даже не говорю будущей докторше, что я сценарист и писатель. Она считает, что я работаю технологом-лакокрасочни ком, и торгую свининой. Для неё это достаточно престижно. Подаёт мне руку. И за одно мгновение я успеваю узнать о ней всё! И понимаю, что старше её ровно на одну жизнь. Жуткая подлость предлагать ей дружбу с эротическим уклоном. По вечерам мы церемонно разговариваем в коридоре. О чём думает она, я не имею никакого понятия. А вот о чём же думаю я, глядя в коридоре на молодую красивую женщину? И вот я снова обращаюсь к писателю, который для меня всё! О чём бы мечтал на моём месте Пушкин? Конечно, и «перси полные томления и ножку чувствую в руках», всё это здорово, но чего-то главного он не сказал! Пушкину жутко не везло! Учитывая, что американские негры считают его своим африканским поэтом, ему, конечно, подошли бы перси и ланиты не Гончаровой, а, самой фантастической на свете теннисистки, Серены Вильямс! Если вы её не видели, то скажу вам, что вот это всем ножкам ножка! Вообще, это отличное занятие для Photoshop'a: подбирать Пушкину невест! Рост Пушкина — вот в чём заковыка! Это один из самых спорных моментов в нашей культуре, потому, что ни тиран, ни гений не могут быть такого крохотного росточка! И всё советское литературоведение дружно приписывает поэту рост 166, 5 см., что опровергает только сам Пушкин! И хоть, вроде бы, Серена Вильямс, обладательница совершенно невероятных шоколадных ног и персей, точь в точь одного роста с Гончаровой! Пусть она тоже ровно на 15 сантиметров выше А.С.Пушкина! Но как объяснить читателям, далёким от спорта, что у сестёр Вильямс именно тот африканский тип и темперамент, который соответствует пушкинскому гению! А практически получается, что реальная муга поэта была размером с Юлечку «Вольмар» (Глава3 строфа 9), с кухарку из дома престарелых актеров, которую мы услали на станцию Дно! И Пушкин был выше нашего министра культуры всего на треть головы! Для гения этого совершенно недостаточно!

Так, про что, конкретно я, в первую очередь, думаю, глядя на.... Про перси и ланиты? Представьте себе, нет! Шрамик на лбу! That's my point! Вот его бы я просто зацеловал. Я не понимаю, откуда он мог взяться. Может быть, моя

ласточка в три года сверзилась с лошади или какой-нибудь деревенский идиот отоварил её пивной бутылкой. У меня разрывается сердце, когда я вижу это изящное создание, у которого в районе височной кости белеет линейный шрам. Настоящим, стопроцентным мачо моей страны такая сентиментальность не придёт в голову. А вот Александр Сергеевич меня бы наверняка понял! И на этом я ухожу из литературоведения в реальную жизнь и фиксируюсь на моей вологодской грубияночке. О чём я грежу, глядя на милое существо в свете сорокасвечевой коридорной лампочки? Смогу ли я в этом коммунальном мерцании углядеть души неясный идеал? Смогу ли я решиться и перейти грань, которую даже светоч поэзии и прозы, камерюнкер николаевского двора, «коснуться милых ног устами!», преодолеть не смог. Когда он писал о персях и ланитах, что на самом было у него в поэтическом уме? Как уловить недосказанное Пушкиным? Как расценить его намёки? Понятны ли они каждой женщине, которая жаждет быть любимой и желанной?

Глава 102.

Май

Чем настойчивее Володя вызывает меня в Киев, тем меньше мне хочется туда ехать. Так я устроен.

Мне в 19 лет на вокзале нагадала цыганка, что «твоя беда ждёт тебя в Киеве!». И я уже много лет старался туда не ездить! Хуже всего, что я цыганке заплатил, это значит, что её прогноз проплачен и должен сбыться. Не то, чтобы я этому до конца верил, но всё-таки всегда чувствую себя некомфортно. Для меня это ось духовного дискомфорта — Берлин, Стамбул и Киев. Это мой «стамбульский треугольник! У каждого человека в мире есть три такие точки: нужно аккуратно соединить их, и в этот треугольник никогда не забираться. Уже третий раз за год туда прилетает одна знакомая американская леди. Вот тогда я отрезаю себя от мира и не отвечаю на звонки. Я точно знаю, что при коммунизме в каждый телефон будет вмонтирован ястребиный глазок, и тогда спрятаться от американцев, даже если ты им лично ничего не должен, будет невозможно! Вот и Phyllis я не должен ничего, зачем же я туда, спрашивается, поеду? Пропади она пропадом!

Она летает как Валькирия над миром, приземляется где ни попадя, а я должен стремительно выполнять её прихоти!

Чтобы просто познакомиться? Но на чёрта ей со мной знакомиться? Я вообще ненавижу знакомиться. Потому что по моему опыту все равно рано или поздно приходится раззнакомливаться. Остаётся два варианта:

Или её что-то потрясло в моей прозе, что очень маловероятно.

Или это её сексуальная прихоть, и я, извините, не знаю, что ей может прийти в эмансипированную голову. Я ведь даже никогда её не видел, только в только в самых страшных снах, и я не понимаю из какого она теста? На кого мне хоть ориентироваться? Это идиотка WASP, White Anglo-Saxon Protestant, или сладенькая полька из Кливленда, или Waki Paki. какая-нибудь Bjork, Hadji или Ping-pang.

А может быть она натурализованная вьетнамка, метиска или кореянка, и родит мне впоследствии пятерых братьев Лю! Чертова расистские стереотипы! Окончательное решение: лучше пусть будет мулаткой и пока вообще без детей. И тогда в фильме можно будет играть цветом актеров, как в Нигерии, где регулярно ставят Шекспира, и в Отелло у них фигурирует единственный белый, вымазанный кукурузной мукой, ризничный местной церкви. Разумеется, он играет самого Отелло!

Явиться к Phyllis «на ковёр» (наверняка синтетический), я должен в отель в Липках, где останавливается стервоза премьерша с косой, а раньше столовался рыжий Лобан со своим киевским «Динамо».

А вдруг Phyllis тоже тайная армянка, и обе эти маньячки сидят, поджав ноги, в номере, расплетают накладные косы и ждут меня!

Если они хотят посчитаться со мною родством, то лучше, конечно, вместо меня, послать дядю Артурчика. Пусть он им споёт про маму! И вообще, на черта мне участие в этом паршивом фильме? Только, чтобы пустить пыль в глаза теще. Ведь в самом лучшем случае, моё имя будет стоять таким мелким шрифтом, что тёща, в своих толстых татарских очках, ничего не разглядит. Мысли, мысли....

Я же даже не знаю, сколько лет этой идиотке и негде узнать. Если она крутила с Александром Македонским, то ей должно быть уже две с половиной тысячи лет! Многовато!

Это совсем не мой тип! Гадаю на ромашке:

Ехать — не ехать не ехать

А, хуже всего, что миллионер Володя оказался ужасным скорбным нытиком. Сейчас он ноет, что я должен лично присутствовать при подписании договора.

— А по факсу не можно?

— А по факсу не можно!

Это по-украински значит, что по факсу нельзя!

Глава 103. май к июню

— Артурчик, ты же не сидел, почему ты слушаешь эту лабуду?

— Я не сидел, но всю жизнь чувствую себя в неволе! — отвечает мне родственник.

И наливает мне 50-ти градусного магнитогорского самогона.

— Чистейший продукт! Как мамина слеза!

Хорошо, что у меня мало родственников: с родственниками можно спиться окончательно. Обещает, что найдёт мне деньги на кино по армянской линии. Я пока никому не отказываю.

Денис тоже предлагает быстренько найти деньги, и самим снять фильм по моему рассказу. «Где я их найду, на огороде?» — каждый раз удивляюсь я. Но Денис уверен, что у нас полно людей, которые готовы вложиться в проект. «Это же малобюджетный фильм! Зачем тебе эти американцы? — возмущённо допытывается он. « Ты не представляешь, что они тебе наваляют. Посмотришь, вместо чеченцев они заставят тебя снимать индейцев!»

Может быть, Денис тысячу раз прав, но я ничего этого делать не умею и никого не хочу искать. И Денис Литвиненко может найти не больше чем я. А вот Утюг может найти всё! Он понял, что повесть имеет коммерческую стоимость и непонятно только, и это единственный вопрос, который меня волнует, зачем тогда ему могу понадобиться я!

Не удивительно, что днями раньше, та же, легко напрашиваясь мысль, пришла в голову моему корешу Александру Ивановичу Соколову.

Глава 104.

Май к июню

Ночью, по памяти, я набросал один из сашкиных рассказов, но мне важно записывать рассказ слово в слово, потому что никакие недостающие лакуны и мостики мне за бандита не придумать. Да и не только за бандита. Я же говорю, что я не только не понимаю, о чём думает моя вологодская соседка, я вообще не могу понять, о чём думают другие люди. Сам себе я могу в этом признаться! Для писателя это страшное неудобство. Я умею приписывать героям только свои собственные мысли. Когда мои герои поступают хоть чуть-чуть неожиданно, «шаг вправо, шаг влево», то для меня это просто шок. Получается, что для меня весь мир моей повести наполнен сплошными пародиями на самого себя, разноцветными клонами с усредненными желаниями, усредненными чувствами и отсутствием всяких страстей. То, что я когда-то мечтал раскроить Малягину черепушку — это не больше чем подростковые мечты! Я даже настоящей кровожадности никогда в жизни не испытал. И залезть в голову к Утюгу, в его

коварный мыслительный процесс, мне очень сложно. Потому что Утюг, это Утюг. Вот он настоящий, а не опереточный злодей. Он, то мягкий, то необуздано жестокий! Конечно, Сашка ещё и мой однокашник и всю жизнь ложится спать рядом с очень порядочной женщиной, которую я любил. Но пропасть между нами заключается в том, что для него чужая жизнь никакой ценности не имеет. Я допускаю, что в Утюге живёт нисколько совершенно разных Утюгов: один добрый Утюг, совершенно плюшевый Утюг, Утюг-политик, а рядом Утюг-мародёр, и ещё один Утюг-людоед! И перескакивание происходит совсем без участия главного Утюга, Утюга- координатора. Ну а как тогда жена юности, которая с ним живёт? Или женщина, это и есть главный пульт, от которого зависит переключение Утюгов? Вот всё это для меня является загадкой и вы, конечно, спросите, как с такими убогими мыслями можно считать себя писателем, но ответ намного проще, чем вы думаете. Но я его не знаю. Я даже не знаю, с какой буквы мне прописывать всех этих Утюгов, с большой или с маленькой! Если вам нравится тыкать пальцем по клавишам, то вот вы и писатель! Не хуже любого сноба, который надувается, редактируя журнал Звезда, и важно называет себя рафинированным литератором. Вот Утюг хочет быть кинописателем, значит он и есть кинописатель, а я для него только микрофон, воронка! Сегодня Утюг диктует мне свои понятия о «стрелке», но кто из нас писатель, я или он, это вопрос? Скорее, всё-таки он.

РАСШИФРОВЫВАЮ ЗАПИСЬ УТЮГА...

...Центровая «стрелка» — это дипломатический протокол. На серьёзную «стрелку» нужного человека вам могут доставить даже из строгого заключения. За определённые, разумеется, деньги. Он вам разведёт «стрелку» и отправится обратно, к себе «домой», в зону. Такая «стрела» может быть в конце переулка дедушки Крылова, где, во-первых, мусарня, и ещё поблизости императорский и жандармский театр! Вот там-то в екатерининском садике уже лет двести всегда до х@я мусоров! Но сегодняшние жандармы по своей воле никогда в жизни к бандитам не подойдут! Они прекрасно видят, что приехала братва, и понимают, что если что-то будет не так, то вот их-то тут найти в центре города — никаких проблем! А у всех бандитов паспорта поддельные, если они вообще есть, и х@й их найдёшь! А мент всегда как на ладони, слишком он уязвим. И за устную благодарность этого пидора-мэра, мент подставлять тут свои яйца никогда не станет. Но, в реальности, на такую х@йню как центровая «стрелка» ствол с собой никто из пацанов не потащит. Потому что тут ты просто не будешь им пользоваться. Конечно, если у тебя припасён где-то крыше снайпер, где-то на крыше мэрии, то это уже совершенно другой расклад. Но это начинается уже

дистанционная работа, а не то, чтобы ты достал ствол из кармана и начал громко пулять! А хороший снайпер в Питере, конечно, на вес золота. К своему счастью, снайпер обычно и сам не знает, кого он валит. Но и снайперы, хоть они находятся в относительной безопасности, но и они тоже не вечны! В исключительных случаях, когда приходится убирать всех, убирают и снайпера. Но это уже область политики. А я в политику не лезу. Чиновников убивают чаще всего за то, что они брали деньги, но не выполнили обещания. У чиновника могло просто-напросто не получиться, но деньги он при этом уже не отдаст. Он же не идиот! И отстрел чиновников — обычно не больше, чем акт справедливого возмездия...

.....

Да, через двадцать лет на планете не останется вообще ни одного человека, который будет уметь писать рукой.

Профессия писателя не будет с этим даже ассоциироваться: покупаешь себе машинку будущего, думаешь в неё, и она тебе выдаёт совершенно готовый текст, особенно если ты обкуришься или нанюхаешься какой-нибудь дряни. Тогда текст выйдет ещё и в розовых или в лиловых цветах. И успешным писателем будет тот, кто просто сможет больше нанюхаться! Но мне, до этого светлого будущего, ни за что не дожить. А вот Утюг наверняка доживёт, Утюг может даже жить вечно. «Если ты прополз в Питере через девяностые годы, то тебе отмеряно ещё ровно пять жизней!» — говорит Сашка Соколов. Вот в чём разница между Утюгом и мною. Пускай, я выступаю сегодня в роли стенографистки, но зато слепок соображений, которые находятся в голове у прибандоченного члена ГС, для истории Земли ценнее, чем дневник Малюты Скуратова или поток сознания второстепенного фараона Тутанхамона..

Глава 105.

Из моей переписки с Phyllis

.....Russians assume that the whole world is interested in their cultural problems.

But, Dostoevsky is long dead, and the rest of their problems don't quite compare with the problems in Tibet or in China's two northern-most provinces.

In any case, this seems to be the consensus among contemporary American movie-goers.

And they are not exactly eager to pay money for the privilege of seeing Russia's strange problems on the screen.

No one wants to hear about the Russian mafia.

I've seen several films by one director — considered one of Russian's best — and there's a marked lack of dynamism. Instead, the actors spend a lot of time suffering and melodramatically looking at one another. ((Русским кажется, что весь мир безумно интересуется их культурными проблемами. Но Достоевский уже умер, а остальные проблемы ничуть не важнее проблем Тибета или двух северных провинций Китая. Во всяком случае, так звучит мнение американских кинозрителей. И платить деньги за то чтобы увидеть странные русские проблемы они не хотят. О русской мафии никто не хочет даже слышать. Я видела несколько русских фильмов их лучшего режиссёра — там очень мало динамики, актёры много страдают, и пол фильма мелодраматически смотрят друг на друга.))

Глава 106.

Май к июню

Ошеломительная весть, что наша калифорнийская умница хочет выкинуть из фильма Джульетту, меня просто потрясла. Достоевский, конечно, умер, это очень точное наблюдение! Но молодая нация дебилов вполне в состоянии и в Уильяме Шекспире отцепить Джульетту от Ромео, кажется, что-то такое я уже у них видел.

Действительно, Володя повторяет мне раз за разом, что в сценарии, и об этом его специально просили американцы, герои рассказа не имеют главного значения! Не имеют! Надо зарубить себе это в башке! И американские господа просят в фокусе держать именно чеченцев. В «фокусе-мокусе»! Лучше бы я стал писать им о якутах. Банда якутов похищает американскую девушку! Тоже якутку. И прячет её в иглу в Анкоридже, прямо за телевышкой, среди диких эскимосов. Бред, конечно, но лишь бы вообще не касаться Кавказа!

Но когда дела доходят до худшего, всем понятно, что они могут быть ещё хуже. Phyllis снова побывала в Киеве, и была не очень довольна, что она меня там не встретила! Ведь она хотела лично объяснить мне, как у неё и у группы сценаристов получается (через ж... кувырком), что центральной фигурой фильма должен быть юноша-поэт! И это ещё полбеды! Выяснилось, что Наташка М. переводила мою повесть с какого-то из предварительных вариантов, и там, кто-то из своих, из боевого чеченского отряда, называет поэта «пидорком»! Оп-ля, приехали! Может быть, кто-то его так и называл, но, я вас уверяю, называл в совершенно противоположном смысле!

Phyllis поняла это выражение дословно и сделала его голубым! У них в Древней Греции это было в порядке вещей! Я не понимаю, на черта им там были

нужны поэты и гетеры! А наш поэт и в жизни, и в тексте всем на свете мешал и раздражал, потому что он всё время торчал рядом, и герои долго не понимали, чего же он тут вертится. Потом уже стало ясно, что ему от героев нужно, но слушать или читать его монотонную поэзию в наручниках было нелепо и страшно.

Тем более, что большинство стихов было на чеченском, но русскими буквами, и только часть была на двух языках. Теперь уже на трёх! И вот у американцев, вместо моей прекрасной Елизаветы, всплывает идиотский поэт! Есть от чего скрежетать зубами! Суп из топора. Моего не осталось уже ничего. Икс целых ноль десятых.

Нужно кончать всю эту бодягу с кино. Хоть бы они скорее выкупили у меня мою долю, тогда я уеду во Фракию и буду целый год жрать одни чёрные маслины.

Несколько дней я ходил и размышлял.

Если они пойдут мне навстречу и изменят «цвет» поэта, то я за это сделаю из моей заложницы природную американку, но только «баш на баш»! Мне тут только не хватает гомосексуальных чеченцев!

Хотел бы я посмотреть на Пушкина, если Чайковский предложит ему сделать Онегина или Ленского голубым!

Тогда у Пушкина в романе вообще всё меняется: и дуэль, и мотивировка убийства, и никакая Татьяна, «любила русскую зиму», на фиг уже никому не нужна, что, собственно, у нас, в конце концов, и вышло.

Я рассуждал так:

Героиню я быстренько перекрою на американский лад, придумаю ей папумиллионера, и всё получилось очень веригудски. Phyllis будет довольна! Поэта открутим назад, сделаем не «розовым», не «голубым», а просто бестолковым деревенским пидором. И придумывать детали будет не так противно!

Получается очень складно: на горе отцу, американская студентка с копной белоснежных волос, пахнущих ромашками, увлеклась левыми идеями, и даже заставила батьку, солидного бизнесмена, взять её с собой в поездку в Рашу, где её подло похищают российские товарищи по бизнесу! Я покрываю её тело крупными ирландскими веснушками! Над каждым кусочком тела я работаю очень тщательно.

Отца сделаем настоящим рыжим ирландцем, заставим его упражняться в слагише. Будет вонять морем, Дублином, всеми этими каклз и маслз с тележки, которыми, если вы помните ирландский фольклор, торговала Моли Мэлоун!

И, наконец, криминальная канва: доверчивый ирландский капиталист

участвует в отмывании грязных денег троицы российских олигархов! Я им приготовил ещё ту троицу: русский, еврей и татарин! Дружки «не разлей вода»! Чтобы успокоить Phyllis я намекнул, что наивный батька-ирландец о финансовых преступлениях совершенно не подозревает! (Ха-ха, я прекрасно знаю ирландцев, это ещё те прохиндеи!) Что дальше? Бедную американскую героиню удерживают в плену в подвале, и рядом с ней болтается пьяница — переводчик. Вот тут, действительно, очень деликатное место: ни один американский режиссёр не станет снимать роман американки с человеком из третьего мира, поэтому я умерил свою прыть, и всё получилось исключительно невинно. А самое главное, я дословно выполнил просьбу Phyllis и ни разу не позволил горе-переводчику дотронуться американочке до «трусиков»! Я даже ещё не придумал, какого они были цвета! Думаю, что их вообще не было и в помине. Ахеянки тоже никогда раньше не носили трусов: Менелай за это и поплатился! А американская девчонка была жутко продвинутой и презирала условности! Но всё равно нечего распускать руки! К концу сценария я вышибу всю левую дурь из девкиных мозгов. Она у меня будет проходить мимо портретов Ленина и Маркса, и её будет передёргивать от отвращения! А потом я отдам мою ласточку бизнесмену- отцу, и пусть проваливают overseas! Пусть ищет ей там достойную пару! Даst объявление в Vanity Fair, и пусть ей найдут красавца из The Four Hundred Club.

Русского алкоголика из жалости оставим жить! У него тут будет хорошая компания. Но навсегда откажем ему во въездных визах во все страны Запада. И Востока! Даже в КНДР! Охрененное наказание! Дальше пусть придумывает эта идиотка, ведь это всё целиком её идеи, я их только развил, а я уже пальцем больше не шелохну! Но всё только на обмен! Бизнес значит бизнес!

Думаете, она пойдёт на такой обмен? Фигов-восемь, она на него пойдёт. Вы плохо знаете американцев.

Глава 107.

Чёрт меня дёрнул обещать Утюгу, записывать его бандитские истории у него дома. Я отнекивался, сколько можно! Объяснял, что встречаться нужно на нейтральной территории, что я ненавижу чувствовать себя бедным родственником. И мне на людях ничего толком будет не записать. Но Утюг-Соколов это наглядный пример, что за люди рождаются в год Быка. Сдвинуть их невозможно! Утюг промычал мне, что дома у него ни души, а без банальной травки он в высокие сферы погружаться не может.

— Какой у тебя тариф, армян? — спросил он.

— Какой у меня тариф? Как у филиппинки! Построчно! Да никакого у меня Саня тарифа нет. Какой там на x@... тариф. Я же не Марина Маринина. Я пишу в своё удовольствие!

Я не договариваю Сане, что и у меня свой интерес!

За его спиной оставалась неведомая сеть, связанная бандитской партийной дисциплиной. Знать бы, до каких высот она тянется. И в какой стране сидит их главный бандитский спрут. Но если я начинаю заглядывать так высоко, то у меня начинает кружиться голова. И не только в этом я вижу свою задачу. Но Утюг рассказывает только то, что он хочет рассказывать, а я воробышком в навозе собираю нужные мне крохи. Ещё я отдаю себе строгий отчёт в том, чем я сейчас занимаюсь. Я учусь писать. Может быть, это умение мне больше не пригодится, может быть я никогда больше не издамся, да и плевать. Важнее уметь! Соколов думает, что я собираюсь работать на него, а я не собираюсь долго общаться с бандитами, но во всём криминале живёт проза. Как золотой песок в руде. В прилизанной жизни, в жизни в рамках социалистической законности, нужной мне прозы нет! Абсолютно пустая порода. Это парадокс! А по любому криминальному адресу золотоискатель может наведываться с кайлом! Саня рассказывает мне про наркотики, а я слушаю, но думаю при этом только о своём! О том, что проза, капризная проза, проживает только за гранью закона!

«....кокаин, армян, вообще не является психостимулирующим препаратом! Это просто стимулятор. Если ты внимательно смотрел “Pulp fiction” и считаешь, что Ума Турман чуть не отправилась на тот свет от кокаина, то ты должны посмотреть ещё раз: она по ошибке бабахнула не кокаин, а чужой героин, цапнув его у Джона Траволты из кармана. Вот это нормальное кино, у нас сценарии пишут всякие пришмандовки, а они такого написать не могут. Не могу тебе его сейчас предложить, дал жене слово и вообще я до Нового года в завязке. Виски ломит, ни x@... от врачей определённого не добиться. Но суть в том, что кокаин совсем не психоактивное вещество. Знаешь, почему он запрещён? Только как слишком мощный стимулятор! Набабахавшееся население может захотеть сделать что-то хорошее, но может и что-то плохое, поэтом кокс всюду под запретом. Марадонна долбил до самого конца, попробовал бы он показать такой гениальный футбол без кокаина. Вообще любой спортсмен, который подозрительно быстро бегает — он точно обдолбаный! Но пока суки-большевики и зюгановцы не сделали на нём революцию, кокс вообще считался вполне безобидным и был разрешён во всём мире. А уж в Петроград его свозили целыми баржами. Он не стоил практически

ничего. Раньше в Неву можно было затащить сто тонную баржу с кокаином! Вот это была жизнь! На ~~х@р~~ тогда было ехать в какой-нибудь Амстердам! Но потом совершенно обдолбанный комиссар Белышев шмыльнул из Авроры по Зимнему, и это было уже такое «чёртзнаетчто», что в Европе кокаин стали запрещать. Нормальный человек этого бы никогда не мог сделать. Нужно было упороться просто до зелёных соплей, чтобы бабахнуть из крейсера по царскому дворцу. Но после кокаина тебе всё становится по колено: нужно до Гатчины дойти пешком — дойдём и быстро! Минус тридцать градусов — а тебе не холодно. И у тебя всё время переизбыток энергии. Если ты нормально набахаешься, то тебя просто рвёт на части. Ты готов всё делать. Ты не чувствуешь боли. Ты готов идти под пули и у тебя при этом чистая голова. Или можешь один выйти на роту спецназа. И тебе это будет только по приколу. Будет казаться, что это обычная компьютерная игра! И ты будешь двигаться до последнего, даже если тебя тяжело ранят. Пока не остановится сердце! И даже в этом случае тебя хватит еще минут на десять!....Ты меня не слушаешь, армян! Для кого я рассказываю?...»

«Да слушаю я тебя Утюг, я тебя слушаю кожей, я пропитываюсь твоей бандитской психологией, но когда я начинаю имитировать твой текст, всё равно слышится явная фальш».

На сегодня урок закончен. Саню нужно определить доцентом в литературный институт имени Максима Горького, ему там самое место. И дать орден «За заслуги перед Отечеством»! За что дать? За заслуги!

Наконец мы стали собираться. Я открыл дверь в прихожую и опешил. В прихожей стояла женщина и недовольно морщилась. Саня шумно заорал своё: «а я думал, что тебя до вечера не будет! Мы тут с приятелем посидели!»

Слышно было, что Утюгу было неловко, и он своей жены побаивается! Это правильная постановка вопроса!

— Честно, я не ждал её до вечера, Енгибарян!

«Юрий и Нелли!» — представил он нас друг другу.

Женщина кивнула и прошла по коридору к себе в комнату. А я оделся и ушел. На улице я бы её ни за что не узнал. Когда-то, лет сто назад, это была тоненькая девочка Нелька, а сейчас по коридору шла богато одетая баба. Не толстая, но, действительно, очень солидная, с грудью, с попой, со всеми делами. Такая как регистратор из ЗАГСА, не Киса Воробьянинов, а знаете, такие гражданки в белых воротничках, которые во Дворцах бракосочетания держат тронную речь! К счастью, мадам Соколова на меня даже не взглянула.

Глава 108.

Май к июню

Phyllis позвонила мне на мобильник, в тот самый момент, когда я вошел на эскалатор на Василеостровской. Эта была первая неудача в ряду неудач! Передаю нашу беседу!

Разговор начинается с того, что она меня хвалит, восторженно что-то выкрикивает, говорит мне, как всё складно теперь получается! Я не могу вставить ни единого слова! А что я ей должен на это орать на всё метро? Вести торговлю? Менять как Корчной с Каспаровым белокурую королеву на голубого слона? Кругом час пик, люди стоят на всех ступеньках, и столько же едет навстречу. Я не могу позориться и говорить с ней при всём честном народе о сказочных, нетрадиционных чеченцах! Может быть, вам такое под силу, а мне нет! К тому времени, когда я поднялся на поверхность, моя партия была уже проиграна!

Дальше я пошел вдоль седьмой линии в поисках уединенного mestечка у помойки, чтобы не орать по-английски при свидетелях. Моими свидетелями были только помоечные коты. Седьмая линия это какое-то скопище дореволюционных котов! Больше котов я встречал только у Пирамиды Цестия в Риме. Но лучше быть навсегда вот таким кошарой породы «русская голубая», чем выслушивать эту дуру. Раз чеченский поэт будет таким же голубым, то дальше мне было уже совершенно всё равно. Пусть пишет что хочет. Какое мне, в конце концов, дело? У богатых свои заботы! Шумы, помехи, снова какие-то реверансы в мою сторону.

Моя американская девушка ей подходит? Отлично! Но по жанру, она не может быть влюблена в русского, но в чеченского поэта она влюбиться может! Тоже прекрасно! Ей трудно объяснить это по телефону, но Дженифер хочет, чтобы чеченский юноша-поэт был влюблён в переводчика! Если я понимаю, что она имеет в виду! Я понимаю, я очень веригудски понимаю!

Только-только я начал выстраивать чувства пьяницы-переводчика и дочки бизнесмена! И ломал голову над последними штрихами в их характерах.

Но я совершенно не ожидал, что героиня начнёт испытывать влечение к чеченскому юноше. На его роль мы планировали самого Самьюэля Джексона, который обычно в фильмах играет негров. Но роль голубого чеченского поэта ему пришлось бы сыграть впервые. Phyllis сказала по телефону, что Сэм вообще раньше не играл голубых, только чёрных. Слышно было не очень хорошо. Эта гадина треплется со мной, когда сидит где-то в пробках. И определить её возраст мне снова не удалось. Может быть, она вообще молоденькая девушка. Но с

очень хриплым голосом. Или она долго ночью «долбила» колумбийский кокаин и писала, а под утро просто объелась охлаждёнными полуфабрикатами из морозильной камеры.

С кого же мне писать этого идиотского переводчика и идиотского поэта? Я не желаю быть прототипом ни того ни другого! В действительности трус-переводчик жутко боялся гранаты, всегда висевшей у поэта на поясе, и переводил стихи исключительно халтурно и только по требованию экзальтированной американки. Правильнее сказать, что это был даже не перевод. Он молол несусветную чепуху, вспоминая, абсолютно известные вещи типа «ту би о нот ту би», и надёргивая из Burns'a и из Keats'а всякое Give me women, wine, and snuff

Untill I cry out "hold, enough!", хоть никакого «wine» в мусульманских стихах принципиально не могло быть!

Американка почти сразу узнала это «ту би ор нот ту би»- потому что сдавала это «ту би» в технологическом колледже. Но ей не пришло в голову, что переводчик переводит не дословно. Я, между прочим, думаю, что и граната была учебной, и вряд ли его опытные товарищи доверили бы поэту боевую гранату, понимая, что это за нервный придурок. Это вообще идиотизм, доверять поэтам гранаты! Всех своих знакомых поэтов я бы вообще держал в смирительных рубашках. Вы спросите, собственно, а что я такое тут рассказываю. Ведь в действительности ничего подобного в реальности не было. И с этим я тоже вынужден согласиться, но это очень тонкий момент. В первой книге царств, глава 23, есть такие стихи: «И сказал Давид: Господи Боже Израилев! раб Твой услышал, что Саул хочет прийти в Кеиль, разорить город ради меня.

Предадут ли меня жители Кеиля в руки его? И придет ли сюда Саул, как слышал раб Твой? Господи Боже Израилев! открой рабу Твоему. И сказал Господь: придет.

И сказал Давид: предадут ли жители Кеиля меня и людей моих в руки Саула? И сказал Господь: предадут.»

Вот, было это или нет? Удачный пример альтернативного будущего в прошедшем. Оно было, но не на полном материальном плане. И Саул, разумеется, являлся в Кеиль, и Кеильский горсовет совершил своё подлое предательство! Но происходило это в параллельном времени! И точно такая же история с моим придурком поэтом и его учебной гранатой. Но вот последний вопль Володи по телефону был абсолютно материальным!

Звучал он так:

«Вылетай! Вылитай нэгайно! Прошу як людыну. Первым литаком. Оплачую

вси квитки первым классом».

Всё «первым»... первым мы не летаем!

Не по рангу!!!!

Я не понимаю, как меня угораздило вообще вложить в рассказ эту тетрадку со стихами?! Как они мне все уже надоели! Чего-то и Володя притих. Может они и его уже кокнули! На этот раз гадать на ромашках я не стал.

В тот самый момент, когда Володя уже отчаялся меня заполучить, я намылился в Киев.

Глава 109.

Июнь

Рассказ «лакированного» бандита прямого отношения к моей повести не имеет.

Надо признаться, что существуют такие рассказчики, которых я слушаю, у меня глаза округляются до размеров чайных блюдцец. С такими глазами я мог бы сыграть первую собаку из сказки «Огниво». Всё-таки я не Шолохов и не Арбузов, почему же я присваиваю чужие тексты? Попытаюсь это объяснить. Я их не присваиваю, я запускаю их в небо. В «Мёртвых душах» есть вставной рассказ, который я никогда не понимал, и единственное внятное объяснение, которое я слышал, что рассказ этот написан не Гоголем. Это очень важный для меня факт, потому что я тоже даю трибуну человеку, который никогда раньше не печатался. А так как вряд ли он читает перед сном интернет журналы, то о своём дебюте он может никогда и не узнать, на что я очень рассчитываю! У Хармса есть такие строчки: «Державин был уже очень стар. Однажды ему жутко захотелось спать. Он приехал в Лицей, уселся в кресло, и на воспитанников Лицея смотрел недовольными сонными глазами, потому что они страшно шумели! Но когда, вдобавок, вышел ёщё и Пушкин, и звонким голосом начал читать свои стихи, Державин просто озверел».

Публикуя «рассказ лакированного бандита», я чувствую себя стариком Державиным. Плыви же по реке проза будущего, пусть твоего автора ждёт завидная судьба!

ВСТАВНАЯ ГЛАВА

Я засиделся за компьютером и скурил за ночь всё, что у меня было. Но я вспомнил, что в машине, в кармашке двери у меня лежит косячный Беломор. И я вышел во двор

Во дворе стояла моя собственная, ёщё не растаможенная, машина. Но я был

уже законным полугодичником и имел все права на растаможку! Я честный советский гражданин, не какой-нибудь гандон, который продал родину и не вернулся из-за кордона, и за это, бл@..., родная власть дала мне право растаможить свою машину в семь раз дешевле! Это прекрасная надёжная тачка! Я даже успел вступить у неё на капоте в половой акт с одной хорошенькой, тоже советской, гражданкой, на обочине московской трассы, вы не поверите, дело происходило зимой! Где-то под Колпино! Нам активно махали с трассы, но я был в боевом состоянии, героиня была на героине, и что поделать, если мы северные люди, и у нас дикие нравы. Одним словом, мне было совершенно всё равно. Хоть если бы сегодня меня попросили повторить этот подвиг, то я бы, наверное, призадумался. Пылкость — это скоропортящийся продукт! В любом случае, эта машина была по всем законам моей, да я и купил её, чтобы просто на ней доехать до Петербурга и тут её побыстрее вдуть. И мне бы очень не хотелось, чтобы какая-нибудь сволочь по ошибке её украла.

Так вот, Беломор — это очень удобная конструкция для забивания косяков. Я точно знаю, что компания «Малборо» много лет хочет освоить производство Беломора, но у них нет толковых специалистов. Они, суки, не понимают принципа производства папирос. А принцип простой: если это простая шалюга, то никакого табака вообще не нужно! Для шишечек немного табака всё-таки потребуется, а если это гашиш, то нужно много табака, желательно фабрики Урицкого! Берешь маленькую плюшечку и раздербаниваешь её равномерно среди пролетарского табачного мусора! Раньше продавались и пустые гильзы! Раньше много чего было пустого! Знаешь анекдот: что было, бабушка, раньше, курочка или яйцо? — Раньше, внучек, всё было!

А сейчас — это уже не «раньше»! Сейчас я смотрю, как какой-то молодой амбал ковыряет замок моей пассажирской двери, где как раз и лежит «Беломор»! Думаю, что открывание было на нулевой стадии, потому что у пассажирской двери в семёрке нету вставки в замок, но этот придурок увидел, что в машине стоит штатная заводская магнитола, а она кодированная, как мои сотрудники атаманы Хромой и Бритый! И оттого, что она кодированная, у неё мигает штатная лампочка сигнализации, которую мудак, к несчастью, заметил.

Я ему сказал, «Дружок, ты, наверное, перепутал, не в свою машину полез!» Но вместо того, чтобы как все нормальные люди быстро убежать, этот идиот на меня попёр! И я стукнул его по коленке, и он подскользнулся и грохнулся. А пока он вставал, я так слегонца накатил ему в челюсть. Сильно бить — всегда очень опасно. Один хороший удар и ты разбиваешь себе руки в кровь. А мне завтра вечером работать! И если ты ему рыло разобьёшь в кровь и себе собьёшь

руки, то от него ещё можно чего-нибудь подцепить! Как говорят в вендинговых автоматах: какую-нибудь «трасичуху»! Триппер, сифилис, СПИД, чуму и холеру! Или что-нибудь в этом роде. Он же не с медицинской карточкой в машину ко мне лезет! Он может быть больной всем, чем угодно. Поэтому серьёзные люди всегда бьют в перчатках! Профессионалы покупают куртки с длинными рукавами, чтобы рука была в рукаве! Хорошо быть кастетом, ещё лучше бить ломом!

Я не ставил целью сделать его инвалидом, я просто хотел, чтобы он сел на жопу и передо мной извинился. Мне не нужно его убивать: я тут живу, кругом ночь, на х@й мне нужно это кровопролитие здесь устраивать! Я же не маньяк! Я в шлёпанцах, в тренировочных штанах, в майке. Накинул пуховичок, пробежался по лестнице, и тут такие страсти! И снежок кружится, но ни в одном окне, кроме моего, не горит свет. И я ему тихонечко сказал, что он перепутал: «паренёк, тут ни одного BMW вокруг!» А во дворе, как назло, одни Запорожец в углу, Москвич стоит погибший, Жигулёнок и всё. Путать не с чем! И стоит моя огромная семёрка. Но этот амбал, почему-то полез на меня с кулаками.

Здоровый такой ПТУ-шник! Я думал, что после моего удара пацан придет в себя, и конфликт будет исчерпан! Но ничуть не бывало. Пока я осматривал дверь, в которой он ковырялся, он встал на ноги и снова на меня попёр. Я ему говорю : « Дружище, успокойся!» И дал ему уже нормально ногой в пузо.

А сам на шаг отошел назад. Оказалось, что ещё недостаточно. Он только распалился, рожа у него красная, мороз на улице, пар идёт из ушей! И я уже сам не рад. И нечего кроме ножа с собой нет. Нож есть, и я могу его, конечно, зарезать, но не режут людей у себя во дворе под своим собственным окном. Самое глупое — это вот так по-детски, по-тупому, попалиться на хулигане. И ещё на малолетке. Вот о чём я успеваю подумать. Если он уедет в реанимацию, то мне, конечно, будет нехорошо. Сколько ему лет тоже спрашивать неуместно. Чтобы я с ним ни сделал, но я уже в отсвете! На х@й, бл@.., мне это всё нужно! Мне даже завтра будет не растаможить машину, которую нужно срочно растаможить и продать. Палево со всех сторон! Свалить в Швецию я успею, но потом неизвестно, когда удастся вернуться в Совок. И жена Нелька меня съест, она это может! Да ещё я с МИД-овским паспортом. Тоже ещё морока! И всё из-за чего?! На ровном месте такой геморрой! Я вообще не хочу с ним драться, я презирую до него дотрагиваться. Я хочу, только, чтобы он успокоился и уполз. Может быть он просто пьяный? Или начинающий? Это называется, я приехал из Швеции навестить свою Родину, и так, бл@.., вляпаться. Ах, не нужно было мне возвращаться!

Я, по своей природе, человек очень злой, но не кровожадный. У меня такого не бывает, что планка падает в голове, и я, пока крови не насосусь, как упырь, не отвалюсь! Когда эмоции начинают доминировать, в этот момент человек становится неадекватен, и лучше себя туда не отпускать. В состоянии аффекта можно накосячить по тяжёлой, поэтому я стараюсь всегда держать себя в руках. И кровь на меня не действует. На многих она действует: видят много крови и понесло! Кукушка закуковала! И запах крови, оказывается, противный. Это тебе не бокс! Но переносить его можно. Я даже от этого запаха не блюю, зато, когда кровь сворачивается, это что-то ужасное. Г@вно, по сравнению с этим, просто ромашка! И все эти мысли очень ценные, но с этим ублюдком мне нужно что-то немедленно делать! И пока он в очередной раз упал, я схватил его за волосы, намотал их на руку, и со злости треснул его головой по своему хромированному бамперу. И когда он немного обмяк, я перевалил его на спину, уперся ногой в ключицу, достал из кармана выкидуху и загнал ей лезвие прямо в ноздрю. Всё-таки он меня немного разозлил. « Если ты, сука, сейчас не утихомиришься, то я тебе прямо сейчас отпилю башку! Я это сделаю!» И тут я увидел, что он меня понял. У него появился дикий ужас в глазах, и он начал орать на весь двор : «Помогите! Не убивайте, пожалуйста!» Представляешь, он мне сказал «пожалуйста»! Тут я дал ему пенделя, и он с жутким визгом убежал в арку. Представление закончено. В это время повалил снег и машину запорошило. Через пять часов мне нужно было вставать и ехать растамаживать эту злосчастную тачку. Похоже, пора было с ней расставаться. Но если я дёшево покупаю, я дёшево продаю! Я — человек не мелочный! На такую машину только таможня стоит 4 тысячи, а мне это будет стоить всего 600, и машину уже ждёт покупатель.

И вот я, не приходя в сознание, вспарываюсь утром и улетаю на растаможку, загоняю машину на склад таможни и бегу платить в кассу свою льготную сумму. Идёт неторопливый снежок, я бегаю, проверяю документы, проверяю свои реквизиты, отдаю в окошечко деньги, спускаюсь в ангар к машине и вижу, что перед моей машиной столпилась небольшая толпа, и все чего-то обсуждают! Я подхожу к ним, не понимаю, в чём дело и вижу, что у меня перед машиной огромная лужа: талый снег, стекающий с капота с алой кровью! И кровь ПТУ-шника крупными каплями капает с бампера! Приехали! Чпок, чпок! Это отлично смотрится на светлом бетонном полу! «Я говорю, вы позволите мне выехать?» Они молча расступаются, и я оттуда выстреливаю. Отличный денёк! Надо покурить! Я звоню моему другу издателю Ларику, который живёт тут рядом. А Ларик, вместе с некоторой братвой, владеет на Карповке небольшим

художественным издательством! Через несколько минут я заезжаю к нему домой, чтобы взять его с собой. Меня с Лариком когда-то познакомила одна молоденькая проститутка Ве рка, которая просто патологически любила е@@ться! Даже для хорошенькой проститутки это было чем-то совершенно удивительным! Она была школьной подружкой Ларикиной жены, с которой этот издатель недавно развёлся. Теперь Ларик живёт один вместе со своим второклассником сыном. По дороге мы заезжаем к знакомому барыге, который работает банщиком на Юго-Западе, и подторговывает гашишом. Там мы покупаем нормальный кусок «ручника»! Ларик говорит банщику свои волшебные слова «если н@@бал, убью!» Но это явно натуральный продукт. Никакого ацетона, всё замастырено узбекскими ручками! Мы жарим в предбаннике по плюшке, наполняемся счастьем, и решаем ехать с ним с дымом из ушей прямиком в художественное издательство! Его издательство не может существовать без Ларика! Это очень гуманно, потому что не только читателям, но и настоящим писателям тоже нужна крыша! Чтобы их, образно говоря, не на@бали! Чтобы они получали деньги по договору, чтобы конторы не палились, чтобы вас, писателей не кидали, и издательство, которое заключило договор, не исчезало вместе с рукописью!

Собственно, в нашем краснознамённом государстве договор много лет был пустой бумажкой, а для того, чтобы любая деятельность продолжалась, должны были встретиться два бандита и дать друг другу слово! Всё решалось на авторитете: надёжно и удобно! Сейчас этим начинают заниматься мусора, но Ларик стал издателем в дикое время, и он нашёл своё место! А вообще Ларик — нормальный хороший боксёр, настоящий панчер. С сильным ударом, бьёт очень резко! Как все нормальные бандиты любят быстрые машины, красивых тёлок и наркотики, причём в любом порядке.

Поливаю я себе с Лариком по Московскому шоссе, с самого конца, с Юго-Запада. И вдруг я замечаю, что за мной, под жёлтый на хорошей скорости проскаакивает «Вольво» и пристраивается ко мне в хвост! Только что её не было и непонятно, откуда взялась! Какая-то х@йня! И это мне начинает не нравиться! Не нравится, потому что мне от неё никак не оторваться! А я еду быстро, типа 150 по встречке. И я еду без номеров, а если человек так едет, то сразу понятно, кто он. Номеров нет, хоть машина уже вполне легальная, просто я не успел поставить её на учёт. У меня на это ещё двадцать дней. Да и штраф за нарушение регистрации всего 30 рублей, сумма анекдотическая. Но тот, кто едет в «Вольво», про мою сегодняшнюю растаможку не знает, для него я просто обычный бандос! При этом «Вольво» держится за мной очень плотно, и уже

довольно-таки долго! Номеров не видно, боковые стёкла тонированы наглухо и, через лобовое, непонятно, кто же там за рулём. Ясно одно, что раз машина едет, то там внутри кто-то есть! И километров десять «Вольво» меня не отпускает. «BMW» — отличная машина для того, чтобы погоняться по городу, она и поворачивает и тормозит хорошо, в десять раз лучше Мерседеса. Но это не похоже на простые гонки! Пасут или меня, или Ларика! Хорошо бы понять, кого! И я не понимаю, откуда хвост ко мне присел, или по поводу денег, или по поводу наркотиков? А мы только что купили такой нормальный кусок, за него нам уже могут припаять! Сбрасывать пластилин тоже жалко. Но если это поливают за мной, то это серьёзные люди, и автомобиль серьёзный, это уже не просто там какие-то черти! Едет кто-то, кто понимает, что у меня 35ый мотор, и что я очень быстрый. И в таких смешанных чувствах я на Фонтанке провожу эксперимент. Напротив Балтийского завода я начинаю ехать под кирпич. Если «Вольво» поедет за нами под кирпич, значит, она конкретно идёт за нами! И я во все глаза смотрю в зеркало, а Ларик повернулся всем телом и тоже смотрит назад.

И вот тут мы видим и понимаем, что чувак на «Вольво» ехал просто по приколу. Его Вольвуха навсегда уходит от нас налево, на площадь имени товарища Ильи Репина! Вообще говоря, я думал проехать под кирпич метров сто пятьдесят, до бензоколонки ПТК имени Кумарина. Но этого как раз и не случилось: я не успел отвернуться от Вольво, как раздался небольшой бабах, у меня капот домиком и пар из-под капота! Приехали! Я попал на деньги: подо мной же машина, которая с утра успела стать чужой! Я уже за неё доллары получил и даже успел их про@бать! Ой, как нехорошо. И я выхожу посмотреть, в чём там дело, я ведь даже не видел, в кого я убрался. Я выхожу и смотрю: лобовое стекло цело. Уже хорошо. А то оно клеёное, надо переклеивать, а это большой геморрой. Крыло почти целое, загнулся краешек. Нет капота, нет бампера. Фара цела, и в это время с другой стороны из тонированного джипа в кожаной куртке с выворотом, в пропитке, в тренировочных штанах выходит такой пельмень! И начинает своё «слышь, ты что вааще!» Я ему говорю: «Дорогой мой человек, такая широкая проезжая часть, я аккуратненько еду справа, неужели ты не мог меня обехать?» Разумеется, если бы он выехал с бензоколонки, то он бы неминуемо меня обехал, но он ехал прямо по Фонтанке и прямо, по-тупому меня шендерахнул. При том, что я ехал с дальним светом! Это у Бимера горят четыре глаза, еще две противотуманки: не заметить меня было нельзя! Надо было быть или полным идиотом или совершенно сознательно в меня впилить! Дескать, я крутой бандит, ты едешь под кирпич, и сейчас от

меня получишь!

И, действительно, он на меня, бл@..., попёр, не дошёл всего одного единственного шага! Но тут из «бимера» выползает Ларик и вроде бы смотрит пристально на капот. Весь во внимании! А Ларик такой небольшого роста, кругленький, уверенный средний вес. И он выходит поинтересоваться, что же такое с машиной. Но потом руку вскидывает, а в руке у него домкрат! И бьёт парня всколызь по затылку! Мастерски так его звезданул: тот сразу, с первого удара ушёл! Упал и лежит. И я думаю: «Господи! Ещё один придурок за последние восемь часов, что же это за кучность такая!» Я говорю : « Ларик, зачем ты так?! Может быть это нормальный человек! Человек просто разнервничался!» А Ларик говорит: « Да ладно ты, расстроился! Человек косит под непростого. Слушай, кругом никого нет, давай его за ноги, на х@й, и в Фонтанку!» Уже стемнело, и перед нами как по заказу чёрный, незамерзающий кусок Фонтанки, там ещё рядом 22-ой автобус делает круг. Соблазнительно! На х@й его под лёд, как Распутина! Ларик, между прочим, имеет наработанную привычку нагнать в ж@пу холода. Но сейчас он говорит серьёзно. И, конечно, он прав: в Фонтанку — безопаснее всего. Ларик серьёзный парень, он не фраер, кончил политех! Хорошо учился, спортом хорошо занимался, вообще старательный парень! Всё, за что берётся, делает хорошо и основательно! Высокий IQ! И Ларик, кроме всего, профессиональный издатель! А человек-то наш вроде бы в сознании. Даже, кажется, всё слышит! И, в свою очередь, говорит: « Слышите, пацаны, я, короче, всё понимаю, не надо в Фонтанку! Давайте нормально краями разойдёмся!» Похоже, действительно, что это не бандит, а просто косит под этот образ. А может быть, у него просто нет с собой оружия. Но всё как нужно — в кожаной куртке, в тренировочных штанах, на джипе! На улице как раз стояло время, когда имидж работал уже сам по себе! Это сейчас, с тех пор как автоматная стрельба на улицах прекратилась, люди сразу же очень распустились! Хамят, почём зря! А раньше стоило сказать «слышь ты!» и, если он не такой же, как ты, а просто обычный лох, то он сразу всё понимает и идёт своей дорогой! Потому что это уже ясный наезд! А если с той стороны такой же, то он отвечает: « Ты только мне «слышь» не говори...». Так вот я Ларика уговариваю: « Ларик, вот видишь! Нормальный парень, всё понимает, зачем его в Фонтанку!» А Ларик отвечает мне вполголоса: «... а джип бы продали на запчасти! И окупили бы тебе ремонт! А ты слишком добрый, поэтому у тебя и денег никогда нет!» Ларик к своим очень внимательный человек, ну нет, так нет! Тот чувак ещё лежит и шепчет нам, лёжа : «Пацаны, давайте, я вам помогу, до стоянки вас доташу!» Действительно не бросать же

здесь эту колымагу! Пацан помог нам верёвками и повёз на платную стоянку на Пряжке. Потом посмотрел на нас и на «бимер» без номеров. И спрашивает, а «как же вы так ездите, даже без номеров!» А я ему говорю : «Вот так и ездим!» Так и расстались, без «до свидания!».

А машина-то оказалась на ходу! Не очень там много и чинить пришлось: бампер погнут, низ крыла подмят, да фары разбиты. Конечно, от удара мог сдвинуться передний мост, но это уже не моя забота.

Глава 110.

НОЧЬ ПЕРЕД КИЕВОМ

Завтра днём мне уезжать в Киев. Надо кому-нибудь позвонить и послушать живую человеческую речь. Но я совершенно не понимаю, кому. Все люди, чьи номера я ещё помню, чудовищно удивляются, услышав в трубке мой голос.

Можно позвонить 060 и послушать точное время «20 часов 44 минуты». Очень славная женщина из сказки Андерсена начитывает металлический текст, но она ни в какие разговоры со мной не вступает. Д-ра Аксёновой нет дома.

Если до утра моей докторицы не будет, то я уеду не попрощавшись. Может быть, и к лучшему. Я прочитал, что жена известного автогонщика, после аварии, пожертвовала ему почку. Я не могу представить себе, что я приму от кого-нибудь почку. Лучше я сдохну! Но вопрос-то ещё и в другом: существует ли на свете человек, которому я сам смогу отдать почку, две почки, три почки! Меня, даже от самой мысли, начинает познабливать. Ну, хотя бы одну! Смогу ли я отдать одну свою почку вот этой женщине, которая перед самой полуночью открывает входную дверь и стучит каблучками по коридору.

— Девушка, попейте со мной чайку, — говорю я ей, высовывая голову из комнаты. — а то я сейчас сдохну. А мне завтра предстоит серьёзная операция по удалению лишней почки. Обещаю, что не буду приставать.

Она смотрит на меня как-то очень обречённо и говорит:

— Этим ты меня не испугаешь! Но я очень устала. В программе только чай. Я чувствую, что и от чая сразу засну. И дай что-нибудь поесть, ну хоть бутерброд. Иди, пожалуйста, поставь чайник, товарищ химик, умираю от голода! Я пока переоденусь.

Семейная музыка! Я давно не слышал такого женственного текста! Задеты мои самые чувствительные струнки. Она это тоже чувствует и сразу пытается отработать задним ходом! Господи, как я люблю эту её лукавую улыбку. Она бросает мне через плечо:

— Хочешь, я ещё к чаю приглашу Зинаиду? Только жирную пищу не готовь, она снижает эротические чувства!

Хорошо бы в неё серьёзно не влюбиться. Но я ещё пока абсолютно контролирую каждое своё слово!

Я ей такую Зинаиду приглашу, что мало не покажется! Но это она так шутит! Зинка сегодня работает, и мне можно особенно не волноваться.

У Высоцкого было в песне, что следователь стал его «главней». Как это произошло, я не понимаю. Женщины мгновенно улавливают, что они стали главней тебя, и могут заказывать музыку. Невероятная чувствительность. Выше чем у летучих мышей!

Я нервничаю. Я страшно трушу. За чаепитием я начинаю манерничать, говорить, что я наврал, что я химик, «она ведь слышала от соседей, что я перепродаю свинину». Моя красавица отвечает, что «слышала, слышала! Больше свининки не осталось?» Самое противное, что я такой человек, что обязательно всё изуродую, самое лучшее свидание. Я дрожу от страха, а она шутит.

Господи, как легко разговаривать с женщинами, которые для тебя ничего не значат, и как невозможно сказать хоть слово в простоте, во всех остальных случаях. Язык парализован. а она это чувствует и начинает меня поддразнивать.

Чтобы мою гостью порадовать, я совершаю суровое мужское действие и разжигаю камин. Я заметил, что потрескивание дров действует на девушек магически: все сразу клубочком сворачиваются в кожаном кресле. И теперь у меня есть повод молчать и просто слушать, что девчонка там полусонно болтает.

— Разве армянам можно есть свинину? — спрашивает она. — Ведь мусульманам нельзя? Можно я буду называть тебя коммивояжером по свинине. Я же должна что-то написать маме: я встречаюсь с нацменом, коммивояжером по свинине. Класс!

Дать ей в глаз что ли? Это именно та любовная сцена, о которой я мечтал. Если честно признаться, специально из-за этой деревенской девочки, этой Ольги и Татьяны Лариной в одном лице, я изучил три сайта Академии знакомств, и теперь точно знаю, о чем говорить и о чем не говорить на первом свидании. Я теперь знаю, как начинать скоростное соблазнение, как подводить девушку к нужной теме, используя профессиональную невербалистику и кинестетику, и как тренировать первый поцелуй и объятия с помощью спецоборудования! И ещё три очень важных формулы: что женщины расценивают свое тело как товар, что все женщины категорически не отличаются смелостью, и очень важно на

свидании у себя дома сказать: « Мне надо срочно принять факс из Улан-Батора! »

Зато, на первом свидании нельзя говорить о своем здоровье, о бывших девушкиах, об автомобилях, категорически нельзя использовать сленг программиста!

Записывайте!

Разговоры о сексе лучше оставить на будущее, потому что потом говорить будет больше не о чем!

Можно говорить о кино, (но я совершенно не понимаю, что о нём сказать — идиотская тема!), о женском спорте (вот это запросто!). Я могу рассказать ей про женский гандбол (это плюс), но нельзя рассказывать про бывших девушек (это минус), и таких противречий множество, мне с ними не справиться! И ещё в руководстве Академии знакомств было что-то, ну самое важное, что навсегда избавит вас от посягательств на ваш кошелек, но я абсолютно не помню что! Обещают, что если ничего не перепутать, то с этого места начинаются самые головокружительные романы!

Вместо этого у нас получается какая-то хрень! Межнациональное свидание на тему свинины, фестиваль дружбы народов. Д-р Аксёнова говорит, что она не знала, что армяне не нацмены!

— И не нацболы? А кто же они? — и щурит тёмные ресницы.

Я только отмахиваюсь от неё рукой! Слушай, кончай дурить!

(Я смотрю на себя в зеркало её глазами: там отражается частично нацмен и частично нацбол! Может быть, в постели она будет называть меня коммивояжером по свинине, девчонка абсолютно непредсказуема.)

Ещё на первом свидании нельзя спрашивать, «почему ты развелась?» И я решаю, что это самая подходящая тема для нашего взаимопонимания.

— Почему ты развелась?

— А ты?

— Я первый спросил! Или начни лучше с другого, сколько лет ты была замужем? Два года? И что тебе нового открылось в твоём любезном за эти два года. Он тебя лупил? Изменял? Жалел денег? Поступил кандидатом в правящую компартию? Из-за чего вдруг нужно забираться в засранную коммуналку к пожарникам? Ну чего ты пожимаешь плечами?

— Не знаю, что ответить. Не бил, не изменял. Не хочу называть скучные причины. Всего понемножку.

— А когда ты выходила замуж, ты этих причин не видела?

— Всё, давай о чём-нибудь другом... чего ты пристал?

— Давай о другом!

Поразительно невинное свидание!

Зинка и сосед-школьник со своими немытыми дредами нам бы тут совершенно не помешали. Есть еще одна деталь, которая приводит меня в недоумение, и я боюсь в неё поверить: она дразнится нацменами и при этом смотрит на меня абсолютно влюблёнными глазами. Она сумасшедшая что ли? Может быть она нимфоманка? Её надо госпитализировать. Я ненавижу, когда на меня смотрят влюблёнными глазами! Я теряюсь. На стене висит моя любимая картинка с голой негритоской, и мы по очереди на неё поглядываем.

-Слушай, почему ты такая влюбчивая?

— Угу, — виновато соглашается она. — Это катастрофа! Это как раз ответ на твой вопрос, почему я вышла замуж. Останавливай меня, если можешь. Хоть чуточку притормаживай!

На это я рассказываю ей, что по делам еду в Киев, и мы потихонечку расходимся.

— Хочешь, я тебя провожу на вокзал? Помогу нести свинину!

— Отконвоируешь? Ты же из Вологды! Ты слышала когда-нибудь про «вологодский конвой»? Я уж как-нибудь доберусь сам.

— Я буду заходить, пока тебя нет, чтобы посидеть в кресле.

— Ключ всегда под ковриком..

Мне хочется дотронуться до её кожи и девочку погладить, но боюсь её спугнуть.

Может быть, следовало немного «поприставать», но я дал ей слово, и не понимаю, как его нарушить.

Она стоит в дверях и обдумывает последний вопрос.

— Ты это ты? Или ты просто притворяешься.

— Знаешь, я сам ещё не знаю. Лучше я ещё немного попретворяюсь...

-Только смотри не заиграйся.

Глава 111.

Середина июня

ПРОБЛЕМЫ МЕТАФИЗИКИ

— Слышишь, армян, ничего тебе не нужно подписывать! Алё! У тебя там какой-то треск в трубке...

Это внутренний голос протрещал мне в свободное ухо: «ОПАСНОСТЬ!». Мои ангелы не дремлют! Меня только раздражает, что мои ангелы ничего два раза не повторяют. Их формализм меня просто бесит! Скажут и улетают по каким-то

своим метафизическим делам. Конечно, их надо понять: даже если не брать Китай, не брать бандитскую Москву, а взять какое-нибудь Мехико, то там проживает 30 миллионов человек. Не хухры-мухры! Предположим, у каждого человека по 3-4 ангела, теперь умножьте 30 миллионов на сколько считаете нужным, и вы поймёте, что там за неразбериха со всем этим ангельским воинством! А есть же ещё и Ахальпан, Ахихик Атликско, и Атойак де Альварес, и Атотонилько ель Альто, и Ауалулько де Меркадо, и Аутлан де Наварра и дальше по алфавиту! И вы понимаете, что в той же в Мексике на все *espaldas mojadas*, на их «мокрые спины» свободных ангелов может и не найтись! Даже, если их там пасётся сто миллионов на крохотном пятаке!

Вот уже восемь веков схоласты ломают копья, решая проблему, «сколько ангелов уместится на кончике булавочной головки», но такого ангельского перенаселения как сейчас, во вселенной никогда раньше не было и не будет.

«Ох, ни х@ра себе!» — сказал бы Томас Мальтус. — Даже я, в своей теории жизненного пространства ангелов, такого не ожидал!»

И вот ещё беда: предположим, у вас есть пара своих, прикормленных ангелов! Все остальные ребята с крыльшками у вас как бы «на полставки». И тут важно, с кем из смертных вы делите этих своих ангелочеков! От этого, и только от этого, в вашей жизни всё и зависит! Сообщаю вам из самых достоверных источников, как это там, «у них» делается!

Общий ангел, чтобы не мотаться, просто столкнёт вас лбами с нужным ему человеком, своим же клиентом, и с этого момента вы оба у него перед глазами! Никуда за вами ему не надо летать, отныне за вас у него не болит его эфирная голова, и это всем по-ангельски понятно. Вот только по этой единственной причине и завязываются все отношения на свете, от простого знакомства до самой близкой дружбы! Стоп! Но тогда, пусть чисто теоретически, возможен вариант, что и у нас с Утюгом самый третий из ангелов — общий. Один на две монады разного порядка! То есть, мой ангел защиты кричит мне ОПАСНОСТЬ, а что он же в тот же самый миг нашептывает Утюгу никому не известно.

Боюсь даже, что при жизни, нам с Утюгом этого до конца не уяснить.

В известном смысле, у нас с Утюгом есть ещё и общий материализованный ангел. Таких ангелов в учебниках биологии помечают женским крестиком. Такие дела!

Но это только теория, а на практике, у богатых, конечно, своя порода ангелов! Через ворота «Игольное ушко» обычный ангелочек их не протолкнет! И даже ангелов-совместителей они делят в своем самом узком «рублёвском» кругу! А мы в своём. И у меня общие ангелы, в лучшем случае, с какими-нибудь

пожилыми партизанками. Это, кстати, весьма вероятно, потому что когда мои ангелы возвращаются на базу, они говорит с таким жутким могилёвским акцентом, что у меня вянут уши.

Короче, ангелы меня предупредили, чтобы я держал свои вянувшие уши наготове. Действительно, я внимательно прислушался и понял, что таким фальшивым голосищем Соколов со мной ещё не разговаривал никогда. Что-то у него там за кадром произошло! Сейчас для меня главное — мобилизоваться и для начала на всё говорить «НЕТ»! И хватит болтать и открываться этому человеку. Раскладов между нами может быть несколько. Он мог запросто узнать про меня и Нельку. От кого? От самой Нельки. Он мог поделиться проблемами кино с *superiōre*, с бандитами следующей ступени, и решить что лишние ангелы им в Питере не понадобятся!

Может быть, их ангелы вообще торчат не здесь, а где нибудь на Ордынке: все уважающие себя бандиты вынуждены перебираться в Москву, на повышение, а за ними уже тянутся их штатные ангелы. Потому, что там экологически чище, и проблема для ангелов существует только с мобильниками, которые для линейных ангелов хуже смерти.

Ещё расклад: высокопоставленным бандосам в Москве, где-нибудь в Госдуме, не нужно подставляться, и давать ход моей истории с заложницей, марать себя фиолетовыми трупами чеченцев, если поверить, что были эти трупы.

Или у них могут быть чисто финансовые соображения, и лакированные бандиты смекнули, что нет смысла тратить на автора рассказов любые деньги, тем более связываться со мной на годы.

Не было рассказов, не было! Первично был сценарий! Мало ли какие сценарии существуют на белом свете?! Сценарии, которые написаны задолго до романов и рассказов!

И, наконец, последний вариант: Утюг мог запросто стакнуться с американцами, а все координаты их студии я дал Утюгу лично. Чего я буду скрывать: меня просят — я даю!

— Слушай, так ты нашел Ирку Пумину? — угрюмо спрашивает Утюг.

— Я же тебе сказал, что не нашел, — терпеливо отвечаю я.

-Она тебе не даст! — теперь в голосе Утюга уже слышна не мрачная ирония, а ироничная агрессия.

— Это ты мне уже сказал! Я помню.

— Так я ещё раз скажу. С кольцом в носу они не дают. Они не так устроены. Ты для неё черножопый, понимаешь? Она травмирована чеченами, но её не изнасиловали, а только напугали! Если бы её изнасиловали, то был бы

искушение сойтись с чеченом, чтобы снова испытать этот ужас! Чистая психология! А она только напугана — она тебя близко не подпустит.

— Я же не чечен, я рыжий.

— Это для меня ты рыжий, а для неё ты чурка. И не вздумай ничего ей рассказывать про кино! Себе на шею повесишь гирю! Они тебя вместе с твоей киностудией разденут! Ты не поддакивай, ты Саню слушай! Саня в таких делах профессор, за ним ловить не надо! Впрочем, я тебе не для этого звоню. Ты когда выезжаешь? Сегодня? Билет есть? Важно, чтобы тебя встречали у мягкого вагона! Не нужно твоего интеллигентского « мне боковую у туалета и без чая». Денег на мягкий дать?

— Деньги у меня есть!

— Свои ты на мягкий пожидишся тратить. Вот я о чём! В общем, ты поезжай, потолкуй с коллегами, но пока ничего не подписывай. Бери тайм аут, тяни время. Что надо будет — звони! Главное, не подписывать никаких бумаг! — советует мне Утюг.

Ангелы мои, что вы на это скажете, где же вы? Ангелы притихли и молчат!

Глава 112.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Билеты в Киев продавались свободно. В начале лета туда никто из москалей вообще не желает ездить. Воны забыжаются за росийску мову!

А у меня на этот счёт более взвешенная позиция. И я собираюсь представить её и в Верховной Раде и в Кремле! То, что в Тарасе Бульбе слово «Россия» в целом братском государстве меняют на слово «Украина» — это всего лишь полумера!

А я предлагаю запретить всего Гоголя на всей славянской территории! Скушали? Потому что это поклён не только на гпу'шное чиновничество, это поклён на dc. Державу и на нацию! И окопался, сволочь, Гоголь-Моголь в таких местах, откуда его уже никакими силами не выковоришь, и ни на какие Соловки, как любит писать Булгаков, не упечешь. (Булгакова см. в след. главе, я его тоже приспособил к делу!)

Ещё я предлагаю Кремлю и Верховной Раде объединить, наконец, свои сердца и совершить единственно честное действие: всё по-хрущёвски переименовать! Украину назвать «истинной Россией», а Московское княжество с этим прохиндеем великим князем Лужковым назвать Киевской окраиной, то-бишь, Украиной, но в хорошем смысле! И тогда можно не менять никакие языки, и все проблемы решены! В Киевской Руси будут говорить на русском, который этой

территории и принадлежит, львовский диалект польского можно загнать вместе с Первой конной армией обратно под Варшаву, а территорию самой Москвы оставить временно в языковом вакууме, а его уже будут заполнять по очереди татары и азербайджанцы. Потом китайцы и чеченцы! И тогда можно будет создать именно нацию будущего, о которой так мечтали большевики. Поверьте, это единственное политическое решение, которое всех устроит!

И предложить такой план должны, разумеется, писатели, писательский союз, вместе с Михалковым, Сурковым, Осадовым, и я не помню больше фамилий, но это будет настоящим писательским подвигом. А не только подпеванием любой партии у власти. И Гоголь тоже будет доволен. Потому что оказаться через 200 лет под запретом, чтобы твои книги изымали из библиотек и сжигали на площадях — это единственный удел, которым может гордиться прозаик!

Впереди была ночь в поезде и прозаические мысли, ближе к ночи, всегда плывут у меня в юго-западном направлении: я тепло думал об Украине! Но не в политическом ключе! Я, по сути своей, человек деревенский, с этим уж ничего не поделать. И категории, которыми я мыслю, поневоле тянутся к земле! Или оттуда мои мысли произрастают.

Украина — по виду и по сути — это козье вымя после окота! Только конкретная порода этой козы вызывает большие споры. «Горьковская» ли это порода, «казимежская» ли, а может быть и вовсе «польская пестрая улучшенная»! Вы скажете, что нет смысла углубляться в вопросы разведения племенных коз. Тем более, что тема странно звучит, когда автор после разглагольствования про сонм ангелов, сразу переключается на сонм коз! Но я честно рассказываю, с какими мыслями, под стук колёс, сомнительный москаль едет на Украину! «Украина моя, Украина,

Ненько моя!..»

Классифицируя Украину как дойное вымя, ломаешь голову над крымским соском: татарский или российский сосок по форме? Это трудный философский вопрос, но кому надо, разумеется, разберутся!

Пас ли я в детстве коз? Смешной вопрос! Я — профессиональный пастух! Я могу не только подоить козу, но и мастерски её обездить! У бабушки были страшно симпатичные козы, на которых мы с чеченскими мальчишками катались по кругу верхом. Козы нас страшно за это материли. Но это Кавказ, там такие шерстные породы коз, каких вы и в глаза не видели. А на привычной вашему глазу угрюмой зааненской козе-дерезе особенно не покатаешься! Господи, как хочется залезть обратно в детство и никогда оттуда не вылезать! О козах пока всё. Перехожу к сонму бетонщиков!

Напротив меня, и ещё на нескольких верхних полках, спала бригада бетонщиков. После трёх суток работы они ехали отсыпаться в Торжок, а я, чтобы не слушать их страшного храпа, вставал, метался по коридору, завидовал им и мрачно курил в тамбуре. Эти работяги жили настоящей мужской жизнью, от которой я почти отвык. И я был для них не братком по классу, а всего лишь представителем полуэрэской породы белых воротничков, которые ездят в купированных и в мягких.

Вагон, к вящему стыду моему, был купированным, но какого-то древнего выпуска. В нём ещё Чехов-Книппер вместе со своей манерной Книппер-Чеховой ездили до революции на Сахалин! Их инициалы А.Ч-К+О.К-Ч были вырезаны ножом на верхней полке. Морёный дуб! На такой дубовой полке я бы и сам чего-нибудь вырезал, но мне не пришло в голову взять с собой серьёзный перочинный нож.

В вагоне было на редкость чисто. И в зеркалах теперь отражался чистенький человек в белом воротничке, которого я узнавал с большим трудом.

Я ехал Киев в почти новом пиджаке с маленькой дырочкой на лацкане и с дырочкой в правом кармане, в которую мог просочиться только худосочный украинский гривенник.

У тёщи обязательно найдётся любой хлам, который вам может понадобиться, но всегда с маленьким дефектом. Если бы я попросил у неё ноутбук, то она немедленно извлекла бы его из дивана, но там не было бы «й» или буквы «ё» или что-то такое.

Утром проснусь и закажу себе в подстаканнике чай. Чай в подстаканнике тоже родом из детства.

Глава 113.

Центральная глава книги.

Города, в которых мне предстояло побывать, я изучаю подробно, как тренер национальной сборной Ирландии мысленно прощупывает будущего противника. Булгаковскую киевскую страничку, я даже наизусть проговаривал в метро...

«....Город разбухал, ширился, лез, как опара из горшка. До самого рассвета шелестели игорные клубы, и в них играли личности петербургские и личности городские, играли важные и гордые немецкие лейтенанты и майоры, которых русские боялись и уважали. Играли арапы из клубов Москвы и украинско-русские, уже висящие на волоске помещики. В кафе «Максим» соловьем свистал на скрипке обаятельный сдобный румын, и глаза у него были чудесные,

печальные, томные, с синеватым белком, а волосы — бархатные....» Дальше я, как назло, начинал делать ошибки. Но эту поездку в Киев я считаю центральным пунктом своей повести, и, всвязи с этим, меня долго мучил вопрос, а как же выстраивают центральные главы классики нашей прозы? Как Пушкин разрешает эту техническую литературную задачу в Евгении Онегине? Точно так же решу её и я! «Я себя под Пушкиным чищу...», — писал Маяковский, не очень понятно, но учиться у Пушкина мне тоже ни чуточки не стыдно!

Только вот, что считать центральным местом романа? Думаю, что его выбирает для себя каждый читатель по-разному. Для вас это, может быть, сон Татьяны или дуэль, а меня они только раздражают! Для меня центральное место романа — только, единственно, всегда — первое появление Онегина в доме Лариных!

И, к своему ужасу, я вдруг выясняю, что я брежу: в романе такого места практически нет! Пушкин определил его точками. И в черновиках тоже только точки. Написал и выкинул? Или просто не писал? Выбрал «значимое молчание»! Потом кудрявый правнук Ганнибала немного пробалтывается, и бросает несколько слов о первой встрече героев, но основную работу он всё-таки предлагает совершить самому читателю.

Ну и черт с ним, я тоже оставлю только точки, но меня поразило другое! Вот мгновения до поездки в гости к Лариным: «Ну что ж? ты едешь: очень жаль.

Ах, слушай, Ленской; да нельзя ль

Увидеть мне Филлиду эту,

Предмет и мыслей, и пера,

И слез, и рифм et cetera?..

Представь меня».

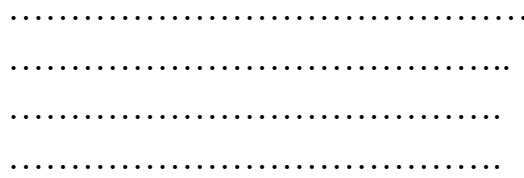
Я залез в энциклопедический словарь и похолодел: Филлида или Phyllis (Погречески: Φυλλίς) Филлида — персонаж древнегреческой мифологии, фракийская царевна, жившая возле Родопских гор, которая повесилась, когда её жених, афинский царевич Демофон, отлучился на родину и долго не возвращался. Упоминается Данте в разделе Рай в «Божественной комедии», древнегреческая гетера Phyllis, известная своим знакомством с Александром Македонским и Аристотелем!... . и дальше про мою Phyllis, про мою калифорнийскую дуру, к которой я еду.

Так не бывает! Круг замкнулся.

А теперь только точки, шесть рядов, до окончания строфы!

.....

.....

Глава 114.

Они дорогой самой краткой
Домой летят во весь опор .
Теперь послушаем украдкой
Героев наших разговор: ео 3 глава ас пушкин
Это эпиграф. Но очень существенный кусок идёт дальше:
...В чертах у Ольги жизни нет.
Точь-в-точь в Вандиковой Мадоне:
Кругла, красна лицом она,
Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне.
Владимир сухо отвечал
И после во весь путь молчал.

В принципе уже здесь можно было стреляться. А что делать, если бы вашу возлюбленную назвали толстомордой идиоткой? Обменялись бы парой пуль и дело с концом. Единственная нормальная традиция, так и ту не смогли сохранить! За эту поездку я должен был стреляться раз пять! Всё-таки сколько надежд и чаяний, когда едешь туда, и невероятным разочарованием является дорога обратно. И попадись мне сейчас такой самоуверенный хам, как Онегин, я бы обязательно вступил в конфликт и стрелялся! Сейчас важно успокоить себя, обо всём забыть, и использовать поездную тряску, чтобы ощутить, что ты писатель и должен создавать собственную прозу. Отлично, что у меня с собой нет компьютера. Ночью в поезде мои мысли уносит в новом направлении. Наверное, дело не только в экране, но в самом феномене покачивания поезда. Дома мне не добиться такого эффекта, а устраивать нужные покачивания в кровати я не могу из-за подозрительных соседей. Эта умеренная тряска открывает в мозгу все необходимые шлюзы..... особенно если рядом на полке спит не бетонщик, а во сне улыбается соседка по купе, продавщица из купчинского торгового центра. Мне пока не удалось выведать, в каком она работает отделе, и куда она едет, но это несущественно! Потому что любые продавщицы — это мой уровень. Это — идеальные женщины. Я могу часами

разглядывать, какие у продавщиц бывают ямочки на щеке и маленькие шрамы на коленках. Или как продавщица ест, как она любовно дует на ложку, как нежно разглядывает она коробку отвратительной лапши «До-ширак»……или как естественно поправляет она чёлку, когда сидит на каком-нибудь козле: такая абсолютная женщина может выбрать себе и чеченца с гранатой, с неё станется. И с точно такой же нежностью как на тарелку лапши «До-ширак» она будет смотреть и сдувать пылинки с наглого прикурка из Госдумы… Думаю, что наша прародительница Ева произошла из продавщиц, хоть мне трудно себе представить, что же тогда можно было продавать, и не нужно считать себя сверхоригинальным, навязывая ей торговлю вареньем из райских яблочек, а хоть бы и так. Продавщицы — это мой космос, это мои «сиськи и письки». Не в буквальном, а в самом высшем смысле продолжения жизни на земле, и в поезде я могу описывать этот высший смысл рукой и чернилами, а не тыкать пальцем по клавишам, чего, правда, в дальнейшем не избежать, переводя эти части тела на экран. Но, при том, что любая Ева — это продавщица, совсем не обязательно, что любая продавщица — это Ева. И пусть себе! Я люблю, как продавщицы бреют ноги, как загадочно молчат, как подставляют под поцелуй свои чресла, как прицепляют к блузке какой-нибудь нелепый гвардейский бантик. Конечно, самой Еве такой бантик было бы совершенно не к чему прикалывать, не прокалывать же ей для этого свою девственную вавилонскую кожу, но, в принципе, всегда можно прикрепить его скотчем, если предположить, что тогда уже был изобретён скотч. Наконец, что за счастье разделить с ней этот сладостный мир, цветущий в её сознании! Хорошо бы в её сознании совсем не было мужчин, я пекусь не о себе, а именно о ней, потому что какого рода козлы могут стать её избранниками, об этом даже страшно подумать. Может ли так спать продавщица из Америки? Нет и ещё тысячу раз — нет. Её суэтные американские сны пронизаны запахом барышей. И хоть вы скажете, что американская продавщица, мало отличается от продавщицы из Тамбова, но в том-то и штука, что существует это именно разного космического порядка…

Пассаж про продавщиц был неплохим, но пора было сворачивать в сторону документального сценария. Завтра, к 11 часам утра, мне нужно сдать для Литвиненко предварительное исследование для фильма про «чемпионат страны по футболу среди бездомных». А ему, если не говорить пошлостей, показать мне было решительно нечего! Денис вечно выбирает такие темы для фильма, что меня мутит. Денис хочет поехать на первенство мира по футболу среди бездомных! Удивительное состязание 21го века! Пройдёт еще сто лет и будут

проводить первенство Вселенной среди бездомных. Но Денису до этого сладкого дня не дожить.

Глава 115.

20-25 июня

Препустившая поездка в Киев. У Конан Дойля был рассказ "Союз рыжих", там героя нанимают на фиктивную работу, лишь бы удалить его из дома. В моём случае никто, кроме Литвиненко, не мог ставить себе такой задачи, но зачем я ездил, я так и не понял! Пушкинской Филлиды на встрече не было. В последний момент что-то у неё не сложилось. Не было подходящей лошадки. Видел двух лакированных американцев. Они разговаривали со мной как воспитатели в интернате для слабоумных. У меня так всегда с американцами: я всегда разговариваю с ними как с «даунами» и они разговаривают со мной как с «дауном». Контакта, в очередной раз, не получилось, да я его даже и не искал. Мы обсуждали, какого цвета волосы должны быть у главных героев. Володя предупредил меня, что один из сценаристов неплохо говорит по-русски. Сценарист сказал мне: «А блондинки парней: они тоже имеют больше удовольствия when больше оппозиции в своей карьере?» И мы перешли на английский.

Продюсер Володя ждал от меня творческой активности. Видимо, он, на расстоянии, переоценивал мои возможности. Продюсер рассказал мне, что его офис посетили люди от Соколова, и его местные партнёры вместе с товарищем Утюгом обдумывают взаимные интересы.

Никаких договоров я не подписывал, и Володя на этом особенно не настаивал. Всё-таки у меня было впечатление, что от меня что-то скрывают, или это шизофрения и банальная мания преследования. Заговор молчания можно было попытаться растопить, но я не стал. И просто из «логова змиева» удрал. С Витебского вокзала добрался на маршрутке до дома, подошел к парадной двери, и первая, кого я встретил, была доктор Аксёнова. Она стояла у лифта в своих вечных наушниках и еще подыгрывала себе руками! Мгновение, пожалуйста, остановись, ну очень тебя прошу! Я успел разглядеть всю её фигурку, сказочную кругленьку попку и стройные ножки.

Я сказал громко: «Некоторые врачи очень легкомыслены! Кричи не кричи — ничегошеньки не слышат!» Ноль внимания!

Тогда я громко насвистел ей « Не пускает домой, не пускает домой
Меня злой вологодский конвой».

Она подняла глаза и сделала такое порывистое движение мне навстречу, что я сразу забыл и о Киевской Руси, и о библейских продавщицах, и о польских козах. Девчонка дёрнулась ко мне, обоим нам стало жутко неловко, и мы вынуждены были обняться и стукнуться носами, потому что сдерживаться было очень глупо. Я уже лет сто не целовался в лифте, не знаю, откуда там столько электрического света.

Потом мы зачем-то ходили на кухню и очень внимательно старались избегать касаний. Потому что молнией просто могло убить. Как Георга Рихмана, приятеля Ломоносова, шарахнуло прямо в глаз шаровой молнией. А потом мы болтали друг другу разные глупости и долго выясняли, кто же из нас вернулся домой.

Доктор Аксёнова запальчиво говорила — Это я вернулась домой!

А потом на что-то она сказала:

— Дурачок, ты же взрослый человек...

— Ты хочешь сказать, человек преклонного возраста? Когда я был мальчишкой, я был уверен, что люди после тридцати половой жизнью уже не живут!

— ...ты же взрослый, опытный, мудрый, это ведь ты мне сообщил, о чем могут говорить женщины! Твои слова «они обсуждают любовников и половые акты!» Как я могу с тобой спорить!

— В моё время всё было не так!

— Когда это было до революции? Ты не очень-то задавайся, ты старше меня всего на 13 лет!

— На 14!

— Ну и что! Зато ты инфантильный. Но я с этим решила примириться. А вообще ты мнительный дурак. И, к сожалению, ничегошеньки не понимаешь в женщинах!

Как писать о том, что было дальше, я не знаю.

Потом она сказала: «Я вижу себя в отношениях с тобой, как в зеркале, и мне очень нравится, какой я себя вижу». А я сказал: «Накинь на себя что-нибудь, ты замёрзнешь!»

Глава 116.

25 июня

Главные события жизни налагаются друг на друга. Закон парных случаев! In Britain there is a common superstition that bad luck happens in threes. Но мы, к счастью, не в Англии, у нас они in twos! Рано утром я вылетел из постели к

телефону и женский голос спросил меня.

— Ты знаешь, кто с тобой говорит? — я оглянулся по сторонам, доктор Аксенова уже убежала на занятия.

— Только ты ничего не отвечай, — тихо произнесла трубка.

Дело даже не в том, что у меня хорошая память, просто этот голос я забыть не в состоянии. И она никогда не выговаривала «р».

-Мне нужно с'рочно сказать тебе два слова. В п'режнем месте, на мостице, понимаешь, о чём я?

— Ещё бы!

— Сейчас п'ямо иди, так будет лучше всего. Главное — немедленно выйди из дома. А там будь че'рез со'рок пять минут. Я 'раньше не успею.

Короткие гудки.

Люди меняются, а голоса не меняются. Я ехал туда со смешанными чувствами. Я понял, что всё-таки она меня узнала и что-то случилось. Или она хочет мне рассказать о дочери, которую от меня скрыла. Но к чему тогда такая срочность? Ничего разумного я предположить не смог. На том месте, куда она меня вызвала, мы встречались раз сто.

Раньше она всегда сидела на холодном парапете, даже в дождь. А я сердился, говорил, что она когда-нибудь навернётся в воду. Надеюсь, что сейчас у неё хватит вкуса не залезать на парапет. Это было бы сильным зреющим.

Но она не ждала меня на парапете: я две минуты просидел в хорошей машине, а потом она меня оттуда прогнала как собачонку.

И разговор был не о дочери. Но эту тему она разговаривать вообще отказалась, сказала, когда-нибудь потом, не сейчас.

— Сейчас только слушай и поста'райся понять, что тебе следует делать. Ты хотел или не хотел, меня это не волнует, но ты подставил целую г'руппу этих п'ридурков, и они сейчас 'решают, нужно ли от тебя избавляться. Только с идиотским видом, пожалуйста, не улыбайся! Я п'риехала сюда не для того, чтобы шутить. Вот тебе ад'рес дачи, это садоводство, там всё под'робно на'рисовано, вот ключи. Найдёшь сто'рожа, предуп'реди его, что ты от меня, и если ситуация улучшится, он даст тебе знать. Если всё пойдёт по худшему сцена'рию, то я к тебе приеду и скажу, как поступать дальше. Всё! Домой ни в коем случае не возв'ращайся. Есть еще два человека, которые тоже в опасности, но ты в ге'роя не играй и с ними не встречайся. Сашка об этой даче не знает. Но когда-то он сам п'росил меня п'ридумать ук'рытие для меня, понимаешь, для меня, о кото'ром никто, даже он, не будет знать. Теперь знаешь ты. Тем двоим ты помочь не сможешь, а только будет хуже.

Она ушла и оставила у меня в руках свёрток с ключами. Сказала напоследок, «ненавижу, когда ду’раки лезут, не понимая куда. Ты, что не видишь, с кем ты связался? Жить надоело?»

И ушла. Она не только внешне стала взрослой женщиной, она вообще стала другой. Я воспринимал её как свою маму. Романтическое свидание через 18 лет. Тяжела участь жён бандитов! Посочувствуешь. Но об этом я буду думать уже на даче. Чёрт знает, как она смогла меня вычислить и найти!

Я позвонил Денису, сказал, что меня неделю не будет. Попросил заехать ко мне и бросить записку д-ру Аксёновой. Запомнишь?

«Д-ру Аксёновой». Напиши: «меня неделю не будет. Ю.С.»

Запечатай и брось в почтовый ящик.

— Ну, а что с футбольом бомжей?

— Снимай для разнообразия сам! Придумывай, что хочешь! У меня нет душевных сил об этом писать.

Не очень удачный выбор курьера, я понимаю, что посылаю к себе домой с запиской самого большого бабника на свете. Но сегодня мне больше просить некого.....

И здесь героя моего,
В минуту, злую для него,
Читатель, мы теперь оставим,
Надолго... навсегда... Заnim
Довольно мы путем одним
Бродили по свету. Поздравим
Друг друга с берегом. Ура!
Давно б (не правда ли?) пора!